

Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Тринадцатые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биографика 20 века

20–22 апреля
2015

Санкт-Петербург
2016

Петр Базанов

Жители поселка Териоки: репрессии 1939–1941 годов

Петр Николаевич БАЗАНОВ

*профессор кафедры
документоведения
и информационной аналитики
Санкт-Петербургского
государственного института
культуры (СПбГИК),
доктор исторических наук*

Поселок Териоки (есть другие варианты названия – Териюки и даже курьезные: Териоки, Териокки; ныне город Зеленогорск) расположен в 50 км от Санкт-Петербурга. После обретения Финляндией в 1917 независимости его жители неожиданно оказались в вынужденной эмиграции. На протяжении Гражданской войны и в первой половине 1920-х к ним присоединялись беженцы из России.

Всех репрессированных условно можно разделить на три группы. Первая – реэмигранты, из-за тяжелой материальной жизни и, в меньшей степени, по политическим и патриотическим соображениям вернувшиеся на родину. Большинство из них были арестованы как финские шпионы. Вторая категория – лица, нелегально переходившие советско-финскую границу: контрабандисты, «ходоки» (члены военных и политических организаций Русского зарубежья) и настоящие шпионы. Последняя группа – люди, оставшиеся в 1939 в Териоках в начале Советско-финской («Зимней») войны.

Тяжелое материальное положение, в особенности во время «Великой депрессии», заставляло многих жителей Зарубежной

bazanovpn@list.ru

4 Петр Базанов

России из Эстонии и Финляндии реэмигрировать. Возвращались на родину бывшие «дачники», представители коренного населения и «классические эмигранты». Стоит отметить и принципиальную особенность: для многих реэмигрантов, кроме материальной нужды, важной причиной для возвращения служила не знаменитая «ностальгия по Родине – России», а оторванность от культурных центров. Поэтому многие уезжали из Эстонии и Финляндии или в Берлин, Париж, Нью-Йорк, или в СССР. Судьбы подавляющего большинства «возвращенцев» в межвоенный период сложились очень печально, и не только потому, что их ожидали долгие проверки и придирки в Гатчинском карантине и всю дальнейшую жизнь в СССР. Почти все они были рано или поздно репрессированы. Дальнейшая их трагическая судьба прослеживается по материалам личных дел реабилитированных граждан, хранящихся в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Большинство этих дел связано с П.П. Соколовым, активным членом «Русского Общевоинского Союза» (РОВС), «Братства Русской Правды» (БРП), «Союза младороссов», «николаевских» и «кирилловских» монархических организаций.

Петр Петрович Соколов (1891–1971), выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, являлся знаменитым разведчиком и футболистом¹. Игрок «Унитаса», «Удельной» и «Териоки», участник Олимпийских игр 1912 года в Стокгольме, в общественном мнении – лучший правый защитник России начала XX века. Всему Петрограду он был известен под футбольным прозвищем «Петя-плюнь». Соколов имел тесные отношения с английской разведкой со времен Гражданской войны, когда он участвовал в «заговоре П. Дюкса». До 1924 года деятельность его группы финансировалась английской разведкой². Одновременно П.П. Соколов был одним из организаторов в Финляндии первой группы «Национально-Трудового Союза Нового Поколения» (НТСНП) и создателем (а с 1931 – председателем) «Союза Ивана Сусанина».

До конца 1920-х он проживал в Териоках, сначала в двухэтажной пятикомнатной даче Селяхова³, а потом в доме тестя – купца Николая Алексеевича Носова (находился в западной части Териоков, в так наз. Кякёсенпяя).

П.П. Соколов неоднократно проникал на советскую территорию (в Ленинград и губернии Северо-Запада России), куда всегда доставлял «братскую» литературу. В 1928–1930, в связи с неоднократными советскими нотами, был переселен из Териоков в Хельсинки, но его жена Мария Николаевна и адъютант А.А. Янушкевич остались по старому месту жительства до декабря 1939.

¹ См. о нем: *Матвеев О.* Тайные игры Петра Соколова // Футбол. – 1998. – № 41, 10 окт. – С. 13. См. также документальные фильмы: «Шпион из центра нападения» (авторы сценария Алексей Васильев, Юрий Лукосяк; режиссер Иван Криворучко, ведущий Кирилл Набутков. 52 мин. Премьера: Канал ТВС, 2002); «Тайные игры Петра Соколова» (режиссер Арно Туоминен). См. также рецензию: *Штрепа В.* Русский «Джеймс Бонд» финской разведки // Финляндский торговый путь. – 2013. – №12. – С. 13.

² Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Лен. области (далее Архив УФСБ). Д. П-76654 А.А. Янушкевич. Л. 21.

³ Там же. Л. 50.

Прекрасно физически подготовленный человек, интеллектуал, имевший стаж работы в контрразведке, П.П. Соколов буквально изводил ленинградских чекистов своими подвигами. Он выдумывал всевозможные способы нелегального перехода границы. Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области забит документами о том, как в очередной раз «Голкипера» видели в Ленинграде или в пригородах и не смогли задержать. Например, в конце двадцатых годов во время праздника на Острове Трудящихся (Каменном), сопровождавшегося гуляниями на лодках по Финскому заливу, П.П. Соколов с соратником подплыл к Петровскому острову, пробыл для сбора информации в городе целый день и вечером снова отправился в Финляндию. Последний раз его видел в Ленинграде на Кировском проспекте известный футболист Михаил Павлович Бутусов в феврале 1939⁴.

Ленинградский писатель и публицист А.В. Сапаров посвятил «злому гению ленинградских чекистов» страницы в «документальной повести» «Битая карта» (1967)⁵. Через 50 лет советский читатель узнавал о приключениях футболиста «Петра Петровича Фальконена-Соколова». В повести действительно приводятся невыдуманные факты биографии. Отмечается его участие в «заговоре П. Дюкса», кличка «Голкипер» и то, что он играл за «Унитас», а в 1920-е – много раз ходил через советско-финскую границу. Одни эпитеты чего стоят: «непойманый курьер Поля Дюкса», «взошла шпионская звезда» и т.п.⁶. Сам А.В. Сапаров таких подробностей придумать просто не мог, скорее всего, его познакомили с материалами архивного дела Соколова.

Первым за знакомство и родство с футболистом пострадал уроженец Териоков электромонтер Константин Николаевич Носов (1908–1935)⁷. Его сестра Мария была первой женой П.П. Соколова, и, естественно, это и было главным аргументом для обвинения в шпионаже. К.Н. Носов под влиянием «совпатриотических» взглядов поссорился с зятем и в 1930 реэмигрировал в СССР. Хельсинкская полиция даже посадила его в тюрьму, и спасло только вмешательство советского полпредства. В декабре 1934, после убийства Кирова, К.Н. Носов был арестован. Вместе с ним по делу о связях с белоэмигрантами проходили все знакомые по небольшому поселку Териоки, после 1920 переехавшие в Ленинград, в том числе и братья Трухляевы. Официально обвинение включало и «шпионаж на Финляндию», так как К.Н. Носов встречался с уроженцем Териоков, вахтером финского консульства Эйно Товала (1903–?). На суде К.Н. Носов все отрицал и указывал, что признательные показания дал только по причине пыток голодом

⁴ См.: Лукосяк Ю.П. Футбол. Первые шаги. 1860–1923. – СПб., 1998. – С. 164.

⁵ Отдельное издание вышло к 70-летию ВЧК: Сапаров А.В. Битая карта. – Л.: Лениздат, 1987. – 336 с. – (Б-ка молодого рабочего).

⁶ Там же. – С. 168, 177.

⁷ Архив УФСБ. Д. П-76654 А.А. Янушкевич. Прилож. Л. 17.

и холодом⁸. Разумеется, в соответствии с экстраординарным законодательством времен Большого террора, 10 июня 1935 его приговорили к смертной казни.

Согласно материалам дела А.А. Янушкевича, реальными агентами П.П. Соколова в Ленинграде были брат его жены Марии – К.Н. Носов и старшая сестра – сотрудница Почтамта Пелагея Николаевна Носова (1898–?), легально ездившая в 1928 в Финляндию. Их квартира №3 в доме 13 в Максимилиановском переулке якобы была явочной⁹. Вместе с тем нельзя не отметить, что при обращении к следственным делам К.Н. Носова и его старшей сестры Пелагеи Носовой картина вырисовывается совершенно иная.

В 1935 сотрудницу Почтамта Пелагею Николаевну Носову как «члена семьи врагов народа» выслали в Казахстан, откуда она вернулась в Ленинград в 1946. В 1951 ее осудили (примерно по тем же обвинениям, что и брата) на 5 лет, которые она провела в Карлаге¹⁰. В 1950-е К.Н. и П.Н. Носовы были реабилитированы. Хотя, возможно, реэмиграция К.Н. Носова и его знакомых была тщательно продуманной операцией по проникновению в СССР, а ссора с П.П. Соколовым в конце 1920-х – ходом прикрытия. Однако эта версия также вызывает большие сомнения¹¹.

За знакомство с К.Н. Носовым и П.П. Соколовым репрессированы были (по обвинению в работе на финскую разведку и участии в белоэмигрантских организациях) реэмигранты из Финляндии братья Владимир (1909–?) и Иван Александровичи Трухляевы. В 1931 они переехали из Териоков в Ленинград. Вместе с братьями арестовали Ивана Колачева, женатого на их сестре Надежде, а также их знакомого Федора Дмитриевича Загородного¹².

В 1935 был арестован и расстрелян внук художника И.Е. Репина – Дий Юрьевич Репин (1907–1935), пытавшийся незаконно пересечь границу¹³.

Другой группой репрессированных были многочисленные курьеры и контрабандисты, регулярно переходившие советско-финляндскую границу. Выделим связанного с П.П. Соколовым Петра (Пекку) (1896–1929) и Владимира (Вилли) Николаевичей Пуккила. Происходили они из богатой православной семьи (отец – финн, мать – русская), которой принадлежала квартира в Санкт-Петербурге (угол Невского и Казанской улицы, д. 3, кв. 235) и собственные дома в Териоках.

⁸ Архив УФСБ. Д. П-39835 К.Н. Носов. Л. 9об, 22, 49об, 72, 104.

⁹ Там же. Л. 19-20.

¹⁰ Архив УФСБ. Д. П-876531 П.Н. Носова. Л. 107.

¹¹ См. также: *Базанов П.Н.* Братство Русской Правды – забытая организация Русского Зарубежья: Монография. – М.: Посев, 2013. – С. 127-128.

¹² Архив УФСБ. Д. П-76654 А.А. Янушкевич. Л. 8, 17.

¹³ См. подробнее: *Базанов П.Н.* Человек без биографии: Дий Юрьевич Репин (1907–1935) // Право на имя. Биографика 20 века: 10-е чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 20–23 апреля 2012 / НИЦ «Мемориал»; Европейский ун-т в СПб. – СПб., 2013. – С. 35-42; *Базанов П.Н.* Куда пропал внук Репина? // Родина. – 2014. – № 6. – С. 28-31; *Базанов П.Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2015. – С. 86-102.

П.Н. Пуккила был подданным Великого Княжества Финляндского, по образованию бухгалтер. В результате революции семья Пукилла потеряла все имущество в России, и братья занялись разведывательной деятельностью и контрабандой. Из Финляндии в СССР доставлялся «дефицит» (от ниток и иголок до крупных технических изделий), а в обратную сторону перемещались антиквариат, золото и нелегальные беженцы. В 1922 П.Н. Пуккила был арестован ЧеКа, но ему повезло, и он попал под амнистию по уголовным преступлениям. В 1928 его случайно задержали советские пограничники. П.Н. Пуккила были предъявлены обвинения по статьям 17-84, 83-11, 58-12 УК РСФСР¹⁴. В октябре 1929, потеряв всякую надежду, он совершил самоубийство в тюрьме предварительного заключения на Шпалерной улице¹⁵.

Правой рукой П.П. Соколова был другой курьер из Териоков – первый муж Антонины Николаевны Носовой (1906–?) прапорщик Федор Иванович Спиридонов. Уроженец г. Нарвы, он примерно в 1932 (или 1933) попал в засаду советских пограничников при переходе границы на Карельском перешейке, пытался отстреливаться, затем покончил жизнь самоубийством¹⁶.

Самой необычной является история другого родственника П.П. Соколова. До 1926 с футболистом-разведчиком сотрудничал Андрей Денисович Мосалев (1892 – не ранее 1950), муж Елизаветы Николаевны Носовой. Он чаще всего переходил границу по зимнему маршруту (Териоки – Лисий Нос и через реку Сестру в районе села Кивино). А летом Густав-Адольф Гендрикссон на своей яхте из Валлельяки под Териоками перебрасывал агентов в район Стрельны¹⁷. По показаниям А.Д. Мосалева, связными в Ленинграде были Александра Александровна Пономарева и Петр Ильич Панков.

Судьба А.Д. Мосалева прослеживается до второй половины 1940-х. После ссоры с П.П. Соколовым из-за недостаточного жалования он переехал в г. Шалеруа (Бельгия), где стал работать шахтером и вступил в «Союз младороссов». Потом переселился в г. Бенни (Франция), где стал членом группы НТСНП, в которую входили братья Олег и Аркадий Ивановичи Залыньские, Константин Докучаев, Петр Таланов и Твербус-Твердый¹⁸. (Последний из перечисленных – бывший подполковник Дроздовского артиллерийского дивизиона А.М. Твербус-Твердый, механик угольной шахты в бельгийском городе Бенш.) В 1941 А.Д. Мосалев был отправлен в Третий рейх, находился в лагере Доротен, был освобожден американскими войсками и жил в английской зоне оккупации. Арестован он был в одной из советских воинских частей в Берлине, где работал в должности бухгалтера. В МГБ сверили его биографические данные, припомнили деятельность

¹⁴ См. о нем: Агафон Фаберже в красном Петрограде. – СПб., 2012. – С. 145.

¹⁵ Там же. – С. 150.

¹⁶ Архив УФСБ. Д. П-76654. А.А. Янушкевич. Л. 20.

¹⁷ Там же. Д. П-876531 П.Н. Носова. Л. 77.

¹⁸ Там же. Л. 72.

на Карельском перешейке и вывезли А.Д. Мосалева в СССР. Затем он был расстрелян, видимо, в Москве¹⁹.

В современном эмигрантоведении довольно хорошо исследована тема насильственного возвращения русских эмигрантов в СССР после занятия Красной армией территорий Западной Украины и Белоруссии в 1939, Прибалтики – в 1940, Восточной и Центральной Европы – в 1944 и Маньчжурии – в 1945. В плане нашей темы этот вопрос с конца 1980-х изучается на примере репрессий соотечественников в Эстонии, еще до ее присоединения в 1939²⁰. При этом в отечественной и зарубежной исторической науке, а также в российском общественном мнении долгое время существует сложившийся миф, что все население Карельского перешейка – финское и русское – было эвакуировано или успело уехать перед началом Советско-финской («Зимней») войны осенью 1939 года. Из этого постулата делается вывод, что, например, в Комарово (Келломяки) или Зеленогорске (Териоки) никого не осталось, и все местные жители приехали уже после Второй мировой войны. На самом деле это не соответствует действительности. Большинство жителей Карельского перешейка, не эвакуировавшихся по решению финских властей, не было арестовано в 1939–1940. Советской власти надо было создать иллюзию наличия местного населения в так называемой «Народно-демократической Финляндской республике». С началом Великой Отечественной войны они были как «нежелательные элементы» высланы во внутренние районы СССР или репрессированы под надуманными предлогами²¹.

Во время пожара Териоков 1 декабря 1939 сотрудниками НКВД был арестован с оружием в руках А.А. Янушкевич, бывший денщик П.П. Соколова²². Антон Алексеевич Янушкевич (1895 – после 1940), по происхождению –

¹⁹ Архив УФСБ. Д. П-876531 П.Н. Носова. Л. 81.

²⁰ См., например: Русское национальное меньшинство в Эстонской Республики (1918–1940) / Под ред. проф. С.Г. Исакова. – Тарту: Крипта, 2000. – 448 с.; *Исаков С.Г.* Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: Материалы к биограф. словарю. – Тарту, 1994. – Т. 1 (До 1940 г.). – 114 с.; Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг.: Антология / Сост., биогр. справки и коммент. С.Г. Исакова. – Таллинн: KPD, 2002. – 360 с.; *Исаков С.Г.* Источники и история изучения русской эмиграции Эстонии (1918–1940) // Берега. – 2009. - № 11-12. – С. 43-64; *Исаков С.Г.* Источники и история изучения русской эмиграции Эстонии (1918–1940). Обзор // Исаков С.Г. Культура русской эмиграции Эстонии 1918–1940. Статьи. Очерки. Архивные публикации – Tallinn: Aleksandra, 2011. – С. 23-59; *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии (1918–1940): Ист.-культ. очерки. – Тарту: Компу, 1996. – 440 с.; Исаков С.Г. Б.В. Энгельгардт. Опыт жизнеописания // Биографика. Русские деятели в Эстонии XX века. – Тарту, 2005. – С. 204-237; *Исаков С.Г.* Б.В. Энгельгардт. Опыт жизнеописания // Исаков С.Г. Культура русской эмиграции Эстонии 1918–1940. Статьи. Очерки. Архивные публикации – Tallinn, 2011. – С. 274-302; *Меймер А.* «За веру, царя и Отечество»: Эпизод из деятельности русских монархистов в Эстонии // Диаспора: Новые материалы. – Вып. 3. – Париж; СПб., 2002. – С. 269-292; *Абисогомян Р.* Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской Республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие: магистерская дис. / Тартуский ун-т, филос. фак., каф. рус. лит. – Тарту, 2007; и мн. др.

²¹ См. подробнее: *Базанов П.Н.* Жители поселка Келломяки: репрессии 1939–1941 гг. // Право на имя. Биографика 20 века: 11-е чтения памяти Вениамина Иофе. СПб., 21–23 апреля 2013 / НИЦ «Мемориал»; Польский ин-т в СПб. – СПб., 2014. – С. 15-20; *Базанов П.Н.* Очерки истории русской эмиграции на Карельском перешейке (1917–1939 гг.). – С. 156-161.

²² Архив УФСБ. Д. П-76654 А.А. Янушкевич. Л. 1.

белорусский крестьянин, по профессии сапожник, участник Первой мировой войны. В 1919 он дезертировал из Красной армии в районе Сестрорецка (Дюны), жил в карантине в Териоках. Попал в отряд, курировавшийся генералом В.В. Бойсманом (1883–1930)²³, который в случае взятия Петрограда Юденичем должен был вести пограничную службу²⁴. До 1925 был адъютантом (денщиком) П.П. Соколова. После прекращения работы у Соколова А.А. Янушкевич учился на сапожника, затем завел собственную мастерскую и жил на съемной квартире на Большой дороге (ныне ул. Ленина). В условиях полной нищеты и безденежья он стал членом «Евангелического общества» (Финская свободная церковь), за что получил в подарок мужской шерстяной костюм. С началом Советско-финской войны А.А. Янушкевич не эвакуировался, а решил слегка пограбить дома соседей. На этом увлекательном занятии его и поймали красноармейцы. Во время допросов в тюрьме на Шпалерной более всего следователей интересовал период службы у П.П. Соколова и связи последнего. Вспомнили и дезертирство из Красной армии. В результате А.А. Янушкевич получил 10 лет лагерей и был этапирован в распоряжение Севжелдорлага НКВД – в поселок Княж-Погост Коми АССР²⁵. Дальнейшая его судьба теряется.

5 июля 1941 был арестован другой житель Териоков, бывший петербуржец Г.А. Пресас. Герман Аркадьевич Пресас (1894–1942) – художник, декоратор, член «Общества русских художников в Финляндии». В 1923 он бежал в Литву, с 1925 жил в Финляндии, до 1935 являлся литовским подданным. Сначала Г.А. Пресас жил с семьей в Келломяках и до 1927 преподавал в русской четырехклассной школе, содержавшейся Земгором. Затем в 1930 открыл собственный фотосалон в Койвисто (ныне г. Приморск), но в том же году переехал в Териоки, где купил дом (Узкая ул., д. 2 в восточной части поселка, так наз. Оллинпяя, ул. Катаикату). Он работал художником и ретушером в местной фотографии А. Пулленена. В 1939 Г.А. Пресас остался в Териоках, работал руководителем студии в Доме пионера и школьника. Во время ареста был признан «особо социально-опасным». 22 июля 1941 вывезен в г. Златоуст Челябинской области и осужден Особым совещанием при Наркомате внутренних дел к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер в тюремной больнице 16 августа 1942²⁶.

²³ См. о нем: Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. – Т. 2. – М., 2001. – С. 417, 419.

²⁴ Архив УФСБ. Д. П-76654 А.А. Янушкевич. Л. 43.

²⁵ Там же. Л. 7.

²⁶ См.: Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. – СПб., 2010. – С. 170; Архив УФСБ. Д. П-69672 Г.А. Пресас. Л. 13, 31об.

Игорь Баскаков,
Наталья Крук

ОКБ-5

Игорь Яковлевич БАСКАКОВ

*директор музея ОАО СФ
«Алмаз», Санкт-Петербург*

Наталья Семеновна КРУК

*НИЦ «Мемориал»,
Санкт-Петербург*

Особое конструкторское бюро № 5 (ОКБ-5) было создано в начале 1946 при судостроительном заводе №5 (ныне ОАО СФ «Алмаз»). Приведем краткую историческую справку об этом предприятии.

Завод начали строить в 1931 на Петровском острове Ленинграда как верфь Морпогранохраны ОГПУ для оснащения морских пограничников сторожевыми катерами с корпусами из дерева. Проект верфи разрабатывался в ОКБ-2¹ заключенным В.Ф. Поповым, бывшим главным инженером Адмиралтейского завода², а рабочие чертежи верфи – заключенными сотрудниками ОКБ-12: Б.Ф. Кондратьевым, бывшим главным инженером

¹ ОКБ-2 – конструкторское бюро при Балтийском заводе, где в 1929 были собраны репрессированные специалисты для проектирования подводных лодок. Поскольку в 1931 бюро оказалось не загруженным по основной тематике, его привлекли к разработке проекта верфи Морпогранохраны ОГПУ и пограничных катеров для этой верфи.

² Владимир Федорович Попов (1888–1967) на момент ареста в 1929 – главный инженер Адмиралтейского завода, после ареста помещен в ОКБ-2 в качестве специалиста по подводным лодкам. В 1932 освобожден, продолжил работать на Балтийском заводе. В годы блокады Ленинграда – главный инженер Балтийского завода.

«Союзпроектверфи», и А.К. Зворыкиным, бывшим главным инженером Северной верфи. Строительство верфи осуществлялось параллельно с разработкой ее проекта. В 1932, еще до окончания постройки первой очереди верфи, было организовано конструкторское бюро во главе с освобожденным для этих целей главным конструктором Зворыкиным. В 1933 на верфи были заложены первые катера типа ГК. Затем началось освоение малых охотников типа МО-2. После убийства С.М. Кирова в конце 1934 в Ленинграде началась волна репрессий, которая не обошла стороной и верфь Морпогранохраны. В связи с невыполнением верфью плана 1934 года органами ОГПУ-НКВД было возбуждено дело «об ответственности Зворыкина и других». По этому делу были арестованы и обвинены во вредительстве бывший главный инженер В.Е. Бурачек, главный конструктор А.К. Зворыкин, начальник отделения верфи В.И. Залесский, начальник судостроительного цеха В.Д. Карамышев и ряд других сотрудников. Вскоре все фигуранты «дела», за исключением Зворыкина, были освобождены, но на работе не восстановлены.

В 1938 все они, «по вновь открывшимся обстоятельствам», вновь были арестованы органами НКВД, приговорены к разным срокам заключения в ИТЛ, некоторые сотрудники приговорены к высшей мере наказания. В их числе оказались В.И. Залесский, В.Д. Карамышев, Н.Д. Карамышев, Н.В. Славинский. Места этих инженеров на верфи были заняты малограмотными «выдвиженцами», которые не справлялись с работой. ОГПУ пришлось срочно искать инженерные кадры, способные к выполнению поставленных задач. В ГУЛАГе такие специалисты имелись в достаточном количестве. Вскоре на верфи появились отбывавшие срок известные инженеры И.И. Бобров, А.Л. Константинов, С.В. Пугавко, Г.И. Китаенко, Б.И. Ботковский, К.М. Строганов, И.А. Калинин и др. Директор верфи Ф.Н. Глушко докладывал руководству НКВД, что вновь прибывшие заключенные сумели восстановить производство. А в это время на верфи произошло еще одно несчастье – во время государственных испытаний взорвался и затонул сторожевой катер типа МО-2 (заводской № 10). Начались новые расследования и аресты. На этот раз были осуждены главный инженер П.Г. Лукьянов, прораб А.Ф. Симин и начальник ОТК А.А. Соболев. Встал вопрос о повышении пожаро- и взрывозащищенности катеров проекта МО-2. Приемка катеров МО-2 была приостановлена. В течение полутора месяцев коллектив заводского КБ под руководством заключенных сотрудников во главе с С.В. Пугавко переработал проект МО-2. Вскоре все 32 катера типа МО-2 были доработаны согласно предложенным улучшениям. Но в рамках готового проекта выполнить все требования не удалось. Поэтому руководство НКВД поставило перед верфью задачу разработать проект нового сторожевого катера. Ему был присвоен индекс МО-4. Несмотря на многочисленные экспертизы и замечания согласующих инстанций, коллектив проектантов верфи под руководством профессора С.В. Пугавко блестяще справился с задачей, и уже в 1936 были испытаны два головных катера типа МО-4, а с 1937 началось их серийное строительство. К началу Отечественной войны завод построил 188 катеров

типа МО-4 и еще 40 в первые месяцы войны. Кроме МО-4 верфь Морпогранохраны, ставшая в 1939 заводом №5 НКВД, а в 1941 – заводом №5 НКСП, строила малые катера типов КМ-2 и КМ-4, а также торпедные катера типа ДЗ.

К началу войны работавшие на заводе заключенные специалисты И.И. Бобров, С.В. Пугавко и Г.И. Китаенко были освобождены, но продолжали работать в ОКБ как вольнонаемные. Б.И. Ботковский и И.А.Калинников оставались заключенными. А.Л. Константинов был переведен в спецбюро «20-го отдела» Северодвинского машиностроительного завода (завод №402), а затем в ОКБ-172. Других заключенных на период войны на заводе не числилось.

В конце Отечественной войны перед Военно-Морским флотом правительством была поставлена задача обобщить опыт войны и разработать технические задания на новые типы кораблей, учитывающие этот опыт. Большое влияние на эту работу оказали поставки по ленд-лизу кораблей союзников. Среди боевых катеров, поставлявшихся из США, выделялись торпедные катера фирм «Элко» и «Воспер». Их боевое использование в отечественном ВМФ показывало существенное преимущество перед отечественными катерами по мореходности, а значит, и по боевой эффективности.

Это достигалось за счет выбора ширины катеров исходя из требований мореходности, а не возможности перевозки их по железной дороге. Поэтому ширина американских катеров, в отличие от отечественных, была более 4 м (предельный габарит железнодорожных грузов) и не позволяла перевозить их по железной дороге. Требование возможности перевозки боевых катеров по железной дороге ставилось для отечественных ВМФ с тем, чтобы обеспечить их маневренность при переброске с одного театра военных действий на другой. Но при этом страдали другие качества катеров, в частности, мореходность (за счет ограниченной по ширине).

В 1945 руководство ВМФ разработало и разослало различным проектным организациям тактико-технические задания (ТТЗ) на создание новых послевоенных отечественных торпедных катеров. От организаций требовалось выполнить проектные предложения. Среди организаций, которым были высланы подобные ТТЗ, были и ОКБ системы НКВД-МВД, в которых работали репрессированные специалисты.

Среди «конкурсантов» по разработке проекта нового торпедного катера (ТК) оказалось и ОКБ-340, располагавшееся на Зеленодольском судостроительном заводе под Казанью. Основу этого ОКБ составляли специалисты ОКБ-196, эвакуированные в августе 1941 из Ленинграда с завода «Судомех» (ныне «Адмиралтейские верфи»). В ОКБ-340 в 1943 группой известного судостроителя П.Г. Гойнкиса был разработан торпедный катер ТК ДД. Катер был построен и испытан на Каспии, но не достиг спецификационной скорости и не пошел в серию. В 1945 той же группой Гойнкиса по новому техническому заданию был разработан проект нового торпедного катера. При рассмотрении в Москве представленных

различными организациями проектных проработок руководство ВМФ отдало предпочтение этому варианту. Встал вопрос о выборе завода-строителя. Катер был представлен в варианте с корпусом из дерева. К этому времени в СССР производство деревянных ТК было лучше всего освоено на ленинградском заводе №5 (ныне ОАО СФ «Алмаз»). Более того, в конце войны на этом заводе началась сборка близких по размерам новому катеру американских лендлизовских катеров типа «Воспер» и «Элко». Поэтому завод №5 и был выбран в качестве строителя нового ТК, проекту которого был присвоен номер 183. Началась эвакуация части ОКБ-340 в Ленинград. В процессе этой эвакуации бюро было разделено на несколько частей: специалисты-катерники приписывались к заводу №5 и образовывали ОКБ-5, специалисты по разработке подводных лодок вновь образовали ОКБ-196, а оставшаяся часть ОКБ-340 продолжила работу в Зеленодольске над проектами больших охотников за подводными лодками.

Поскольку эвакуация проходила спешно, то к приезду заключенных сотрудников необходимые помещения на заводе №5 еще не были подготовлены, и их разместили в «Крестах». На заводе №5 в это время над моторным цехом надстраивался второй этаж для ОКБ-5. В начале 1946 все сотрудники ОКБ-5 переехали в достроенное помещение³. Первоначально из Зеленодольска прибыло десять сотрудников во главе с Гойнкисом. По линии НКВД-МВД ОКБ-5 возглавил майор А.Л. Беспалов. Среди сотрудников ОКБ-5 были не только заключенные, но и вольнонаемные. Так, в 1946 в ОКБ-5 пришел, после окончания Ленинградского кораблестроительного института, известный впоследствии главный конструктор И.П. Пегов. Он поступил туда по рекомендации брата, который хотел, чтобы Иван Петрович «поучился у старых специалистов». Среди заключенных, кроме главного конструктора проекта 183 Гойнкиса, надо указать замещавшего его во время командировок В.Л. Бродского, известного специалиста по ходкости Э.Э. Папмеля, а также заместителей главного конструктора: по корпусной части – Б.П. Соколова и по механической части – В.А. Скворцова.

В 1947–1949 ОКБ-5 пополнилось заключенными сотрудниками послевоенной волны – это были люди, работавшие на оккупированной немцами территории и, по мнению НКВД-КГБ, сотрудничавшие с оккупантами. Среди таких можно назвать Б.В. Рыбалко, А.П. Сиккута, Г.Л. Шмуйлова. Среди сотрудников были инженеры, получившие срок не только по 58-й статье УК РСФСР. Так, например, А.П. Городяноко был осужден за «расхищение социалистической собственности».

В 1947 у части репрессированных специалистов закончился десятилетний срок заключения, они приобрели статус «вольнонаемных» и в этом качестве оставались работать в ОКБ-5. Однако через два года некоторых из них вновь арестовали и выслали в Сибирь. Производство в который раз оказалось обезглавленным: среди повторно арестованных были и заместители Гойнкиса – Соколов и Скворцов.

³ План этого этажа показывает, что здесь были как спальные помещения, так и помещения для конструкторской работы. (План был предоставлен И.Я. Баскакову сотрудниками «Крестов» в 2001.)

Технический проект 183 был утвержден руководством ВМФ в 1947, и сразу же началась разработка рабочих чертежей. Головной катер проекта 183 был заложен на заводе №5 (ОАО СФ «Алмаз») в апреле 1948, и уже в ноябре 1948 его спустили на воду. После продолжительных испытаний сначала в Финском заливе, а затем в Балтийском море (в Балтийске), катер в 1949 был принят в состав ВМФ. Началась корректировка проекта по замечаниям, выявленным в ходе постройки и испытаний головного катера.

В 1948 на заводе №5 было организовано СКБ-5, не подчиненное МВД, для разработки проектов моторных катеров и шлюпок. В 1949 правительство, учитывая большие недостатки в работе по созданию торпедных катеров оторванного от производственной базы ЦКБ-19, решило сосредоточить проектирование «торпедных катеров дальнего действия» в СКБ-5. Для этого часть сотрудников из ЦКБ-19 и ОКБ-5 была переведена в СКБ-5. В частности, согласно приказу 1-го Главного Управления Минсудпрома №26 от 13 мая 1950, из ЦКБ-19 в СКБ-5 были переведены 14 человек, а из ОКБ-5 – группа из 24 человек во главе с главным конструктором проекта 183 П.Г. Гойнкисом. Все переведенные из ОКБ-5 в СКБ-5 сотрудники к этому времени числились уже вольнонаемными. Приказом министра судостроительной промышленности (МСП) №0623 от 18 августа 1950 П.Г. Гойнкису было присвоено звание главного конструктора 4-й степени. Согласно приказу МСП №00772 от 30 сентября 1950, «за проектирование, постройку и сдачу заводом №5 головного катера проекта 183» большая группа сотрудников ОКБ-5 была премирована. Среди награжденных были П.Г. Гойнкис, Е.А. Попов, Ф.С. Лябчук, П.И. Пегов, Б.К. Кречман, Г.И. Китаенко. Премии для заместителей главного конструктора Б.П. Соколова и В.А. Скворцова были возвращены в бюджет «в связи с выбытием их из системы МСП», так как эти инженеры в это время находились в ссылке. Позднее Б.П. Соколов все же получил эту премию⁴.

В 1951 руководители разработки проекта 183 были удостоены звания лауреатов Сталинской (Государственной) премии. Среди награжденных: главный конструктор П.Г. Гойнкис, начальник отдела Е.А. Попов, начальник отдела Г.И. Китаенко⁵.

В открытом СКБ-5 группа главного конструктора П.Г. Гойнкиса продолжила совершенствование проекта 183. Так, на одном из серийных катеров в 1952 была испытана РЛС «Рея»⁶. В сентябре 1953 завод №5 провел испытания модификации проекта 183 – торпедного катера проекта 183Т с газотурбинной установкой. В этом же году были сданы первые два сторожевых катера проекта 199 главного конструктора П.Г. Гойнкиса. Они представляли собой модификацию проекта 183 путем замены торпедного вооружения на противолодочное.

⁴ См. также об этом ниже, в воспоминаниях Б.П. Соколова.

⁵ См. также в воспоминаниях Б.П. Соколова.

⁶ См. также об этом в воспоминаниях А.В. Чижова.

ОКБ-5 некоторое время еще продолжало функционировать. Основной его работой была разработка проекта малого турбодизельного торпедного катера с носовым крылом (проект 126). Работу возглавил заключенный сотрудник А.П. Городяноко. В апреле 1953 ОКБ-5 прекратило свое существование, и все оставшиеся в нем сотрудники были досрочно освобождены и переведены в СКБ-5. Помещения ОКБ-5 были перепланированы и также переданы СКБ-5.

**Список сотрудников Верфи Морпогранохраны ОГПУ-НКВД
(завода №5 НКВД-НКСП-МСП) и разных ОКБ, связанных
с этим предприятием, подвергавшихся репрессиям⁷**

1. Сотрудники верфи Морпогранохраны ОГПУ (ОАО СФ «Алмаз»), репрессированные в 1935:

Бурачек Владимир Евгеньевич
 Вихрев Николай Иванович
 Залесский Виктор Иванович
 Зворыкин Алексей Константинович
 Дорохов Виктор Степанович
 Иванов-Ухтомский Виктор Николаевич
 Карамышев Владимир Дмитриевич
 Карамышев Николай Дмитриевич
 Лукьянов Петр Григорьевич
 Могутов Сергей Иванович
 Нюльпер Антон Антонович
 Рождественский В.П.
 Симин Абрам Файфелевич
 Семенов А.А.
 Славинский Николай Васильевич
 Тягунов Виктор Иванович

2. Репрессированные специалисты, направленные на Верфь Морпогранохраны ОГПУ в июле–августе 1935:

Бобров Иван Иванович
 Ботковский Борис Иванович
 Калининков Иван Андреевич
 Китаенко Георгий Иванович
 Константинов Александр Лазаревич
 Краминский Лев Азарович
 Прошинский Роман Александрович
 Пугавко Сергей Владимирович
 Строганов Константин Михайлович

⁷ Путем опроса бывших сотрудников ОКБ-5 удалось установить фамилии 36 заключенных сотрудников.

3. Специалисты Верфи Морпогранохраны, репрессированные в 1937:

Глушко Федор Николаевич
Золотов Александр Леонтьевич
Овелия Отто (Оттоне) Петрович

4. Репрессированные специалисты, входившие в состав ОКБ-5, созданного на заводе №5 МСП (ОАО СФ «Алмаз») в 1946:

Байтин Самсон Менделевич
Бахуров Семен Борисович
Блеков Георгий Михайлович
Бродский Виктор Леонидович
Божко Александр Юльянович
Варшавчик Борис Саулович
Гойнкис Павел Густавович
Городянка Антон Павлович
Гринглаз Арон Гилярович
Грудский Анатолий Иосифович
Гутман
Иванов Михаил Васильевич
Казакевич Давид Семенович
Кауфман Георгий Владимирович
Кочергин Михаил Иванович
Кречман Борис Карлович
Леплинский Юрий Константинович
Либель Евгений Павлович
Лябчук Федор Савельевич
Мельцер Абрам Григорьевич
Нестеров
Николаев Георгий Александрович
Павлов Аркадий Иванович
Папмель Эдуард Эдуардович
Попов Евгений Аполлинариевич
Рознефланц Марк Семенович
Рыбалко Борис Васильевич
Рыбкин
Соколов Борис Павлович
Скворцов Василий Алексеевич
Сиккут Август Петрович
Ханович Израиль Григорьевич
Шац Григорий Ефимович
Шмуйлов Георгий Александрович
Цукшвердт Евгений Александрович
Эпель Александр Рувимович

Из воспоминаний Г.И. Китаенко⁸

В августе 1935 года <...> большинство нашей ковровской группы⁹ были направлены в Ленинград на судостроительный завод на Петровском острове...

Во главе группы стоял А.Л. Гофлин, остальные ключевые позиции занимали заключенные: А.Л. Константинов и профессор И.И. Бобров – по корпусу, профессор И.А. Калинин возглавлял все расчеты по прочности, исключительно талантливый конструктор профессор С.В. Пугавко – механический отдел.

Большинство вольнонаемных сотрудников конструкторского бюро входило в состав упомянутых групп. Режим работы нашей группы (за исключением вольнонаемных) был установлен следующий: начало работы (а жили мы там же, при заводе) с 11 часов утра до 7 часов вечера, затем перерыв до 10–11 часов вечера, а с 11 часов до 4 часов утра – снова работа, потом сон. Без выходных и праздников...

В мою конструкторскую группу (электро- и радиооборудование) были включены десять человек из вольнонаемных, имевших, мягко говоря, посредственную квалификацию. На начальной стадии создания нового корабля работы возглавлял хороший инженер и организатор А.Л. Гофлин, а после его отъезда КБ возглавлял (только формально) Николай Михайлович Ухин, который практически ни во что не вмешивался, но и не мешал работать...

Созданный новый корабль МО-4 пошел в большую серию. К началу Великой Отечественной войны была сдана в эксплуатацию не одна сотня таких кораблей...

Наряду со строительством боевых кораблей перед самой войной на нашем заводе строилась яхта для Генриха Ягоды... Потом яхта предназначалась уже наркому Ежову... Был еще и такой эпизод. В первых числах марта 1940 года в Москву были вызваны директор завода Е.Я. Локшин и главный инженер И.К. Силин.

⁸ Китаенко Георгий Иванович (1905–1994). Родился в пос. Дружковка Донецкой обл. С 1920 в Москве. Работал подручным электромонтера на электростанции им. Классона, затем в электротресте Центрального района. Окончил Электромашиностроительный институт (1926), учебу совмещал с работой на электромашином заводе «Динамо». Продолжил работать на заводе «Динамо»: инженер-конструктор, начальник цеха, зам. начальника завода; в 1927–1928 находился в командировке в Германии, в 1930 – в США. Арестован 24.04.1933, проходил по «делу» инженеров, техников и рабочих завода «Динамо», приговорен 13.12.1933 КОГПУ (ст.ст. 58-7, 58-11 УК РСФСР) к 10 годам ИТЛ. В заключении в Бамлаге (г. Свободный, пос. Тахтамыгда), работал на подрывных работах, в мастерских при электростанции, на строительных работах. С 1935 заместитель начальника сталелитейного цеха Ковровского экскаваторного завода НКВД; в августе 1935 переведен в Ленинград на верфи Морпогранохраны ОГПУ (НКВД). Участвовал в переработке проекта электрооборудования катера МО-2, в создании катера МО-4. Занимал должности инженера-конструктора, начальника монтажного цеха. Освобожден 23.10.1940 по сокращению срока, остался работать в КБ завода №5 НКВД в качестве вольнонаемного. Во время блокады Ленинграда – начальник техотдела на заводе №5. В 1949–1965 главный инженер ЦКБ, зам. директора по научной работе. В 1961–1974 главный инженер ЦНИИ судовой электротехники и технологии, одновременно преподавал на факультете корабельной энергетики и автоматики Ленинградского электротехнического института, заведовал кафедрой (1974). Лауреат Сталинской премии (1950) за разработку проекта 183 (большого торпедного катера). См. также в опубликованных воспоминаниях: *Китаенко Г.И. Моя жизнь.* – СПб., 1991. – С. 56-62.

⁹ Имеется в виду Ковровский экскаваторный завод.

В Москве их принял сам Сталин. Заводу было предложено в течение шести-семи дней создать новый танк на... лыжах, с воздушным тяговым винтом... Наши корпусники заявили, что такой танк на сплошных лыжах будет неуправляем. Куда там! Приказ есть приказ! К назначенному сроку чудо-танк был сделан. Вывели его из ангара и поставили на лед, на Невке¹⁰.

В танк села испытательная команда, завели мотор и тронулись по замерзшему фарватеру Петровский остров – Кронштадт. В клубах снежной пыли и поднявшихся мощных потоках воздушной струи наш чудо-танк был едва виден. И вдруг внезапно исчез. Как позже выяснилось, лишенный управления, он с ходу нырнул в полынью. Через несколько часов его удалось вытащить...

Через пару дней с Финляндией был подписан мирный договор, и чудо-танк отправили в какой-то заводской сарай.

Из воспоминаний Б.П. Соколова¹¹

В конце 1939 года нас, судостроителей, перебазировали из Болшево в Ленинград, в ОКБ-196, которое размещалось на заводе «Судомех»¹². Нас ввели на верхний этаж административного здания. Все окна уже в решетках, входные двери обиты железными листами. Этажу спешно придали тюремный вид.

На этаже было два спальных помещения человек на 20 каждое и огромный зал с чертежными досками, кульманами, шкафами для бумаг и т.д.

Здесь впервые мы встретились с вольнонаемным составом, в основном чертежниками. Если нас было около 40 человек, то их было человек 50–60.

Итак, мы разделены на три группы: Бжезинского – ныряющий катер; Кассациера – подводная лодка; Гойнкиса – легкий крейсер. Надо заметить, что еще в Болшево, закончив свою часть работ по проектированию и расчетам прочности, я отказался работать в группе Бжезинского, мотивируя это тем, что проект ныряющего катера – это сушая чушь как с инженерной, так и с военной точки зрения. Энкаведешники – не профессионалы. Они, конечно, клюнули на такой экстравагантный проект.

В группе я непрестанно возражал против такого проекта и, наконец, перешел к Гойнкису на крейсер. В ОКБ-196 я хорошо познакомился с А.И. Павловым, проф. Винбладом.

22 июня 1941 года началась война. В августе нам объявили этап на восток. В результате наше ОКБ-196 осело в Зеленодольске на судостроительном заводе №340.

В октябре 1941 года меня назначили заместителем начальника корпусного цеха №3. Позже, в 1943 я стал начальником затона, в котором достраивались суда и корабли. Кроме того, я вел все корпусные работы по строительству стального торпедного катера дальнего действия, проект которого разрабатывался в ОКБ под руководством Гойнкиса.

¹⁰ Автор допускает ряд неточностей, ср.: Судостроительная фирма «Алмаз». К 100-летию катеростроения в России. – СПб.: Гангут, 2001. – С. 52-53.

¹¹ Воспоминания Б.П. Соколова. Рукопись. – Личный архив Т.В. Соколовой.

¹² Точное название: завод №196 НКСП (ныне – ОАО)

Летом 1945 года меня вызвали в Казань в Управление НКВД. Предложили принять участие в организации на базе 2-й колонии верфи для выпуска деревянных рыболовных судов. А в конце 1945 года наша группа отправилась в Ленинград.

Поселили нас в Крестах, просидели мы два месяца, пока на 5-м заводе на Петровском острове спешно ставили решетки на окна.

В конце февраля нас перебазировали на 5-й завод.

Нас было человек десять. Разместили в квартире, которая имелась в административном здании завода. Часть людей пошла на производство, часть с П.Г. Гойнкисом стала работать в ОКБ на проекте 183. Меня определили заместителем начальника цеха №16, корпусного, где строились деревянные корпуса торпедных катеров.

В то время наша страна по ленд-лизу получила из США заготовки и все оборудование на 30 катеров фирмы «Элко». Первый катер еще до нашего появления на заводе собрали и сдали американцы. Катеров 20 собрали при мне, а я в 1947 году перешел в ОКБ-5 на должность начальника корпусного отдела и заместителя главного конструктора по проекту 183.

Весь 1946 и часть 1947 года я проработал в цехе на сборке торпедных катеров «Элко», которые в какой-то мере могли считаться прототипом нашего катера.

В цехе я досконально изучил чертежи и технологию корпусных работ, что очень пригодилось при разработке торпедного катера проекта 183. И на основании опыта мы смогли разработать проект, во многом превосходящий американский торпедный катер.

Катер получался очень хороший. Головной образец показал на мерной миле при ходовых испытаниях 40 узлов ходу – скорость, какой не имел ни один торпедный катер как у нас, так и за рубежом. Оставалось провести мореходные испытания на волнении. Катер перевели в Балтийск.

В этот период совершилось мое освобождение по истечении срока. 8 июля 1947 года. После освобождения я остался работать в ОКБ-5 вольнонаемным. В должности начальника корпусного отдела и заместителя главного конструктора (гл. конструктором был П.Г. Гойнкис). В апреле 1949 года головной торпедный катер находился в Балтийске, ожидая свежей погоды для прохождения мореходных испытаний. Все мы готовились к переезду в Балтийск.

Днем 16 апреля подошел ко мне куратор ОКБ Беспалов в сопровождении двух человек в штатском. Говорят: «Нам нужны вы и Г.М. Блеков для консультации в филиале ОКБ в Крестах». Мы с Блековым быстро собрались, сели вместе с сопровождающими в легковую машину и поехали в Кресты. Однако вместо Крестов нас ввезли в тюрьму на Шпалерной улице, ввели в тюремную комендатуру. Сопровождающие нас сказали находящимся в комендатуре: «Примите арестованных»... Примерно в середине июля нас вызвали с вещами и в тюремной конторе ознакомили с решением Особого совещания: ссылка на поселение в Красноярский край...

В Красноярском крае жил я в поселке Придивная, работал на Придивинской верфи. Туда ко мне приехала жена. Евгений Аполлиналиевич Попов, инженер из ОКБ-5, начал писать нам письма в Сибирь. Сообщал, что дело о премии за проект торпедного

катера № 183, над которым мы работали, развивается успешно, скоро будет Сталинская премия, которая не обойдет и меня.

В одном из писем я спросил его, на чье имя мне лучше написать письмо в Министерство судостроительной промышленности, чтобы показать, что я существую и где я нахожусь. На это письмо он без промедления ответил, что этого делать не надо, они и так все знают. Что-то осенью перестали приходить письма от Попова. А вот 17 марта 1951 года в газетах появилось сообщение, но вместо меня там был Попов... Дальше от меня пошли заявления и протесты. В результате Министерство СП выполнило возврат денег, но лауреатом Сталинской премии я так и не стал.

Из воспоминаний А.В. Чижова¹³

В середине мая пятьдесят второго года я появился в приемной отдела кадров института судостроительной промышленности¹⁴. Принял меня сам Павел Николаевич Жучков, начальник отдела кадров. Он пригласил в кабинет моего будущего шефа, начальника лаборатории передающих устройств Юрия Юрьевича Черноголовко-Бельского и ведущего инженера Виктора Андреевича Кучерова.

НИИ, куда я был направлен по распределению после получения вузовского диплома, занимался разработкой радиолокационных станций. Руководителем группы, в которую мне предстояло вписаться, был Михаил Александрович Яковлев.

Войдя вместе с Яковлевым в лабораторию, где мне предстояло работать, я за внешней непрезентабельностью и хаосом скоро почувствовал рабочую атмосферу, требовавшую не только полной трудовой отдачи, но и выполнения неких неписаных этических норм. Лаборатория помещалась в двух больших светлых комнатах старинного здания военного ведомства царской России, построенного задолго до революции и не приспособленного для проектной работы и, тем более, экспериментальной отработки радиопередающих устройств. Несмотря на богатую техническую историю этих зданий, где в предвоенные годы размещалось знаменитое Особое техническое бюро¹⁵, руководимое В.И. Бекаури¹⁶, они мало соответствовали своему назначению.

¹³ А.В. Чижов. Из клеток памяти. Рукопись. – Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.). Чижов Александр Владимирович, радиоинженер-приборостроитель. Родился в 1928 в Ростове-на-Дону. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения (1952); инженер в НИИ-49, затем старший научный сотрудник ЦНИИ «Гранит». Кандидат технических наук (1956), лауреат Государственной премии СССР (1981). С 2001 на пенсии, консультант.

¹⁴ НИИ-49 МСП (ныне НПО «Гранит»).

¹⁵ Особое техническое бюро по военным изобретениям специального назначения создано в 1921, неоднократно подвергалось реорганизациям и структурным преобразованиям: Остехбюро НТО ВСНХ, Остехбюро НКВМ, Остехбюро НКО, Остехбюро НКОП, с 1937 – филиал отраслевого НИИ-20 Остехуправления НКОП; затем НИИ-49 НКСП (институт морской телемеханики), с 1966 – ЦНИИПА (Центральный научно-исследовательский институт приборов автоматики), с 1971 – ЦНИИ «Гранит». Подробнее см.: *Шошков Е.Н.* Репрессированное Остехбюро. – СПб.: НИЦ «Мемориал», 1995. – (Исторические сборники; Вып. 3).

¹⁶ Бекаури Владимир Иванович (1882–1938) – конструктор-изобретатель, автор более 100 изобретений и патентов. С 1921 возглавлял Остехбюро, под его руководством разработаны радиоуправляемые

В лаборатории интенсивно велись работы по созданию приемопередатчика радиолокационной станции управления торпедной стрельбой, известной под шифром «Рея»¹⁷. РЛС создавалась для новых торпедных катеров, изготовление которых планировалось на заводе №5 Минсудпрома в Ленинграде.

На заводе ждали нашу «Рею». Для подготовки и согласования документации по установке ее на катер, на завод №5 была командирована группа сотрудников НИИ, в состав которой попал и я. Вместе с коллегами приехали мы к проходной завода, расположенного на стрелке Петровского острова. После долгого и утомительного оформления пропусков мы, наконец, оказались на его территории и направились в корпус, где размещалось конструкторское бюро и кабинет старшего строителя. Завод строился, наряду с новыми цехами наше внимание привлек приземистый корпус с зарешеченными окнами. На мой, оказавшийся бестактным, вопрос: «почему?», принимавший нас старший строитель неловко промолчал, но потом, отозвав меня в сторону, сказал, что там размещается часть конструкторского бюро, в которой работают «зеки», и попросил больше эту тему не затрагивать. Но затрагивать ее приходилось – необходимо было техническое ограничение с «зеками» – разработчиками катера. Это общение старались максимально ограничить, однако согласование размещения и связей требовало деловых контактов.

Однажды срочно потребовалась виза главного конструктора катера, на которой настаивал заказчик. Меня отправили за визой со «свежей» схемой подключения «Реи» к кабельной сети катера. У входа в зарешеченный дом меня встретил офицер охраны (ему предварительно был звонок). Проследовав вместе с ним по коридору, охраняемому солдатами, мы вошли в кабинет, который, если бы не решетки на окнах, мог бы сойти за обычный кабинет начальника средней руки. За письменным столом сидел и размахисто что-то писал седой человек с запавшими глазами и выступающими скулами. Это был главный конструктор нашего катера П.Г. Гойнкис, за тюремной решеткой спроектировавший для своей страны один из лучших для своего времени торпедных катеров. Общение с этим человеком породило чувство вины и ощущение творимой несправедливости.

Просмотрев схему и сделав пару замечаний, он поставил визу, и я в сопровождении того же офицера проследовал к выходу.

К тому времени П.Г. Гойнкис был освобожден, работал вольнонаемным сотрудником ОКБ и был уже лауреатом Сталинской премии.

Катер прошел успешные испытания и был принят на вооружение ВМФ.

фугасы (БЕМИ), торпедные катера, танки, самолеты, торпеды. Арестован 08.09.1937, приговорен к высшей мере наказания, расстрелян 08.02.1938.

¹⁷ Автор ошибается: станция общего обнаружения РЛС «Рея» ставилась вместо РЛС «Зарница», установленных на большей части катеров проекта 18З, а управление торпедной стрельбой велось от ПУТС «Онега». В дальнейшем стабилизированный вариант «Реи» был применен на ракетных катерах проекта 18Зр. (Прим. И.Я. Баскакова.)

Олег Божков,
Светлана Игнатова

О «корнях» и глубине семейной памяти

Олег Борисович БОЖКОВ,

*старший научный сотрудник
Социологического института
РАН (СПб.),
руководитель Научного центра
«Биографический фонд»*

**Светлана Николаевна
ИГНАТОВА,**

*научный сотрудник
Социологического института
РАН (СПб.)*

Вопрос, вынесенный в название, уже обсуждался нами в рамках чтений «Право на имя. Биографика XX века». Возвращение к этой теме обусловлено стремлением лучше понять, действительно ли сокращается семейная память, действительно ли мы «отрываемся» от своих корней; насколько политика государства влияет на этот процесс? Социальная память возникает как эффект принадлежности к сообществу, воспроизводящемуся из поколения в поколение (семейная память – это частный случай памяти социальной). Она диктует этические нормы, дает ощущение осмысленности и стабильности, как в эмоциональном, так и в социальном плане. Она имеет глубокие классовые и профессиональные корни, является выразителем групповых ценностей и представлений. Именно она помогает транслировать социальный капитал определенной социальной группы¹. Социальная память влияет и на то, кем мы мечтаем стать. Анализ

*olegbozh@gmail.com
s-ignatova@yandex.ru*

¹ Мекаева Ю.Ю. Социальная память как инструмент социального влияния: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. социолог. наук. Специальность 22.00.01. – М., 2011. – 24 с

состояния социальной памяти – путь к пониманию причин того, что сейчас происходит в обществе в целом и на селе в частности.

Память о прошлом необходима для социального взаимодействия, поскольку она, в качестве культурно-обработанного продукта, закладывается в представление о «должном» характере социального действия. Как ресурс социального взаимодействия, память подпитывает его информационно, конструирует значения для настоящего, вызывает эмоции и сопереживания и, наконец, косвенно, через социально-политические институты, обеспечивает социальную идентификацию². Всякая память, как индивидуальная, так и коллективная, «организована перспективно. <...> она вбирает в себя далеко не все подряд, а всегда проводит более или менее жесткий отбор. Поэтому забвение является конститутивным элементом как индивидуальной, так и коллективной памяти»³.

Эмпирической базой для нашего анализа стали генеалогические интервью с пожилыми сельскими жителями бассейна реки Молога (2001–2003 гг.), а также материалы биографических интервью с сельскими руководителями (руководителями и собственниками сельскохозяйственных предприятий и главами муниципальных образований, сельских поселений) семи районов четырех субъектов Северо-Западного региона РФ (2004–2009 гг.).

Первый проект был сконцентрирован именно на изучении семейной истории, сбор генеалогических и биографических данных был строго формализован и очерчен рамками программы «Генеалист»⁴. Большая часть информантов родилась в 1910-е – 1930-е годы, то есть это довоенное поколение, заставшее коллективизацию, сталинские репрессии, сложные годы довоенного развития народного хозяйства и послевоенное восстановление.

Во втором проекте мы не ставили своей целью изучение семейной истории наших информантов. В более широком контексте исследования современных проблем сельского социума и сельскохозяйственного производства нас интересовал лишь вопрос их социального происхождения – крестьяне / не крестьяне. Однако, помимо односложных ответов («папа тракторист, мама доярка, все из крестьян»), мы получили большой массив в той или иной степени развернутых ответов, включающих семейные истории, рассуждения о родителях, бабушках, дедушках. Именно массив таких спонтанных рассуждений, относящихся к разряду семейной памяти, мы и подвергли тщательному анализу, так как полученный материал оказался очень глубоким и интересным. Если воспользоваться классификацией типов воспоминаний А. Ассман (наличные – прошедшие речевую

² *Рождественская Е.Ю.* Биография как социальный феномен и объект социологического анализа: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д-ра социолог. наук. Специальность 22.00.01 – М., 2013. – 50 с.

³ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 34.

⁴ См.: *Божков О.* Генеалогия и биографические данные: уроки генеалогических экспедиций // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках: Чтения памяти Вениамина Иофе, 18–19 апреля 2003: Сб. докладов. – СПб., 2004. – С. 40–52.

обработку, «досознательные» – дремлют, но внезапно могут быть осознаны и получить словесное воплощение, и «бессознательные» – вытесненные травматичные, болезненные или постыдные)⁵, то исследуемые нарративы относятся или к наличным или к досознательным, получившим жизнь благодаря самой ситуации интервью.

Второй массив – это не просто послевоенное поколение, ядро которого составляют люди, социализировавшиеся в брежневскую эпоху, но это поколение, условно говоря, детей и внуков информантов первого массива, и поэтому некоторые сравнения здесь вполне уместны. Следует отметить, что основой для анализа стал именно второй массив, к значимым точкам социальной памяти вторых информантов, которые они продемонстрировали в своих нарративах, мы уже искали корреляты в рассуждениях старших информантов. Таким образом, оказалось возможным проследить вектор развития социальной памяти определенной социальной группы или, по крайней мере, его наметить. Ведь две исследуемые группы разделяет целая эпоха, произошли серьезные исторические события, в стране сменились методы экономических и социальных преобразований, в том числе на селе, страна сильно изменилась в техническом и технологическом плане.

В первую очередь здесь важен вопрос социальной идентификации наших респондентов, представителями какой социальной группы они себя ощущают, и как данная групповая принадлежность связана с семейными ценностями. Затем мы смогли проанализировать, хоть и поверхностно, лишь на основе высказываний самих респондентов, глубину их социальной памяти: какие события прошлого из семейной, групповой истории остаются актуальными, значимыми, которые хочется предьявить даже в спонтанном общении с посторонним, хоть и заинтересованным человеком (интервьюером). В результате мы выявили значимые «зоны памяти» для исследуемой социальной группы.

1. Наши информанты обоих массивов – **крестьяне во многих поколениях**. Если в первом случае этот факт в ходе интервью обсуждался довольно подробно, то во втором крестьянское происхождение либо просто сообщается, либо особо подчеркивается в разговоре: «и деды были крестьяне, и родители мои крестьяне». Для «молодых» информантов оно становится основой сложившегося в семье жизненного уклада, ценностей, мотиваций и в получении образования: «я деревенская, куда же я пойду еще. Деревенские, вот и пошли в сельскохозяйственный», и в выборе трудового пути:

Ну мы как бы здесь все коренные, местные, поэтому рассказывать так особо нечего. Все родом отсюда: бабушки, прабабушки, все были здесь, родились и умерли. И.: А где работали? Р.: В смысле мои родители? Колхоз «Авангард». У нас мест работы не такой большой выбор. Все в колхозе работают.

(Инт. № 42, ж., 27 л., глава администрации, Лесной район)

⁵ Троцук И.В. Помнить или забыть: значение выбора для прошлого и настоящего // Социологический журнал. – 2015. – Т. 21, № 1. – С. 169.

Ну, я родился тут, рядом, деревенька есть Сундуки, так называемая. Родители, значит, отец – механизатор был все время. Мать животноводом и по нарядам. Ну, крестьяне обыкновенные всего – навсего.

(Инт. № 48, м., 47 л., руководитель КФХ, Лесной район)

Ну, мои родители – потомственные крестьяне. Мать была у нас дояркой, а отец механизатором, вот я из такой семьи.

(Инт. № 23, ж., 46 л., глава администрации, Устюженский район)

Отсюда предельная **укорененность наших информантов** в сельском образе жизни – «мы уже приросли корнями к этой земле» и, соответственно, невозможность поменять его на другой, городской. Информанты второго массива – это те, кто в довольно благоприятных условиях для миграции в город остался жить на селе, они могут жить только на селе. Некоторые из них имели опыт городской жизни, переехав в город учиться, оставаясь там работать (в городах средних и крупных), но не смогли привыкнуть к иному ритму жизни, экологии, иной организации пространства и времени.

Ну, вот в отпуске я это и делаю. Занимаюсь хозяйством, чтобы <...>. Отдыхаю активно. Картошку поляю, сено сушу. Так же корову дою. (смеется.) Это называется отпуском... Ну, на деревне это такой труд. Тяжелый, конечно.

(Инт. № 3, ж., 50 л., глава муниципального округа, Максатихинский район)

Я же уезжала, я же 7 лет жила в городе, когда училась, мне и квартиру предлагали, и все, как говорится, <...> но меня просто тянет в деревню. Видимо, деревенский житель. (смеется.) <...> я еду в город, я буквально два дня, три, два-три дня, и все, я уже думаю...

(Инт. № 63, ж., 46 л., глава администрации, Бабаевский район).

В разговоре информанты как бы подчеркивают стабильность в их принадлежности к определенной социальной группе, преемственность социальной позиции. Они не просто крестьяне, работники колхозов и совхозов (нынешние или в прошлом), информантами обоих массивов особо подчеркивается тяжесть крестьянского труда, что характерно как для прошлых поколений (родителей и дедов), так и для них самих. Все поколения крестьян, сельских рабочих постоянно тяжело трудились на земле, создавали свое благосостояние. Эту традицию переняли и «молодые» информанты, их труд также связан с землей, с селом, он труден, с ним не всякий справится. Этим обосновывается то, что находятся они на своем месте, в своем социальном поле.

У меня глава администрации – мы с ней работаем как бы в паре, – она тоже держит двух коров. Тоже, другой раз, начнем говорить, что надо бы сдать, но не можем мы сдать. Привычка, видимо. Как бабушки семидесятилетние, еще то поколение, наши родители. У меня мама со сломанной ногой держала двух коров, никак

сдать не могла. Некоторые говорят: «Что ты не сдаешь корову?». Потому что я ее люблю! Зачем я ее буду сдавать? (смеется.)

(Инт. № 18, ж., 41 г., руководитель ООО, Пестовский район)

Все деревенские. Родители всю жизнь, как говорится, в колхозе отработали. <...> Родители всю жизнь отработали. Раньше же все ручной труд был. Так что никуда мы не поедем, наши корни уже здесь пущены. <...> Да, в благоустроенной квартире живем сейчас. Но все равно, у нас построен хлев, держим корову, теленка.

(Инт. № 63, ж., 46 л., глава администрации, Бабаевский район)

2. В отношении предков важным, особо проговариваемым становится их социально значимая роль, авторитет, значение для сельского социума, достижения. Это в глазах информантов повышает их собственную значимость, расширяет социальный капитал. Отсюда обязательное упоминание информантами того факта, что кто-то из родителей или дедушек/бабушек был бригадиром, председателем колхоза, в том числе отмечен различными государственными наградами.

Мама постоянно у меня работала в животноводстве. У нас были раньше свинофермы. А отец у меня сначала шофером работал, потом начал механиком работать. А потом уже... в каком?... в 70-м году его поставили руководителем хозяйства. И он был руководителем вот сейчас объединенного... вот сейчас нас объединили, вот колхоз «Родина» был отдельно, и наш колхоз «Прогресс». И объединили в один «Прогресс». Но он умер у меня рано, в 49 лет. <...> Вы знаете, я вот даже раньше думала, как бы я сделала, вот когда я работала бухгалтером. Я вот не так бы сделала, если бы была руководителем, по-другому бы поступила. Как бы мысли и были такие. По-видимому, у меня от отца вот это досталось.

(Инт. № 8, ж., 50 л., руководитель ООО, Пестовский район)

Родилась в деревне, в Бабаевском районе, в семье крестьян. Родители, мать была рабочая, заведующая сепараторным отделением. Отец всю жизнь был на руководящей работе. Бригадир колхоза, председатель колхоза. <...> Со стороны матери отец был председателем сельпо, в советское время. Бабушка – крестьянка, тоже со стороны матери. Вот, такая вот семья.

(Инт. № 50, ж., 55 л., глава администрации, Бабаевский район)

Значит, родился я в селе Брилино, Исаково, это рядышком. У нас очень большая семья. Значит, было три братика, три сестры – шесть братьев и сестер. Вот. Родители работали, мама в колхозе свиначкой. Ну, трудолюбивая семья. Мама дважды ездила на ВДНХ со своей свиньей. <...> Занимала прекрасное положение в колхозе, в котором работала. Труженицей была. Папа, конечно, во всем, отец мой помогал. <...> То есть и на этом трудовом, так сказать, примере мы воспитывались, братья и сестры.

(Инт. № 12, м., 56 л., глава администрации, Устюженский район)

Значимыми также являются уникальные личные качества или способности родителей, предков (например, огромное трудолюбие, владение каким-то особым ремеслом). Сложившаяся в таком случае схема гордости за предков обязательно проявляется в разговоре и также предъясняется интервьюеру.

У мамы вообще любая работа спорилась, женщины в деревне многие остались без мужей, могла и косу наточить, и русскую печку сложить, машинки швейные всем женщинам в деревне ремонтировала. Болели когда, работала на тракторе и на сельскохозяйственной всей технике, знала не хуже любого механика, могла настроить без всякой помощи. Длительный период работала бригадиром, очень большая раскиданность населенных пунктов была, у нее было в подчинении четыре деревни, надо было пойти везде дать распоряжение на работу, на следующий день оформить наряды. В общем, несмотря на то, что очень низкий образовательный уровень, но тем не менее люди были очень развиты. У отца тоже была закончена только начальная школа, но он настолько был, тоже можно сказать, развитый человек: мог играть на любой гармошке (вятке, тальянке, целый список этих гармошек), мог на пианино подойти спокойно сыграть, на аккордеоне, на баяне. Вот этот музыкальный слух от отца передался и детям. Старший брат закончил культпросветучилище, второй брат – саможка, в общем-то, вот эти таланты от родителей передались.

(Инт. № 31, ж., 49 лет, глава администрации, Кадушский район)

Корзинки могу сплести – пожалуйста. Кадку сделать. Отец научил. Отец у меня бондарь был. И корзинки тоже делал.

(Инт. № 23, м., 45 л., глава администрации, Пестовский район)

Отец катал валенки у меня, занимался, катал валенки. Мать шила, пряла, вязала, ткала хорошо. Всей деревне ткала почти половики.

(Инт. № 59, ж., 50 л., глава администрации, Лесной район)

3. Исторические судьбы российской деревни, конечно же, повлияли на «укорочение корней» и семейной памяти. Массовый отток людей из деревни, который начался в 1930-е и продолжается до сих пор, «естественным» образом разрывал семейные связи и укорачивал семейную память. Интересен тот факт, что обнаруженные в деревнях, а не созданные в ходе экспедиций генеалогические деревья (родословия) были составлены, как правило, городскими жителями, давно уехавшими из родных сел и деревень.

Мы заметили, что сокращение глубины памяти в современных поколениях сельских жителей происходит более активно, чем в поколениях их бабушек/дедушек. Наши генеалогические интервью и построенные генеалогии отображали в среднем пять поколений. «Пожилые» информанты помнили не только бабушек и дедушек, но и прабабушек/прадедушек. По крайней мере, если даже не застали их в живых, то имели хотя бы самую примитивную информацию (имена, из какой деревни,

чем занимались), полученную от своих прямых предков. Информанты второго проекта принадлежат к поколению детей и внуков, а глубина их памяти существенно меньше. Они в основном мало, а иногда почти ничего не знают уже о бабушках, дедушках, более глубокие познания демонстрируют совсем немногие.

При этом они не меняли места жительства, не мигрировали в крупные или средние города, что всегда считалось важнейшим фактором таких процессов. Они живут на той же земле, что и их предки, но почти ничего о них не помнят, не знают. Многие потеряли одного из родителей, бабушек, дедушек в раннем возрасте, они погибли во время войны, были репрессированы или умерли от непосильного крестьянского труда. А вместе с этим исчезла цепочка взаимоотношений с более далекими предками, о которых просто не успели получить никакой информации. Но многие отмечали и тот факт, что совершенно не интересовались своей родословной, она вообще не является ценностью для некоторых наших информантов.

Могу назвать шесть-семь – это отцовское поколение. Материнского я не знаю. <...> Как отец нам рассказывал: «Вы должны знать свою родню».

(Инт. № 16, м., 53 г., руководитель СПК, Максатихинский район)

А бабушки-дедушки... я вот про них даже сказать ничего не могу. Бабушка вот по отцовской линии, так они всю жизнь здесь прожили, то есть простые крестьяне. Ну, в общем, не знаю...

(Инт. № 69, м., 50 л., руководитель КФХ, Бабаевский район)

...бабушки нет в живых уже. И мало об этом речи было, разговоров таких, чтобы что-то запомнилось, о прошлом роде. Только о них вот помню что-то. Что до них – даже не знаю. Тоже, все в деревне жили. Хозяйством сельским занимались. Все, больше ничего не могу сказать.

(Инт. № 70, ж., 44 г., глава администрации, Бабаевский район)

Во многих случаях в семейных историях сохраняются лишь смутные представления о предках, часто они существуют в виде семейных мифов и легенд, где достоверная информация фрагментарна.

Я не знаю, насколько... мать моей матери была городская. По отцовской линии, там, значит, вообще какая-то дворянская кровь, кто-то там был, в общем... ну, это сведения не очень достоверные...

(Инт. № 31, ж., 51 г., глава администрации, Максатихинский район)

Бабушка была, дедушка по линии отца был этим, как его, кулачком, а по линии матери я не знаю. <...> Я подробности... в то время не интересовался... или середнячком или кулачком был.

(Инт. № 5, м., 46 л., руководитель КФХ, Устюженский район)

Конечно, здесь необходимо более глубокое и формализованное сравнительное исследование, поскольку такое сужение глубины семейной памяти – факт тревожащий, и проникает он уже в наиболее традиционные, консервативные сообщества.

4. И, наконец, парадокс состоит в том, что сельские жители лучше «помнят» то, что было еще до советской власти. **Эта память стимулируется сохранившимися «памятниками»:** барскими домами, запущенными барскими парками, разрушенными или полуразрушенными часовнями и храмами. Эти объекты являются опорными пунктами, трансляторами ценностей прошлых поколений. За них зацепляется память, через них мы можем оценить, кто мы, откуда пришли и куда идем. Именно вокруг них формируются местные легенды, были и мифы. Главные герои этих легенд на самом деле люди, реальные исторические личности (барыня, управляющий имением, герои Отечественной войны 1812 года), а также дедушки и прадедушки, а не камни, здания, руины. Таких цитат об истории места хоть и немного, но достаточно для того, чтобы понять, как, в каком виде легенда сохраняется в сельском социуме.

А когда-то у нас тут раньше, давно было барское поместье и там барский дом. Вот этот дом, зеленый, деревянное здание – это барский дом. Он вот там, на горе стоял – сейчас у нас на том месте кладбище, правда. Так он красивый был. Вот в 1973 году я приехала, а вот эта дамочка (ее помощница) в этом здании жила. Раньше медпункт был. А барский дом такой красивый, такой красивый был. И барин жил. И вот тот барин-то злой был, а вот этот добродушный барин. Вот он в Питере сам жил, а здесь у него управляющий поместья был. А потом вот дом его сожгли в революцию. И тут у нас, видать, самые коммунаги были (усмехается), коммуна была. Коммуна <...>, «Коммуна имени Буденного», что ли, была? И эта церковь, так и разрушили ее почему-то (в ней был одно время склад). И все это так пренебрежительно отнеслись. Например, вот в Кострецах, у нас тут деревня – напрямую недалеко, – так церковь там и в застойный период, и все время действовала и была. И сейчас тоже. А у нас тут такие безбожники были, такие вот... У нас тут около церкви есть могила Милюковой Елизаветы – барыня была. Она вот и лечила тут всех этих, бедноту. 1905 года захоронение. Так вот какие-то <...> ее памятник мраморный уронили. Там такой склеп – видимо, думали, там золото или что-то. Вот у нас так-то в принципе эта местность, она давнишняя, старинная. Церковь, наверно, еще в XVIII столетии...

(Инт. № 15, ж., 52 г., глава администрации, Максатихинский район)

Мы обратили внимание на такую особенность «длинной» памяти еще во время первого (генеалогического) проекта, где подобных развернутых воспоминаний было гораздо больше.

5. Память о репрессиях и раскулачивании. Интересным получилось сопоставление рассказов информантов из двух массивов о периоде коллективизации и репрессиях. Информанты первого массива были непосредственными

участниками процесса коллективизации, тогда они были молодыми людьми, подростками или маленькими детьми. Развернутых рассказов об этом периоде в наших генеалогических интервью почти не встречается, но хорошо чувствуется общее негативное отношение. И так непростая жизнь крестьянина стала еще более тяжелой, что отражалось в интервью особенно остро. А вот репрессий в рассказах информантов первого массива нет вообще.

Истории из семейного архива стали рассказывать их дети и внуки. Однако истории эти не отличаются подробной фактографией, последовательностью и логичностью. Наши информанты передают их в том виде, в каком запомнили из семейных разговоров. Раскулачивание оказалось значимой частью семейной истории, которую они получили от своих предков. При этом упоминаются родственники, которые отказались вступать в колхоз, занимались своим хозяйством, сумели по-другому добывать себе необходимые для жизни средства: «бабушка так и не вступила в колхоз». Вопрос в том, что из этих рассказов сохранится для следующих поколений, если отсутствуют документальные свидетельства, если сокращается глубина памяти. Возможно, для них окно личной памяти закрывается, или в нем останутся небольшие щели, через которые будут пробиваться лишь слабые отголоски семейного прошлого.

...тогда все это здесь было очень трудно в колхозах, тем более, что мамыны родители, они в колхоз так и не вступали. Вся родня была раскулачена (вздыхает), и почти все – да все, одна бабушка осталась здесь в деревне, но она в колхоз так и не вступала до последнего дня, и сама во время войны выхаживала пять детей, сама сажала, сеяла табак, и все такое. И продавала. Но в колхоз она так принципиально и не вступала. Работала в РайПО, в общем, как-то так.

(Инт. № 19, ж., 50 л., глава администрации, Максатихинский район)

Предки мои землепашцы... землепашцы. Дед, по линии мамы, с бабушкой были раскулачены в 29-м году. Вот и дед был репрессирован за антисоветскую пропаганду, сослан на Соловки, в лагерь, и там он... К сожалению, оттуда не вернулся. А бабушка с нами занималась.

(Инт. № 10, м., 60 л., руководитель СПК, Устюженский район)

Ну, дед вот, по материнской линии, умер в девяносто третьем году. Он сам 1903 года рождения был, до девяноста лет прожил, здесь умер. В деревне Пожары, перевезли мы его сюда, и уже доживал свой век. И вот, рассказывал, что в революцию был, орденом был награжден еще в революцию. <...> Орденом Боевого Красного Знамени. Я сам лично видел его. Потом еще воевал в финскую, в Отечественную. После войны пришел, работал председателем колхоза там, в деревне Ш. Сидел. За то, что дал людям в сорок восьмом году зерна, чтобы не умерли от голода, четыре года отсидел. <...> Там где-то в Белозерском районе в тюрьме.

(Инт. № 64, м., 47 л., руководитель ООО, Бабаевский район)

Вот всех нас, кого раскулачили, все получили образование, все стали людьми, вот лично даже я за своих скажу, дядя, тетя, кто там, никто не... не опустил, и все, все нормально, снова. И при этой... все равны стали. <...> Вот в свое время мой старший брат, покойный уже, он с 36 года, вот он прекрасно учился, отец по 58-й у нас... сидел... вот. Куда ни подает документы, нигде не принимают. Сын врага народа. Мне хорошо что сделали в свое время, вместо отца прочерк поставили в свидетельство о рождении, я только тогда поступил в военное училище, иначе бы я вообще никуда не поступил. <...> Вот такие были условия. И я скрывал, мне стыдно было, знаете, как обидно было, что, типа, «безбашенный», что вообще, только благодаря этому. И как стыдно, обидно, я знаю, что у меня отец, он ни в чем не виноват, он не уголовник, никто. Вот он... вот, отец, вернее, старший брат с 36-го, я 48-й, января, вот он меня сделал, мне полтора года было, отца снова упрятали. Знаете, как...<...> Так у меня там дядьки, брат отца также был в лагере, или... Ну, за что, вы знаете, и особенно, знаете, пацану как было обидно, когда тебя ребята дразнят «безбашенный», знаете, как это, типа, что я нагулянный.

(Инт. № 52, м., 60 л., глава администрации, Бабаевский район)

6. Сюжеты про войну очень скупы. Собственно, мы и не ставили ни в одном проекте задачу подробно расспрашивать, как война затронула семьи информантов. Однако если в других пунктах встречаются более-менее развернутые или даже подробные рассказы, то упоминание войны сводится к следующим формулам: «*вот в финскую он ушел, и в 43-м в Отечественную сразу попал, и его убили*»; «*другой дедушка, по другой линии, на войне погиб*»; «*Отец всю войну прошел в августе 41-го его забрали, после того как были сельскохозяйственные работы завершены все, вот его забрали, и пришел он уже тоже в августе 45-го. <...> И уже все мы родились после войны*»; «*Я даже бабушек и не помню своих. Дед пришел с войны <...>, он умер в 46-м или 47-м году, поэтому я их не знаю*»; «*Ну, в общем-то, я могу сказать, что дед прошел всю войну, он на двух войнах был, пришел раненый, можно сказать, безногий, на костылях*»; «*Отец – участник войны, узник Бухенвальда*».

Максимум это краткое описание увечья, полученного родственником на войне, факт его гибели или указание, где он закончил войну. Скорее всего, война была настолько травматичным переживанием, а сложная послевоенная жизнь заставляла крестьян бежать из деревни любыми способами, что в спонтанных нарративах нет места описанию героизма, ярким событиям. Да и пришедшие с войны родственники немного рассказывали, и детям/внукам в этой части социальной памяти передать почти нечего. В то же время факт участия в войне членов семьи очень значим, важен для них. И этот факт упоминается обязательно, если информант расположен сказать несколько больше, чем просто ответить на вопрос. И поскольку война прошла через все российские семьи, то и в социальной памяти информантов она занимает одну из ведущих позиций.

7. Итак, в ходе анализа нами были выделены следующие объекты памяти:
«Таблица памяти»

	Максатиха	Лесное	Пестово	Устюжна	Кадуи	Бабаево	Бокситогорск	Итого
Преемственность	5	2	8	2	3	2	1	23
Достижения предков	4	2	2	3	3	4	2	20
Война	6	3	1	3	2	5		20
Семейные предания	1	1	1		3	5		11
Исторические рассказы	2	1	3			2		8
Репрессии			1	2	1	4		8
Коллективизация	3	1		1		2		7
Укрупнение населенных пунктов			1		2	1		4

Следует отметить, что «таблицу памяти» мы составляли по частоте упоминаний различных сюжетов информантами второго массива, поскольку их ответы выходили за рамки узко поставленных вопросов, являлись спонтанными реакциями на ту или иную тему, а не формально очерченными структурой исследования, как в первом случае, когда информантов спрашивали обо всех событиях, затронувших семью.

В общем итоге, чаще всего (23 раза) встречались сюжеты, которые мы квалифицировали как «преемственность». В плане интервью были вопросы, связанные с детьми информантов, в том числе и о том, каким они хотят видеть будущее своих детей. Отвечая на эти вопросы, очень немногие из наших информантов демонстрировали желание, чтобы дети продолжили их дело, «пошли по их стопам».

А вот для сына мы, конечно, имеем тут хорошее хозяйство. Хорошую базу, дом. Мы, конечно, хотели бы, чтобы вот продолжил сын, наши корни чтобы на этом не прекратились. Но вот в связи с тем, что у нас в стране творится, естественно, своего ребенка у нас здесь, по-моему, никто не оставляет своих детей. Стараются всячески дать образование и отправить в город.

(Инт. № 19, ж., 50 л., глава администрации, Максатихинский район)

Однако внимательное и неоднократное чтение текстов интервью показало, что преемственность отмечается людьми не только «вперед», но и ретроспективно. То есть

они в своем собственном поведении отмечают влияние своих родителей и свой нынешний статус рассматривают как прямое продолжение дела их родителей.

Видите, я вырос на земле, я это все принял от предков <так!> от своих. И так у меня пошло-пошло. Ну, как вели мои родители хозяйство, как смотрел, вели знакомые свое хозяйство. Ну, я набирался опыта, стал руководителем, и у меня пошло дело на лад. И мы возродили. Сейчас в нашем районе таких раз-два и обчелся.

(Инт. № 23, м., 64 г., руководитель СПК, Максатихинский район)

Именно такого рода высказывания составляют здесь подавляющее большинство. Почти так же часто (20 раз) встречаются высказывания, в которых информанты отмечают достижения своих прямых предков: это не только занятие ими руководящих постов в деревне, правительственные награды и т. п., но также уважение односельчан и владение различными навыками и умениями, некоторые из которых перешли «по наследству» и к самим информантам.

Отец у меня был механизатором. Он здесь родился, вырос. Льноводом, даже, нескромно замечу, знаменитым в то время льноводом был, имел правительственную награду за это, орденами «Знак почета» и «Дружбы народов» был награжден. То есть, прошу прощения, «Знак почета» и орденом «Октябрьской революции» награжден, потому что у нас здесь очень хорошо возделывалась эта культура, лен.

(Инт. № 7, ж., 52 г., глава администрации, Максатихинский район)

Столь же часто упоминается и военное время. При этом, конечно, информанты вспоминают родных, воевавших, погибших во время войны, но встречаются здесь и рассказы о тяжелом крестьянском труде во время войны, легшим на плечи женщин и детей.

Мама как раз попала вот в ту плеяду молодых трактористок-женщин, которые, как говорится, всю войну вынесли на своих плечах.

(Инт. № 31, ж., 49 лет, глава администрации, Кадуйский район)

Особо отметим две темы: «репрессии» и «коллективизация», которые в совокупности встретились в массиве интервью 15 раз. Хотя вряд ли наши собеседники сами могли помнить об этих событиях. Вероятнее всего, информация о них получена от родителей. Примечательно, что в первой серии наших экспедиций (генеалогических) в 2001–2003 годах эти темы практически не затрагивались информантами. Может быть, потому, что сами они в тот период, как правило, были еще детьми или подростками. Кроме того, есть ощущение, что эти темы были табуированы, и даже в современных условиях у старшего поколения информантов они оказались в зоне умолчания. Но времена изменились, и не только дети, но и внуки получили возможность узнать судьбу своих репрессированных родственников. Поток публикаций последних десятилетий создал благоприятное поле, чтобы активизировать эту тематику в памяти людей. Приведем лишь один короткий фрагмент из интервью:

И потом все, даже где похоронен, чего, никаких известий не было. И бабушка одна осталась с шестью детьми. И когда уже сын, он жил в Ленинградской области в Кировске, как уехал, потом жилье получил. Потом вышел на пенсию, приехал на родину свою в Выжегодский район, ему 80 лет было нынче, живет там. И он стал вот в Вологду, везде писать, узнавать где да как, почему. И деда реабилитировали. <...> Я видела, там бумага такая была.

(Инт. № 41, ж., 52 г., руководитель ООО, Кадуйский район)

И о коллективизации наши информанты, которые знают о ней со слов родителей и бабушек, говорят скорее с позиций сегодняшнего дня:

Вообще сгубила коллективизация, как мы тут вчера... Когда отбирали коров, лошадей, заставили всех вести, бабушка мне говорила. Тоже не надо было этого делать. Коллективизация рада была вся гольтьба, говорит, которые любили винцо пить, а работать не любили. Вот они были – как их называли раньше – босяки. А кто, говорит, середняки – мы работали, трудились <...> отправили на каторгу, за то, что ты хозяйство держал, обрабатывал. <...> И не надо было укрупнять, конечно. <...> Но мне кажется, теперь уже ничего не сделать, из города никто не поедет. Поедет кто-то из города, как вы вот думаете, молодые?

(Инт. № 3, ж., 50 л., глава администрации, Максатихинский район)

Стоит сказать и о том, что, конечно же, эта таблица по большому счету не репрезентативна. Но то, что люди вспоминали именно эти сюжеты, свидетельство значимости для них данных объектов памяти.

* * *

Основные выводы могут быть сформулированы следующим образом. Наши исследования позволили обнаружить относительно устойчивую тенденцию к укорачиванию семейной памяти среди сельского населения. Естественно, мы не можем ничего утверждать категорически. В целом государственная политика, особенно последних лет, не выделяя специально и осознанно этот аспект, определенным образом влияет на процесс разрушения социальной памяти и социальных корней. Однако здесь все не так просто.

Проблемы памяти, в том числе коллективной, сегодня очень популярны среди психологов, социологов и культурологов. Однако, на наш взгляд, методология и методика эмпирических исследований памяти, социальных и семейных корней все еще требует более серьезной разработки. В рамках двух наших проектов использовались разные методы. В целом создается впечатление, что результаты в обоих случаях совпадают, но это еще нуждается в серьезной проверке и в более глубоком осмыслении.

Георгий Ефремов

Валериан Домбровский: волна из-под камня

Георгий Исакович ЕФРЕМОВ

*Поэт, переводчик
(Вильнюс, Литва)*

Он как будто парил над облаками, а при этом чувствовал и знал землю, траву и воздух лучше, чем иные натуралисты. Но так было не всегда.

Однажды я привел в его мастерскую приятеля. Сейчас этот приятель – натуральный олигарх, ранее нескрываяемо гордый собой и фортуной, потом – явно изумленный человеческой природой и даже затаивший туманную печаль, неприличную для людей его круга. Наверное, это был 1993 или 94-й год, опьянение свободой еще имелось, однако уже с привкусом неминуемого похмелья. Но тогда мы были сравнительно молоды и способны бескорыстно удивляться. И мой знакомый, оглядев картины и этюды, висевшие, стоявшие и лежавшие повсюду, задал Валере такой вопрос:

– Скажите, а вы учились профессии? Образование у вас есть?

Валера с некоторой обидой ответил:

– Я окончил художественную академию! Почему вы сомневаетесь?

Тот ответил:

– Я не сомневаюсь, а удивляюсь. Как же вы не дали себя испортить?

До какого-то срока (по-моему, это 1981 год) в работах Валериана Домбровского было веско ощутимо наследие литовского академизма. О подобном стиле давно сказано: «Картина маслом. Сливочным». Фактура! Жирные, рельефные мазки. Приблизительность, изображающая из себя недосказанность. Преобладание густых, непрозрачных, однозначных тонов; торжество цвета, о котором дети говорят: «бурдовый». Можно перефразировать давнее изречение Михаила Светлова о молодом литературном карьеристе: автор пытается изобразить ползущего в укрытие солдата, но мы ясно знаем, что это ползет кандидат в члены Союза писателей. Если бы Валеру тогда, в конце 60-х, под фанфары приняли в Союз художников, никто бы не удивился.

Но случилось иначе: родился сын, потом другой. Безденежье, случайные заработки. Попытки найти себя в чем-то земном, даже приземленном. Написанное в те годы способно вызвать к себе интерес, иногда восхищение, но невозможно и не хочется вообразить, как смотрелись бы эти картины, не будь после них и вне их поразительного по силе и глубине наследия. Автор которого – тот же Валериан Домбровский.

В начале 1980-х в жизни художника возникла женщина, озарившая его жизнь и увлекшая живописца туда, где он веками не был. И никто из нас не был. Это было (и навсегда осталось) мощное вдохновение, обратившее живописца к себе самому. Незнакомому, неуправляемому, долгожданному. С той поры работам Валериана Домбровского сопутствует чистый нескончаемый звук. Он неведомо где возникает и все время уходит куда-то, претворяясь в сияние и биение. Его нельзя разъять на элементы и каждым любоваться отдельно. Мелодия перетекает из пейзажа в портрет, из абстракции в натюрморт, всюду – морская, лиственная, травяная волна.

Вильнюс перетекает в Венецию – и они на одном и том же холсте существуют оба как форма гармонии или напоминание о любви и смерти. Жизненный карнавал, подсмотренный живописцем в Италии, – универсален. В нем сколько природной силы – столько же искусства и умения, т. е. искусства. Он вбирает и растворяет нас, делая безымянными и бессмертными – пусть на время.

Вот что оно творит, вдохновение: сберегая детали, одолевает и презирает мелочность. Воспевая личную уникальность – оно отрицает ограды. Не знает границ.

Кажется, в его городских пейзажах больше Вильнюса, чем в подлинном нынешнем городе. Ему чудодейственным образом удалось впитать и сохранить эссенцию времени и пространства, дождя, ветра и метели.

Букеты у него на холстах и картонах дышат, шепчутся, и – слава Творцу – им не суждено увянуть. Море, остановленное взглядом и взмахом кисти, не утрачивает силы, – оно молча и неумолчно таится само в себе, бурлит внутри остановленного мгновения, поражает и не устрашает.

Для вдохновения нет чужих. Одаренность – это знак непосвященным, призыв к закоснелым: оставить свою деловитую/бытовую мертвенность – и увидеть Свет.

Не всем дано стать апостолами. Но следует знать и помнить, что мир неу-молимо красив, что в гармонии – истина. Кто-то должен видеть ее и слышать – и делиться с другими. Неподдельному дару – все и всегда во благо: и слиянность кровей, и смена времен, и отрешенность, и вечная обеспокоенность. Беспорядочность жизни и прямога пути.

Он родился еще до Войны. С детства обежал-исходил-облазил возлюблен-ный город – от Заречья до Зверинца¹ (где начал и завершил свой виленский путь), плавал матросом далеко в море, писал стихи и картины.

В его работах всегда есть веский источник свечения. Луч может быть слаб и робок, почти бесплотен, но его след – как тень или эхо – внятен и неоспорим. Как перистая полоса от самолета в закатной выси, – это напоминание о небе, о том – откуда все и куда. Ибо теперь все на свете напоминает Валериана Домбровского: осенняя пламенная листва, стылая белизна и откровенная графика стужи, влажное веяние весны, кипение и густота лета.

На его картинах не бывает особенно людно, и потому нам легко вплотную приблизиться к самой красоте. Или же отдалиться – ровно настолько, чтобы не потерять ее из вида, из сердца и памяти.

Если нужны биографические подробности, вот они:

Домбровский Валериан Альбертович родился 14 февраля 1935 в Петри-кове Гомельской области (Белоруссия). В 1967 окончил государственный Худо-жественный институт в Вильнюсе по специальности «живопись». Посетил мно-жество стран: служил на морском рыболовном флоте, плавал вокруг Африки, бывал на Дальнем Востоке, в Западной Европе, Израиле.

Участвует в выставках с 1965 года.

Вот данные о персональных выставках:

- 1983 – Дворец работников искусства (Вильнюс)
- 1988 – Дворец культуры и спорта МВД (Вильнюс)
- 1990 – Клуб Союза писателей Литвы (Вильнюс)
- 1992 – Кампенхаут (Бельгия)
- 1992 – Брюссельский экономический институт (Бельгия)
- 1993 – Художественная галерея Русского культурного центра (Вильнюс)
- 1993 – Выставочный зал в Мюнхене (Германия)
- 1994 – Посольство Литовской республики в Москве (Россия)
- 1996 – Литовский театр оперы и балета (Вильнюс)
- 1997 – Художественная галерея Русского культурного центра (Вильнюс)
- 1997 – Вестибюль Гостелерадио Литвы (Вильнюс)
- 1998 – Художественная галерея Русского культурного центра (Вильнюс)
- 2005 – Художественная галерея Русского культурного центра (Вильнюс)
- 2008 – Клуб писателей (Вильнюс).

¹ Зверинец (Žvėrynas) – старый малоэтажный район в центре Вильнюса.

А вот групповые выставки и пленэры:

1985 – республиканская выставка изобразительного искусства, Художественный музей (Вильнюс)

1992 – республиканская выставка изобразительного искусства, Художественный музей (Вильнюс)

1993 – галерея Reg Ard– 18, Париж (Франция)

1999 – Брюссельская художественная академия, международная выставка изобразительного искусства, Salon International de l' Art ir Alti Fagi galerija (Люксембург)

2004 – республиканская выставка «Моя муза», галерея «Арка» (Вильнюс)

2009 – выставка-пленэр на Зверинце «Чтоб не исчезло...», торговый центр «Панорама» (Вильнюс).

В Союз художников Литвы принят в 2004 году.

Соратники и коллеги с нежностью и благодарностью отзываются о Валерiane Домбровском.

Вот что пишет о нем живописец и график Елена Нона Завадскене:

«...Меня с ним связывает не только давнее знакомство (1966), но и многие годы дружбы, позволившие глубоко узнать этого совестливого, самокритичного и благородного художника. Он принадлежит редкому типу романтика-одиночки, философа, подлинного интеллигента. Окончив литовский Художественный институт вместе с группой социально активных живописцев-бунтарей, он остался в стороне от их формального мятежа, избрал иной путь, которому пребывал верен несколько десятилетий.

Он не враждовал с художественным окружением, но и никогда не был конформистом. Исповедуя собственную религию – отыскание гармонии и красоты в окружающей реальности, – он сберег свежесть восприятия мира, он воспринимал мир глазами влюбленного. Средствами живописи он виртуозно передал дымчатость, влажность, сумеречность и другие особые, «переходные» состояния природы и пейзажа, которые (казалось бы) сложно уловить и невозможно воссоздать. Не подчеркивая собственного «я», он избрал весьма неблагодарный и немодный путь – не расчленять и препарировать мир (к чему были склонны многие коллеги), но сохранять верность природной красоте, всем ее оттенкам, которыми так упивались импрессионисты. Нет сомнения, художник Домбровский своей живописью и мировидением родствен именно им. В его картинах всегда присутствует недосказанность, таинственность, которые расширяют рамки картины особым ощущением пространственного ритма, эмоциональным напором. Это свидетельствует о мастерстве живописца. Он – великолепный колорист, создавший свой Вильнюс, свою Венецию, свой Иерусалим. Его Вильнюс – город художников, в котором легко творить, дышать, любить, грустить и жить. Это город особенного света, особенной осени, особенной зимы. Его венецианские циклы лучатся витальной радостью, когда стихии воды и неба сливаются в единый

трансцендентный восторг переживаемого мгновения. Это – поэзия в живописи, проявление чувственной мудрости, истинного приятия жизни. Поэзия – неизменное состояние его души, воплощение подлинного «я».

Не знаю, печалиться или радоваться оттого, что многие (наверное, лучшие) работы Валериана Домбровского находятся за пределами отечества. Главное, что они радуют и вдохновляют зрителя, которому можно лишь позавидовать».

Не могу удержаться от соблазна и привожу здесь дорогой для меня цикл стихотворений о давнем Вильнюсе, написанный под влиянием Валеры и ему посвященный:

ДЕТИ ДЕКАБРЯ и все остальные

Валериану Домбровскому

1.

Ветер и девушка
на мосту в Зверинце.

Девушка смотрит вниз
и грезит о принце,
а сырые ладони ветра
отпечатаны
у нее на плаще.

Столько острого снега и свиста
было в осенней праше...

А теперь зима
покатилась бессильным солнцем
к подагрическим
уличным соснам...

Дрожью ветра
и хлопьями неба
тебя люблю...

2.

В первое утро снега земля проста:
ни одного потека на чистоте холста,
лишь белизна проездов, стен и ступеней,
и горизонт уже далеко не черта,
время с каждой минутой
белее и постепенней.

Что на таком полотне расположит гений:
черные гирьки
на коромысле моста?

3.

Ночь меж вторым и третьим.
Вдруг ветер утих.
Вьюга, которой уже не встретим,
молча лежит на путях.
Горбатая заледенелая слякоть,
слезы твои, герой.
Ветки уже начинают звякать
над спящей рекой.

Над радостью ссыльной –
лунный оскал.
Как я, бессильный,
этой зимой тосковал...

Каштан у портала
тверже и холодней, чем лед.
Где раньше листва трепетала –
ленивую песню льет
утро над утлыми снами,
и слышно: «Истлей,
не вставай между нами...»
Пой веселей!

4.

Вдоль берега, через ручей
по льду на холм, а там:
мой мир прекрасней и ручней,
он – дерево и дом,
и дым, и праздничный восход,
и человек в пальто, –
его пурга не заметет,
и не спасет никто.

5.

Они терзают мой народ,
о, сонмище малют,
когда настанет мой черед –
они меня убьют.

Я знаю: где-то есть тюрьма,
и в мире много зла.
Я жив – не моего ума
секрет их ремесла.

Каков бы ни был их удар,
я счастлив – не вздохнуть!
Все потому, что есть куда
прийти и нос уткнуть.

6.

Смотри и видь:
белый лобастый холм
под углом
рассекает черная нить.
Сбегает со лба
Морщинка пути.
Судьба.
Попробуй
не упусти.

7.

не требую молю
прости вину мою
которую не помню
которую люблю

все пути все пути
давно в твоей горсти
меня простить не можешь
когонибудь прости

8.

Усыпана округа
мерцающей трухой –
ни огонька, ни звука,
ни крепости глухой;
а вечер – скрипы санок
и перетоп копыт,
и засыпает замок,
и колокол не спит;
и не пройти дороги
от плахи до плетня,
и спят мои тревоги,
и занесло меня!
Две родины – немного...
и посвист удалой...
до мамы – как до Бога,
хоть голову долой.

Две родины – немного...

9.

«Их зло не так прочно, и в силу их не верю,
и вижу дерзкий ветер, спустившийся к воде,
седую зелень леса, жолнежей в рваных перьях,
и флаг не древке бьется и плачет. Быть беде».

10.

Что проходим твоя обида?
Ветер катится колесом.
Этот памятник – из гранита.
Этот снег невесом.

Это ночи негромки.
Эти дни не слишком добры.
От зернистой поземки
люди прячутся во дворы.

От угара – и до озноба
вся дорога твоя, дикарь.

Ходят об руку ласка и злоба.
Скоро кончится этот декабрь.

11.

Теперь понятно: снегиря
я знал как розовую птицу;
все просто – нам пора проститься,
мы просто дети Декабря.

Декабрь родился, креп и рос,
он состоялся – это значит,
что иней пал, туман прозрачен,
искрится лес. Меж нами рознь.

Нам – расставаться. Мы одни
войдем в декабрьский день морозный
и будем только уши, ноздри,
сомненья. Вечеру сродни.

В ответе – только за Декабря,
за остальных, в него вошедших
по одному. И будь храбр,
и защити и лес, и женщин,

и тишь реки (она строга)...
да и вообще – в морозном мире
все легче, явственнее, шире,
и льды шуршат о берега.

12.

...ведь я прошу немного: не надо и ответа.
Я темный свет увидел – он в отблеске перил.
Хочу, чтобы навеки когда-то или где-то
палач в бессонной башне устал. И закурил.

13.

Город мой! Голоса чужие!
Рождество – весомый обряд.
Чудеса!
Ну а там, в России –
25 декабря.

Эти липы прочны, как сваи.
Дремлет город – стена к стене.
Просыпается.
Я не с вами.
Я не знаю, что делать мне...

Там, под сенью высотный лезвий
как вам можется, москвичи?
Скоро кончится время следствий?
Ожидается век причин?

Очень больно за все живое.
Но и доля не тяжела:
хоть и жуткая – все же воля,
утро, улица, тишина.

Ольга Заславская

От Фиуме до «Красной речки»: по следам одного мифа

Ольга ЗАСЛАВСКАЯ

*Центрально-европейский
университет,
Будапешт (Венгрия)*

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что история не сводится к смене правителей и датам военных побед, в ней есть место той цепи кажущихся случайными событиями и встреч, которые вносят «дыхание истории» в судьбы людей, делая их героями исторических повествований.

В 1846 еврейские подданные Австро-Венгрии – братья Бела и Адольф Шнабель решили перейти в католическое вероисповедание, выбрав новое имя – Орошди. Так началась история ближневосточной торговой империи семьи Орошди-Бека, члены которой в начале XX века стали представителями австро-венгерской и французской знати. В этой истории есть и восстание 1848 года, и бегство в Турцию, куда Адольф Орошди последовал за Лайошем Кошутом как его адъютант. После отъезда Кошута в Америку Орошди не вернулся на родину, как сделали многие его соотечественники, а, сменив подданство и религию, пошел на службу к турецкому султану¹. После Крымской войны

¹ В Турции он стал известен как Орошди Али эффенди (Orosdié Ali effendi). См.: *Selim Deringil. «Törökké Lett» Magyarok a Szabadságharc Után.* – <http://epa.oszk.hu/00000/00015/00062/pdf/06prob.deringil.pdf>

он вышел в отставку, чтобы открыть вместе с Морицем Бекем магазин в престижном районе Стамбула – Галате. За Стамбулом последовали магазины в Алеппо, Тунисе, Каире, Измире, Салониках, в Пловдиве и Бухаресте, в Будапеште, Вене и Париже...²

Спустя более чем столетие, в предисловии к третьему изданию книги И.Э. Чутко «Красные самолеты», появилась фраза: «В 1921 году, в первый же день создания Коммунистической партии Италии, Роберт Бартини стал ее членом. В 1923 году приехал в Советский Союз помочь молодой Республике Советов, чтобы красные самолеты летали быстрее черных». А еще через несколько десятилетий появилась еще одна книга – «Тайна Воланда» Сергея и Ольги Бузиновских о советском авиаконструкторе знатного итальянского происхождения, чье имя – Роберт Людвигович Бартини, или барон Орос ди Бартини, или, наконец, Роберт Орошди, – соединили вместе эти истории. Хотя речь в книге шла не столько о заслуженном авиаконструкторе, сколько о человеке, который, по мнению авторов, стал прообразом одного из главных героев повести Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» – мессира Воланда.

Что стоит за этими столь разными историями, где «легенды», рассказанные итальянским коммунистом Робертом Орошди-Бартини, становятся мифом, на котором до сих пор основывается и его официальная биография, и литературно-документальное повествование о визионере Роберте Бартини? Что, в конечном итоге, значат слова, на которые так часто ссылаются его биографы: «Собрать сведения о всей моей жизни. Извлеките из нее урок»³, – для понимания событий, происходивших на пространствах четырех империй – австро-венгерской, оттоманской, российской и, наконец, советской, где так причудливо переплелись вымысел и правда о семье Орошди?

Данная статья посвящена начальному периоду жизни Роберта Бартини, от рождения до его первого появления в России в качестве военнопленного Первой мировой войны. Развенчав один из мифов, связанных с именем «красного барона», мы постараемся найти истоки не только его дальнейшей эмиграции в Советскую Россию, где он состоялся как талантливый авиаконструктор, но и причины создания его биографии «между мифом и реальностью».

Биография в цифровую эпоху

Биография как жанр в настоящее время переживает настоящий бум; многочисленные тома выстраиваются в ряды на книжных полках, а телевидение

² Помимо указанных городов, магазины существовали Русе и Варне (Болгария), Адане, Самсуне, Бейруте (Ливан), Бизерте, Сфаксе, Багдаде, Басре; в 1920-е – в Дайр-аль-Зуре, Табризе (Тавриз), Тегеране, Касабланке, в Фесе и Микеах в 1960-е. В Египте магазины и другие предприятия, принадлежащие семье Орошди-Беков, были не только в Каире, но в Александрии, Порт-Саиде и, в относительно короткий период, – в Танте и Заказик. В 1898 был открыт магазин в японском портовом городе Иокогама. См.: Meiji-Portraits [Enterprises of the Meiji-Era]. – <http://www.meiji-portraits.de>

³ Чутко И.Э. Красные самолеты. – М.: Политиздат, 1978; см. то же: http://militera.lib.ru/bio/chutko_ie_bartini/01.html

и документалистика соревнуются в разного рода биографических нарративах. Интерес к биографическим исследованиям, по мнению Д. Райта, связан с особенностью развития современного общества, в котором потеряно понимание «длени», «протяженности» времени (*duration*), а следовательно, его глубины и значимости. Современная культура требует внимания и действия «здесь и сейчас», вынуждая нас, чтобы быть успешными, браться за несколько дел сразу. Ускорение и многофункциональность, становясь требованием дня, оставляют человеку время только на поверхностное понимание происходящего, и вместо «процесса существования» (Питер Вайт) остается «невыносимая легкость бытия» (Милан Кундера), где теряется чувство самого себя, собственной жизни⁴. Биография способна, как кажется, компенсировать эту потерю, потому что она обещает «начало, развязку и конец» и дает описание жизни, имеющей цель и смысл; а также то, что не достает современному человеку – чувство предназначения, судьбы, обещания себя⁵. Социально-политическая и культурная ситуация, в которой разворачивается биография, делает судьбу отдельного человека исторически значимой и уникальной. Биография напоминает, что в жизни каждого есть место выбора, о чем пишет Д. Крейтон, подчеркивая, что история делается не безымянными массами, но живыми людьми, мужчинами и женщинами, которыми руководят самые разные идеи и эмоции, объяснение которым можно найти в глубоком понимании индивидуального характера, при помощи того «творческого понимания людей, что является одним из самых важных характеристик литературного искусства»⁶.

В создании биографий принимают участие не только профессиональные историки, но писатели, режиссеры, антропологи, журналисты, художники и просто заинтересованные лица, в частности, родственники и потомки. Однако методы реконструкции жизни отдельного человека могут быть самыми различными – от воспоминаний до художественной интерпретации, что часто зависит от того, насколько те или иные жизненные факты могут быть подтверждены или опровергнуты. Традиционно реконструкция жизни человека опирается на привлечении особого корпуса источников (свидетельства современников, дневники, мемуары, воспоминания), по которым можно найти «следы», оставленные тем или иным человеком в истории⁷. Так как история жизни выдающихся людей имеет больше перспектив быть задокументированной, то в центре внимания

⁴ *Wright, D. Reflections on Donald Creighton and the Appeal of Biography // Journal of Historical Biography. – 2007. – Vol. 1 (Spring). – P. 15-26, 24.*

⁵ *Birkerts, S. Biography and the Dissolving Self. In: Readings, ed. Sven Birkerts. Saint Paul, MN: Graywolf Press, 1999, 94. Цит. по: Wright, D. Reflections on Donald Creighton and the Appeal of Biography. – P. 23.*

⁶ *Creighton, D. «The Writing of Canadian History», Founders' Day Address, University of New Brunswick, 19 February 1945, 16. Copy in University of New Brunswick Archives and Special Collections. Цит. по: Ibid. – P. 24.*

⁷ На протяжении XX века на развитие историко-биографического метода влияли достижения социологии и психологии, для которых «биографический метод», или «метод жизнеописаний» был одним из основных. Тогда же, наряду с изучением индивидуальных биографий, сформировалось и такое направление, как просопография, что позволяет создавать коллективные биографии. Подобный метод может быть успешно использован для создания биографии, в частности, семьи Орошди.

биографов чаще всего оказываются публичные фигуры, в то время как история жизни обычных людей оказывается на периферии биографического жанра⁸.

Французский ученый Ж. Ревель выделяет несколько типов биографического нарратива, исходя из способов интерпретации данных. Для нашего исследования ближе второй тип, когда биография восстанавливается на основе контекста, «претендующего на объяснение биографического текста, через соответствующие контекст(ы), в которые он вписан»⁹. Для данного подхода важен не столько рассказ об индивидуальной судьбе, сколько выяснение того, что сделало возможной такую судьбу, такой жизненный путь в том историческом контексте, который необходимо воссоздать. Это тем более имеет смысл, что документальных «следов» жизни Бартини-Орошди слишком мало, чтобы написать его биографию, опираясь только на них. С этой проблемой сталкивались все исследователи, кто так или иначе интересовался его жизнью, при этом сами биографы, их одержимость в воссоздании биографии своего героя заслуживают отдельного исследования¹⁰.

Несомненно, что документальная поддержка исследований является важной составляющей биографического жанра, однако методы поиска и интерпретации документальных свидетельств существенно меняются по мере наступления цифровой эпохи (digital era). Ресурсы всемирной сети предоставляют возможности поиска на нескольких языках сразу, охватывая тем самым гораздо больший объем научной литературы и архивных источников и значительно сокращая время исследований.

«Красный барон»: создание мифа или неточности истории?

В 1972 году в шестом выпуске журнала «Изобретатель и рационализатор» была опубликована статья И. Вишнякова, в которой он описывал испытания самолета-невидимки, ссылаясь на публикацию В.Б. Шаврова «История конструкций самолетов в СССР до 1938 г.»: «Самолет строился бригадой Военно-воздушной академии под руководством С.Г. Козлова в 1935 году. Это была переделка яковлевского АИР-4. Особенностью самолета была обшивка его поверхностей прозрачным материалом “родоидом” – органическим стеклом французского производства». И далее: «Результат этих мероприятий был значителен.

⁸ Тем не менее, в последнее время предпринимаются попытки не просто привлечь внимание к повседневности и жизни обычных людей, но и включить в этот процесс специалистов самых разных направлений, что предполагает новое прочтение как отдельной биографии, так и биографического жанра в целом.

⁹ Ревель Ж. Биография как историографическая проблема. – М., 2002. – С. 18-21.

¹⁰ В своем романе «Обладание» А.С. Биат связывала написание биографии с особым рода одержимостью – все поглощающим, иррациональным чувством. См.: *Byatt, A.S. Possession: A Romance.* – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. Д. Райт, описывая свой опыт, писал, что это судьба биографа – постоянно думать о своем предмете в любое время суток и любом месте. См.: *Wright, D. Reflections on Donald Greighton and the Appeal of Biography.* – P. 17.

Самолет в воздухе быстро исчезал с глаз наземных наблюдателей. Были проделаны опыты полетов “невидимого самолета” рядом с У-2 на определенном расстоянии. С третьего самолета оба были засняты на киноплёнку. На кинокадрах не получалось изображение самолета, а на больших расстояниях не видно было даже пятен. Впрочем, родоид довольно скоро потускнел, потрескался, и эффект невидимости снизился. По окончании испытаний самолет был разобран, и работы по нему прекращены».

Насколько информация о самолете-«невидимке» достоверна, в данном контексте не так важно, хотя само по себе такое исследование могло бы представлять интерес для истории авиации¹¹. Нас интересует имя конструктора, который, кстати, не был упомянут в предлагаемом отрывке. Оно появилось чуть позже, в книге Игоря Чутко «Красные самолеты», опубликованной в 1978. Это был Роберт Бартини. Он умер в 1974, и гриф секретности, по-видимому, был снят. Но с окончанием жизни не закончился миф о «красном бароне».

Кроме И. Чутко, историей Бартини серьезно заинтересовались по крайней мере еще два человека, которые оказали влияние на создание этого мифа – итальянец Джузеппе Цампалиа (Giuseppe Ciampaglia) и журналист Сергей Бузиновский¹². Как рассказывал Цампалиа, он встретил имя Бартини, изучая жизнь итальянских авиаторов, которые жили и работали в России. В то время о Бартини не знал никто. Только в 1994 ему удалось через российское посольство в Риме получить книгу И. Чутко, переведенную на итальянский язык. К этому времени уже вышел первый рассказ С. Бузиновского о Бартини, – первое приближение к теме и ее историко-биографической интерпретации. Оба автора столкнулись с проблемой нахождения документальных источников, и каждый из них выбрал свою собственную стратегию поиска, а исходя из их результатов – характер изложения биографии Бартини. Поэтому в одном случае – это история авиационных проектов итальянского инженера, в другом случае – литературно-документальное повествование о «прогрессоре»¹³.

¹¹ Именно эта статья и информация о самолете-невидимке стала отправной точкой для С. Бузиновского в его попытках интерпретации «загадки» Бартини. См.: Бузиновский С.Б. Все возможно? // Знак вопроса. – 1993. – № 3-4. – <http://coollib.com/b/218121/read>

¹² *Ciampaglia, G. Roberto Bartini e le sue realizzazioni aeronautiche in Unione Sovietica.* – Rivista Storica, 1995; *La vita e gli aerei di Roberto Oros di Bartini.* – Il Edizione ampliata, I.B.N. Editore. – Roma, 2010; *Krasnij Baron Robert Ljudvigovich Bartini 1897–1974.* – <http://www.academia.edu>. См. также: Бузиновский С., Бузиновская О. Тайна Воланда. Опыт дешифровки. – Барнаул, 2003.

¹³ К сожалению, объем статьи не позволяет остановиться на этом вопросе подробнее, но хотелось бы отослать к двум недавним публикациям на эту тему. В частности, Илья Кукулин в статье «Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960-70-х годов, или Почему в современной России не прижились левые политические практики» обращает внимание на мотив прогрессора как социокультурную модель самосознания позднесоветской и постсоветской интеллигенции. В своей статье он не только внимательно прослеживает эволюцию образа прогрессора у Стругацких, но и обсуждает роль этого тропа в «методологии» (или, как ее тогда называли, «деятельностной философии») Георгия Щедровицкого и его кружка. Кроме того, Марк Липовецкий рассматривает логику прогрессорства, которую воспроизводят российские интеллигенты разных поколений через призму идей Эдварда Саида, и концепцией, предложенной Александром Эткингом в книге «Внутренняя колонизация».

На данных книги И. Чутко основываются большинство публикаций, где Бартини представлен то итальянским, то советским инженером, и лишь иногда говорится о его австро-венгерском происхождении¹⁴.

Что же в общих чертах известно о Бартини? Итак, Бартини Роберто Людовичевич (Роберто Орос ди Бартини) – советский авиаконструктор, ученый. Родился в Фиуме (Риека, Югославия) в 1897 году. Окончил офицерскую (1916) и летную (1921) школы, Миланский политехнический институт (1922). С 1921 член Итальянской коммунистической партии (ИКП). После фашистского переворота в Италии в 1923 по решению ИКП был направлен в Советский Союз для помощи молодой республике в области авиации. Советская карьера Бартини началась на Научно-опытном (ныне Чкаловском) аэродроме, где он занимал должность главного инженера и начальника отдела. В 1928 он возглавил экспериментальную группу по проектированию гидросамолетов. Здесь им был предложен проект 40-тонного морского бомбардировщика МТБ-2 и экспериментального истребителя «Сталь-б». В 1930 его группа вошла в состав ЦКБ, откуда Бартини был уволен. Награжден орденом Ленина (1967). 14 мая 1997, в день 100-летия со дня рождения, в фойе ОКБ ТАНТК им. Бериева появилась мемориальная доска Р.Л. Бартини¹⁵.

Другие источники более или менее повторяют основные данные о Бартини и приводят слова И. Чутко, о том, что для нахождения единственно правильной версии его жизни документы нужно искать в архивах Италии, Австрии, Венгрии, в бывшей Югославии, Германии, Китае, Сирии, на Цейлоне, а также во Франции, Турции, Египте, Греции, Румынии и даже Японии. Часто упоминается, что он был приемным сыном итальянского барона. Исходя из краткого анализа различных публикаций, очевидно, что знания о Бартини опираются на его анкеты, заполненные по разным случаям, и на рассказы самого Бартини о себе и своей жизни¹⁶. Но насколько подобные «автобиографические легенды» могут служить основанием для написания биографии? Практика показала, что, как только мы пытаемся найти документальные подтверждения каким-то событиям из жизни Бартини, появляются вопросы, а при попытках найти ответы на них, появляются новые факты. Ниже я постараюсь показать, каким образом нестыковки и неточности в публикациях и документах могут быть использованы как «подсказки» для нахождения правильных ответов.

Имперский опыт России». См.: *Липовецкий М.* Еще раз о комплексе прогрессора // *Неприкосновенный запас.* – 2015. – № 99 (январь). – <http://www.nlobooks.ru/node/5951>

¹⁴ Биография Р. Бартини на сайте <http://www.combatavia.info/index91brl.html>

¹⁵ Мы пропустили ту часть биографии, которая связана с его деятельностью как авиаконструктора, так как она достаточно подробно изложена. См.: Роберт Бартини – авиаконструктор, опередивший время. Интервью с Генеральным директором ВИАМ, академиком РАН Евгением Кабловым. – <http://agnc.ru/publication/114>. Кроме многочисленных публикаций, о Бартини снято несколько фильмов. См., например, фильм «Гений из шарашки», а также сценарий фильма «Крылья мечты».

¹⁶ Только с открытием архивов в 1990-е родственникам Бартини удалось получить копии отдельных документов.

«Что в имени тебе моем?»

«Я вырос в семье дворянина, крупного чиновника, в итальянском городе Фиуме; в 1916 году был взят в плен на русском фронте и был репатриирован в Италию в 1920 году», – так кратко пишет Р. Бартини о своем детстве и юности¹⁷. В этом же документе он указывает и семейное имя – Орожди. Это предложение, с одной стороны, содержит важную информацию об основных событиях его жизни до 1920, но, с другой, дает основания для многочисленных домыслов, мифов и интерпретаций. И начнем мы прежде всего с имени.

Хотя внук Бартини, Олег Герович Бартини, предполагает, что Бартини – акроним родового девиза: «*Bella Avis Rubra Terrorem Infert Nigrae*» (BARTINI), что в переводе значит «Бесстрашная красная птица всегда возьмет верх над черной»; кажется, что это только одна из попыток интерпретации. Тем не менее, как показывают документы, Бартини никогда не отказывался от фамилии своей приемной семьи. Более того, имя Орожди – или, вернее, Орошди (Orosdy), в нескольких другой форме присутствует в полном имени Бартини, которым он пользовался в Советской России (кстати, достаточно экстравагантном для того времени): *Roberto Oros di Bartini*. Орос ди Бартини? Но если читать частицу «ди» слитно, то это – Оросди или *Orosdi*. В венгерском языке это слово читается как Орошди (отсюда легко появляется слово Орожди)¹⁸.

Многие исследователи отмечали, что венгерское слово *orosz* означает *русский*, но в действительности «русское» происхождение имени связано с другими событиями, о чем речь пойдет чуть ниже. Сейчас же хотелось бы обратить внимание на то, что имя Orosdi отсылает к названию французской компании *Etablissements Orosdi-Back (EOB)* – семейному бизнесу, родоначальниками которого были Адольф Орошди и Мориц Бек. Еще одно важное замечание относительно написания имени: производные от фамилии *Orosdy – Orosd* или *Orosdi* – используются для указания на знатное происхождение. Так, в 1906 один из представителей семьи – Филипп Орошди получил титул барона и имя – *Vaço Fülöp Orosdy Orosdi et Vöi*, где последние два имени отсылают к его владениям в Пилишсанто и Тиссабо¹⁹. Такие детали позволили в конечном итоге выяснить, что имя Орошди было дано Роберту в 1904 по имени его приемного отца – Лайоша Орошди, который, однако, не был представителем итальянской знати,

¹⁷ Из заявления бывшего члена партии Бартини (Орожди) Р.Л. на имя Хрущева Н.С. (копия). – Архив О.Г. Бартини.

¹⁸ С проблемами правописания мы столкнемся еще раз: в Риме, когда Бартини записывали в летнюю школу, то имя также изменили, по-видимому, воспринимая на слух, – *Wrosd*. (По сообщению Дж. Цампалиа. – Архив автора.)

¹⁹ Приехав в Венгрию, Филипп Орошди построил в 1895 дом, который известен как дворец Орошди (*Orosdy kastély*). Кроме того, ему принадлежали владения и дом в Тиссабои (*Tiszaböi*), а также квартира в Будапеште. Указом австрийского императора от 1906 года все наследники Филиппа Орошди получили имя *Orosdi-Vöi*, что указывало на их знатное происхождение.

но был венгерским юристом, доктором юридических наук (Dr. Lajos Orosdy) и занимал достаточно высокий пост в государственной структуре Австро-Венгерской империи. В городе Надьканиже, где родился Бартини, он занимал пост королевского судьи (1897–1906), в 1906–1911 был начальником полиции приграничных территорий Венгрии и Хорватии, а также свободного города Фиуме²⁰, а позже (1914–1919) стал руководителем политического отдела при губернаторе²¹.

Одной из первых подсказок стал документ из военного архива, в котором сообщалось о Роберте Орошди, военнопленном сначала лагеря в Шкотово, а затем «Красная речка», что под Хабаровском. В качестве человека, с которым надлежало установить связь, указывался отец – Лайош Орошди, который, однако, не был бароном. Дальнейшие поиски дали несколько новых деталей, в частности, адрес Л. Орошди в Будапеште: в 1920-е – 1940-е годы он жил по улице Дамьяних, 40 (Damjánich utca). А в нескольких домах от него находилась городская резиденция другого Орошди – Фюлопа (или Филиппа), чье имя можно найти в списках венгерских баронов за 1906 год. Как и имя другого Филиппа – Бека, которому титул барона австро-венгерский монарх пожаловал чуть позже, в 1909 году²². Таким образом, бароны в семье Орошди были. И хотя Бартини не был прямым потомком Филиппа (кто в действительности был его отцом, по-прежнему не ясно), но мы можем с большой долей уверенности предположить, что он имел отношение к семьям баронов Орошди и Беков²³. Вопрос с отчеством – Людвигович – решается достаточно просто. Венгерское имя Лайош в конечном итоге легко превращается и в Людвига, и в Людовико. По всей видимости, Роберту было важно сохранить в своем имени и имя отца, и имя его большой приемной семьи, о которой речь пойдет дальше²⁴.

Сага об Орошди

Чтобы снять вопросы о национальной принадлежности Бартини, стоит сделать еще одно замечание относительно его «русского происхождения», которое, кстати, оказалось еще одной подсказкой в поисках родоначальников

²⁰ Л. Орошди курировал проект по созданию границы между этими областями. Не случайно, что И. Чутко описывает один из разговоров юного Роберта с отцом о границах.

²¹ Эти территории входили в Австро-Венгерскую империю, но административно считались частью Венгрии после подписания соглашения 1868 года.

²² На улице Кирай (Király utca, 1) находился магазин еще одного представителя семейного бизнеса – Йозефа Бека, младшего брата барона Филиппа Бека де Шурани (Bacck de Surany).

²³ Интересно отметить, что, в случае семьи Филиппа Бека, титул барона и имя де Шурани использовали не только его дети, но и братья, в частности, старший брат Герман, который также был Генеральным консулом Франции в Персии. См.: Famille Bacck de Surany // Saint-Pons-de-Thomières et le Pays Saint-Ponais: Histoire et patrimoine de l'ouest du département de l'Hérault. – <http://saint-pons-de-thomieres.pagesperso-orange.fr/back-de-surany.html>

²⁴ В серии военных изданий за 1886–1889 годы (опубликованы в Вене на немецком языке) имя Орошди пишется как Людвиг. В этот период он лейтенант запаса, в 1890 получает назначение в Тополчань (современная Словакия). См.: <http://kramerius.nkp.cz/kramerius/Welcome.do>

семьи Орошди – Белы и Адольфа Шнабелей (Bela, Adolf Schnabel), а затем на вело на след его приемного отца – Лайоша Орошди.

Oroszd (произносится «оросд») – название небольшой деревушки, основанной примерно в начале XII века²⁵. Предполагается, что в этой деревушке поселилась свита Евфимии, дочери киевского князя Владимира Мономаха и жены престарелого венгерского короля Коломана Второго (Кальмана)²⁶. Неизвестно, выбрали братья Шнабели это имя, потому что были родом из этого региона, или по какой-то другой причине, но именно Орошди (Orosdy) стало их новой венгерской фамилией, под которой один из них – Адольф – был записан в армию повстанцев в декабре 1848 года. После поражения восстания многие офицеры и солдаты покинули страну, большинство из них оказались в эмиграции в Турции, и среди них – Адольф Орошди. Вскоре он становится личным секретарем Лайоша Кошута и следует за ним сначала в Видин, а затем в Стамбул²⁷. История повстанцев 1848 года в Турции – весьма захватывающий, но отдельный сюжет, поэтому, опуская подробности жизни Адольфа в этот период жизни, отмечим только несколько фактов, и среди них очередную смену вероисповедания и имени, а также участие в Крымской войне в чине майора²⁸, что позволило ему приобрести небольшой капитал, который совместно со своим родственником Морицем Бекон он вложил в открытие магазина в одном из самых престижных районов Стамбула – Галате²⁹. Так начинается история империи Орошди-Бека, хотя официально компания была зарегистрирована позже, сначала в 1888 в Париже,

²⁵ Изначально русские поселения так и назывались – Oroszfalva, в них входило, по крайней мере, три деревни, известные сейчас как Надьороши, Кишороши и Орошд. Подробнее об этимологии слова Oroszd (от Oroszi) см.: Helynévképzők az őmagyar kori néprnévi eredetű helynevekben // Magyar Nyelvtudományi Társaság Évkönyve. A Debreceni Egyetem XLVI, Magyar Nyelvtudományi Tanszékének Évkönyve. – Debrecen, 2008. – 103-124. – <http://mnytud.arts.klte.hu/mnyj/46/05racz.pdf>

²⁶ Привилегии, гарантированные королем Кальманом русским поселенцам, были в дальнейшем подтверждены и другими венгерскими правителями, включая Фердинанда Первого в 1528 году. Во время турецкого нашествия большинство населения этих поселений было убито или взято в плен. См.: Nógrád Megye Története. 896–1849. Nógrád Megyei Tanács Végrehajtó, 1972. – http://library.hungaricana.hu/hu/view/NOGM_SK_1972_nogr_megye_tort_1

²⁷ В 1850 Адольф Орошди вместе с группой других «новообращенных мусульман» из числа венгерских повстанцев прибыл в Алеппо под командованием Д. Кмети (Gy. Kmety), который был известен в Порте как Исмаил-паша. См.: Deringil, S. «Törökké Lett» Magyarok a Szabadságharc Után // Buksz. – 2011. – <http://epa.oszk.hu/00000/00015/00062/pdf/06prob.deringil.pdf>. Адольф известен еще тем, что обучал Кошуту турецкому языку и составил венгерско-турецкий словарь. См.: Kakuk, Zs. Kossuth kéziratai a török nyelvről. – Budapest, 1967.

²⁸ В источниках встречается имя Ömer bej, что могло означать принадлежность к офицерскому составу османской армии, возможно, под руководством Омер (или Омар) паши (Ömer pasa), еще одного бывшего подданного Австро-Венгерской империи, серба Михайло Латаса (Mihajlo Latas), который достиг влиятельного положения в Турции. О роли Омер-паши в Крымской войне см.: *McGregor, Andrew J. A Military History of Modern Egypt: From the Ottoman Conquest to the Ramadan War.* – Greenwood Publishing Group. – 2006. – P. 121-135.

²⁹ Мориц Бек женился в 1846 на сестре Адольфа Орошди – Антуанетте (Antoinette Schnabel). Она, как и ее братья, родился в районе Зойома (Zolyom, сейчас часть Словакии); там же проживали и богатые родственники Морица Бека (его старший сын Герман родился в Галгоце, сейчас Хловац, Словакия).

а затем, в связи с открытием магазина, – в 1893 в Вене³⁰. К этому времени империи возглавили сыновья Адольфа и Бека – Леон Орошди и Герман Бек, им помогли другие братья, в частности, Йозеф Бек и два Филиппа – Орошди и Бек, которые большей частью жили в Венгрии. Помимо бизнеса, Филипп Орошди принимает активное участие в политической жизни страны, получив титул барона в 1906 и став членом парламента³¹. А Филипп Бек свой титул барона получил в том числе и за те щедрые подарки, которые он сделал музеям в Вене, Будапеште и Кракове, передав находки после раскопок в районе Шаруна и Гам-руда в Египте³².

История семьи Орошди подтверждает некоторые их тех фактов, о которых рассказывал Бартини своим биографам. В частности, описывая свое возвращение из плена, когда он вынужден был путешествовать со своим товарищем Ласло Кеменем через Китай, Индию и Ближний Восток, Бартини упоминает, что из Египта им удалось добраться до Европы при помощи родственника. Хотя И. Чутко пишет о родственнике «тоже Бартини», вероятнее всего, речь все-таки идет об Орошди, чьи предприятия находились во многих городах Египта, не только магазины, но и железные дороги, к примеру, в Порт-Саиде³³. Так Бартини смог вернуться в Фиуме, в котором, однако, он задержался недолго. Его приемная мать Паола умерла в 1912, а отец, женившись вскоре после ее смерти, в январе 1919 был назначен помощником министра и вернулся в Будапешт³⁴. Да и ситуация в городе, который в 1919–1920 переживал нелегкие времена, помогла ему сделать окончательный выбор³⁵. Бартини отправляется в Италию, где для

³⁰ Подробнее о фамильном бизнесе можно узнать из французских документов: [http://www.entreprises-coloniales.fr/empire/Orosdi-Back_\(1895-1990\).pdf](http://www.entreprises-coloniales.fr/empire/Orosdi-Back_(1895-1990).pdf); а также в исследовании Ю. Купфершмидта. См.: Kupferschmidt, Uri M. Who Needed Department Stores in Egypt? From Orosdi-Back to Omar Effendi // Middle Eastern Studies. – Vol. 43, № 2 (Mar., 2007). – P. 175-192; European Department Stores and Middle Eastern Consumers. The Orosdi-Back Saga. – Istanbul, 2007.

³¹ Его жена, представительница знатной венгерской семьи Маргит Херцог (Margit Herzog), стала одной из первых женщин в венгерском парламенте. О баронессе Орошди см.: Orosdy Fülöpné báróné. Magyar Országgyűlési Almanach. Ötszáz Magyar Élet ü 1931–1936. – P. 220. – http://www.ogyk.hu/e-konyvt/mpgy/al931_36/220.htm

³² Раскопки проводились в 1907–1908 в сотрудничестве с Гастоном Масперо (Gaston Maspero) и при участии талантливого польского археолога Тадеуша Смоленского (Tadeusz Samuel Smoleński). Подробнее см.: Warren R. Dawson, Eric P. Uphill. Who was who in Egyptology. – 3rd revised ed. by Morris L. Bierbrier. – Egypt Exploration Society, London 1995. – P. 23.

³³ Интерес семьи к железной дороге подтверждается отчасти и тем фактом, что Филипп Орошди был в совете директоров железной дороги в Венгрии.

³⁴ Его вторая жена – Мария Надь (Maria Nagy) была из знатного трансильванского рода. В 1915 и 1916 родились братья Роберта – Бела и Лайош. Лайош умер в возрасте 14 лет, а Бела, получив образование врача, после Второй мировой войны эмигрировал вместе с матерью в США.

³⁵ Согласно Рапальскому договору, город Фиуме был передан вновь образованному государству – Югославии. Однако националистически настроенные итальянцы во главе с Д'Аннунцио предприняли попытку вернуть город в состав Италии. В Венеции была организована кампания под лозунгом «Фиуме или смерть», в результате которой удалось собрать достаточное количество средств, и 12 сентября 1919 с небольшой группой единомышленников и при поддержке итальянской армии в Истрии (Хорватия) Д'Аннунцио захватил Фиуме. Однако уже в декабре следующего года Фиуме был освобожден.

него начинается новая жизнь. Но почему Италия и как это может быть связано с его решением стать коммунистом и посвятить себя авиации? Для этого нам придется еще раз вернуться в Фиуме, в свободный город на Адриатическом море.

Аббация, дворец Скарпа и самолеты над Фиуме

Поиск документов из архивов стран Восточной и Западной Европы казался титанической задачей, так как предполагал не только многочисленные поездки, но и знание языков – от венгерского и французского до арабского и японского. Надо было просмотреть документы и пролистать периодику, что, однако, совершенно не гарантировало, что подобные усилия увенчаются успехом. Ситуация изменилась с развитием цифровых архивов и появлением их в режиме онлайн³⁶. Многолетний проект мормонов, в частности, стал большим подспорьем для проведения генеалогического исследования, практически сразу выявив ближайших родственников Бартини – Белу и Адольфа Шнабелей, что, в свою очередь, помогло уточнить данные о Лайоше Орошди. А установив имя приемного отца, который в 1897–1906 проживал в городе Надьканиже, удалось найти и свидетельство о рождении Роберта. Согласно этому документу, он родился 14 мая 1897 в этом же городе, и ему было дано двойное имя Роберт Фригеш и фамилия матери – Ферлеш (Robert Frigyes Ferlesch). Согласно записи, Мария Ферлеш родилась в небольшом городке Вилах (Villach) в Южной Каринтии Австро-Венгерской монархии. Как получилось, что молодая (20-летняя) женщина оказалась в Венгрии и родила внебрачного сына, мы пока можем только предполагать. К сожалению, фамилия Ферлиш не дала никаких подсказок относительно родного отца Роберта³⁷. Тем не менее, учитывая, что после тщательных исследований многие из рассказов Бартини так или иначе находят свое подтверждение, имеет смысл внимательнее отнестись к его рассказам и биографическим фрагментам в его киноповести «Цепь», а также к книге И. Чутко, где описывается детство Роберта в Фиуме.

В 1906 приемного отца Роберта переводят в Будапешт, а вскоре он с семьей отправляется в Фиуме, город на побережье Адриатического моря. В 1906–1911 доктор Лайош Орошди возглавляет пограничную службу, а в 1911 его назначают помощником губернатора по политической части³⁸. История Фиуме конца XIX – начала XX века представляет особый интерес для понимания

³⁶ Поиски документов осложняются тем, что, начиная с 1895, материалы из районных центров стали передаваться на хранение в центральный архив в Будапеште, который в годы Второй мировой войны был разрушен, и многие документы погибли при пожаре.

³⁷ Интересно, что запись в метрической книге об усыновлении Роберта датируется 1904 годом, когда ему уже исполнилось семь лет. Неизвестно, было ли это оформлением нового имени перед поступлением в школу, или же это год усыновления.

³⁸ Nagykanizsai Királyi Ügyészség. Elnöki iratok. 1872–1950. –<http://www.zml.hu/nyilvantartasok/earchivum/segedletek/raktari.jegyzek/vii.12a.nk.kiralyi.ugyeszseg.elnoki.iratok.pdf>

становления молодого Роберта. Дух независимости «свободного города», его многонациональный характер, культурное и языковое разнообразие несомненно наложили отпечаток на дальнейшую судьбу Бартини. Еще в XVIII веке жители Фиуме воспринимали его как независимый город, чему способствовало и определение полуавтономного статуса города в 1779 как «*cognus separatum*»³⁹. Соответствующий документ императрица Мария Терезия подписала под несомненным давлением со стороны жителей и при поддержке венгерской знати, которая была заинтересована в подобном статусе, так как Фиуме был единственным венгерским морским портом и в перспективе мог успешно конкурировать с итальянским Триестом⁴⁰.

В 1870, после короткого периода, когда Фиуме был частью Хорватии, статус независимого города был восстановлен, и он стал управляться непосредственно из Будапешта через губернатора⁴¹. Одновременно город имел выборного мэра, и в 1872–1896 им был Джованни де Циота (Giovanni de Ciota), который много сделал для развития Фиуме. Так, в эти годы было завершено строительство железной дороги Фиуме–Будапешт, шла модернизация порта, появлялись новые предприятия, поддерживался частный бизнес, в частности, успешно развивалось предприятие Роберта Вайтхеда (Whitehead Torpedo Works), которое выпускало торпеды⁴². Были возведены новые публичные здания; в 1885 открыт новый театр, построенный по аналогии с Венским и Будапештским театрами. Между 1880 и 1910 население выросло вдвое, при этом итальянцы и хорваты были наиболее многочисленными сообществами, между которыми существовало определенное напряжение, не раз проявлявшееся, в том числе и на улицах Фиуме. Кроме них, в городе проживали венгры, евреи, немцы, словены, румыны, украинцы⁴³. Подобное многообразие – этническое, языковое и культурное – отразилось на образовании Роберта. Хотя в городе существовало несколько школ, Роберта определили в школу на улице Циотти, которая в 1912 была заново открыта как публичная школа (Civica Scuola Reale Superiore), здесь наряду с итальянским преподавался и венгерский язык. В ней Роберт проучился вплоть до 1915, пропустив только один год – 1913, когда ему пришлось на время

³⁹ Специальный термин, определяющий статус свободной административной единицы. Помимо Фиуме, в нее входили прилегающие территории (21 кв. км) с тремя поселениями. Хотя на протяжении последующих десятилетий между Венгрией и Хорватией сохранялись определенные расхождения в прочтении этого указа, город сохранил свой статус вплоть до его оккупации итальянской армией Д'Аннунцио в 1919.

⁴⁰ На протяжении всего периода Венгрия вкладывала значительные средства в развитие города. Так, в 1844 Иштван Сечени, посетив Фиуме, выделил на модернизацию порта 260 000 крон.

⁴¹ Обычно это были представители венгерской знати, как, например, граф Иштван Викиенбург де Капелло (István gróf Wickenburg de Capelló), который занимал пост губернатора в 1909–1917.

⁴² Роберт Вайтхед (Robert Whitehead) испытал первую торпеду в 1866. Его исследования финансировались и поддерживались мэром Фиуме. Это предприятие имеет особое значение для формирования интересов Бартини, о чем будет сказано ниже.

⁴³ Eberhardt, P. Ethnic Groups and Population Changes in Twentieth-Century Central-Eastern Europe. – M.E. Sharpe, 2003.

переехать в Будапешт. Вернувшись в Фиуме, Роберт успешно закончил школу⁴⁴. Последний школьный год, однако, был омрачен войной.

Вспоминая о своей жизни в Фиуме, Роберт часто вспоминал о дворце, и действительно, семья Орошди могла жить в губернаторском дворце, который был построен по проекту венгерского архитектора Алайоша Хаусмана в 1896. Он был предназначен для венгерского губернатора и других официальных лиц венгерского правительства. Но кроме этого здания, в его памяти, как писал И. Чутко, сохранялись и названия других улиц, зданий и городов, которые причудливо меняли свое местоположение: так вилла Аджолина становилась яхтой, а дом Скарпа оказывался рядом с губернаторским дворцом. Неизвестно, кто именно «расставлял» эти неточности, но, как и в предыдущих случаях, все они постепенно становились реальными местами и событиями, обретая свое значение в жизни Бартини. В частности, рассказывая о «молодом баронете», И. Чутко упоминает о поездке семьи в Венецию, где он встречает Айседору Дункан с ее дочерью Изой... Насколько эта история правдоподобна? Сложно сказать, но стоит принять во внимание, к примеру, что настоящее имя Айседоры – Изадора (Isadora), а ее приемных дочерей звали Isadorables...⁴⁵ Работая над биографией Бартини, И. Чутко не ставил задачу последовательно пересказать все события жизни его героя, но показать процесс становления творческой личности. Поэтому и приводил строки стихов Бартини, подчеркивая, что «ничего из прошлого Бартини не забывал. То, что случилось с ним в первые двадцать пять лет жизни, было связано с его настоящим. И, сравнивая себя в прологе со звеном в длинной цепи своих предков и потомков („Стык грядущего и прошедшего...“), он пишет:

Каждый миг вечен.
Неразрушимо звено
Неразорванной цепи
Вечно свершения.
В нем я живу...

А его цепь переплетена с другими, со множеством других, и это сплетение тоже не прерывается нигде. Оно единое, целое:

Вселенная существует во мне неотделимо.
Как в шаровом зеркале,
весь мир
во мне отображен».⁴⁶

⁴⁴ См.: *Annuario della Civica Scuola Reale Superiore di Fiume*. 1912/13–1918/19, Fiume, Stabilimento Tipo-Litografico E. Mohovich.

⁴⁵ См.: «...Роберто катают по Канале-Гранде, показывают дворцы, везут к собору святого Марка, на площадь, полную голубей, знакомят с Изой, дочерью танцовщицы Айседоры Дункан» (Чутко И.Э. Красные самолеты. – Гл. 3, ч. 2); *Kisselgoff, A. Dance View; The Isadorables: Cherishing the Duncan Legacy // The New York Times*. – 1988, September 11. – <http://www.nytimes.com/1988/09/11/arts/dance-view-the-isadorables-cherishing-the-duncan-legacy.html>

⁴⁶ Цит. по: Чутко И.Э. Красные самолеты. – Гл. 3, ч. 1.

Однако задача нашего исследования заключается в том, чтобы собрать вместе разрозненные сведения, упоминания, намеки и неточности и попытаться восстановить не только реальные факты из жизни Роберта Бартини, но историческую обстановку начала двадцатого столетия. При этом, впрочем, не забывая слова Э. Баумана о том, что «этот мир лишь один из многих возможных и существующих», а также то, что «анализ этого мира, каким бы изощренным он ни был, вряд ли сколько-нибудь приблизит нас к универсальной по охвату истине»⁴⁷.

Начиная с середины XIX века, буквально за несколько десятилетий, Аббация (или Опатия, на хорватском языке), небольшое поселение рядом с Фиуме, стало любимым местом отдыха для австрийской и венгерской знати, и не только⁴⁸. Вне сомнения, что семья Орошди не была исключением, снимая резиденцию недалеко от виллы семьи Скарпа и их сада, полного экзотических растений. Над Аббацией и Фиуме летал самолет Харитона Славороссова⁴⁹, его гастроли над Адриатикой организовывал и спонсировал в 1912 Филипп Орошди, входивший в совет директоров королевского авиаклуба в Будапеште⁵⁰.

«С оловянным веселием смотрим мы на судьбу.

Мы – Открыватели Стран – Завоеватели Воздуха...»⁵¹

30 сентября 1912 газеты сообщили о показателях полетах Славороссова над Фиуме и Аббацией. Вполне вероятно, что Роберт смог познакомиться с пилотом, что стало началом его увлечения авиацией, а чуть позже и делом всей жизни. Хотя это событие могло быть только эпизодом, так как начало XX века было отмечено повсеместным увлечением авиацией. К тому же Фиуме и Будапешт занимали важное место в планах Австро-Венгрии в развитии авиации⁵². Но желание стать летчиком в этот раз не осуществилось: Роберта как подданного Австро-Венгрии рекрутируют в армию, предварительно направив в офицерскую школу в Словакии. В армии уже служит его брат Рауль, старший сын Филиппа

⁴⁷ Bauman, Z. *Sociology and Postmodernity* // *The Sociological Review*. – 1988. – Vol. 36, № 4. – P. 792.

⁴⁸ В разное время Аббацию посещали Антон Чехов, Айседора Дункан, Джеймс Джойс, Густав Малер, Франц Иосиф и многие другие знаменитости.

⁴⁹ В американском ежегоднике авиации он упоминается как Семенко-Славороссофф (Semenko-Slavorossoff, H.). См.: <http://www.gutenberg.org/files/34815/34815.txt>. См. также о нем: Грибанов С. В. Пилоты Его Величества. – М., 2007.

⁵⁰ *Budapesti czim es lakasjegyzek*. – Budapest: Franklin Tarsulat, 1911. – P. 512.

⁵¹ Из стихотворения «Танго с коровами» Василия Каменского, поэта, летчика, ученика и друга Х. Славороссова.

⁵² Согласно отчету за 1913 год, в Австро-Венгрии существовало 17 авиаклубов (из них два – в Будапеште). В 1912 был создан центральный комитет по воздухоплаванию с целью создания национального воздушного флота, тогда же в Пуле (Хорватия) была открыта первая школа морской авиации. Подробнее см.: Jane, Fred T., ed. *Jane's All the World's Aircrafts 1913*. – ACRO Publishing Company, Inc., New York, 1913. – P. 17-25. Одним из важных событий 1912 года стало начало строительства завода по выпуску гидропланов в Фиуме на базе предприятия по производству торпед. Не случайно, что в Советской России Бартини занимался разработкой гидропланов. См. Григорьев А. Б. Альбатросы: Из истории гидроавиации. – М.: Машиностроение, 1989.

Орошди, который вынужден был прервать свое обучение в английском иезуитском Стониерстском колледже (Stonyhurst College) и вернуться в Будапешт. В 1916 Рауль умер в госпитале от ранений, а Роберт в том же году попал в плен и оказался в лагере для военнопленных на Дальнем Востоке. Поскольку он был офицером, то, согласно конвенции о военнопленных, из лагеря Шкотово его переводят в лагерь для офицерского состава «Красная речка».

Сложно сказать, когда именно Роберт становится «итальянцем» и когда «бароном». В лагере он остается под своей фамилией, да и вернувшись в Фиуме, а затем в Италию, он все еще известен как Роберт Орошди. Кажется, что Роберта ничто не связывает с Венгрией, где он в действительности прожил совсем мало. Будучи репатриирован как гражданин Италии, он отправляется в Милан. Документы свидетельствуют о том, что он работает на моторном заводе Изотта-Фраскини, проводит два года в Миланском политехническом институте и, наконец, получает лицензию пилота в школе Джиованни Бонмартини при аэродроме Чинточелле в Риме, куда был зачислен по рекомендации Вацлава Воровского, полномочного представителя Советской республики в Италии. Этому предшествовало знакомство с Борисом Иофаном и его женой Ольгой Сассо и вступление в Итальянскую коммунистическую партию. Сам Бартини пишет об этих событиях следующее: «После прихода Муссолини к власти, во избежание ареста, решением тт. Террачини, Гриеко, Грамши из ЦК Итальянской Компартии и т. Воровского, я был летом 1923 года нелегально отправлен в СССР как авиационный инженер»⁵³. И так, осенью 1923 года Роберт Орошди снова оказывается в России, но теперь как барон Роберт Орос ди Бартини.

Поддерживал ли Роберт Людвигович связи со своими родными, оказавшись в России? Некоторые данные позволяют предположить, что он переписывался с отцом, а после его смерти в 1934 даже получил свою долю наследства, которую передал в Международную организацию помощи борцам революции (МОПР). Однако о жизни Роберта в Советской России в 1920–1930-е, круге его общения, друзьях и коллегах тоже недостаточно сведений. Вполне вероятно, что он общался с итальянцами и теми венграми, с которыми его столкнула судьба, в частности, с Мате Залка, товарищем по лагерю «Красная речка»⁵⁴. И здесь мы сталкиваемся с другими мифами, которые еще предстоит либо разгадать, либо опровергнуть.

⁵³ Из заявления бывшего члена партии Бартини (Орошди) Р.Л. на имя Хрущева Н.С. (копия). – Архив О.Г. Бартини.

⁵⁴ Мате Залка (Máté Zalka), наст. имя – Бела Франкль (Frankl Béla; 1896–1937) – венгерский писатель и революционер, участник гражданских войн в России и Испании.

Александр Иванов

Филантропия с риском для жизни: деятельность Якова Цегельницкого на посту главуполномоченного Всемирного союза ОРТ в СССР, 1920-е – 1930-е гг.

Александр Игоревич ИВАНОВ

*Центр «Петербургская иудаика»
Европейского университета
в СПб.*

В своих воспоминаниях о работе в качестве генерального секретаря Всемирного союза обществ ремесленного и земледельческого труда среди евреев (сокращенно – Союз ОРТ) известный деятель революционного движения и журналист Григорий Аронсон отмечал: «ОРТу удалось собрать <...> совершенно исключительные по высокому интеллектуальному и общественному уровню кадры первоклассных руководителей, которые составили бы гордость всякого другого движения в мире, – и не только еврейского»¹. Далее одним из таких руководителей Аронсон называет Якова Савельевича Цегельницкого (Вильна, 1886 – Унженский ИТЛ, 1942), «который в течение долгих лет самоотверженно представлял Центральное правление (Союза ОРТ. – А.И.) в Советской России»².

Парадоксальным образом, именно эта самоотверженная работа на посту главуполномоченного Союза ОРТ в СССР впоследствии привела к тому, что в ряде

¹ Аронсон Г. Записки секретаря ОРТа / Вступ. ст., публ. и ком. А.И. Иванова // Архив еврейской истории. – Т. 3. – М., 2006. – С. 110.

² Там же.

исследований по истории этой организации, написанных в 1970-е – 1980-е, фигура Цегельницкого оказалась в тени других руководителей ОРТа³. Это можно объяснить, прежде всего, тем, что, под влиянием идеологических установок времен «холодной войны», участие Союза ОРТ в финансировании советского проекта коренного переустройства еврейского общества в СССР в 1920-е – 1930-е оценивалось как стратегическая ошибка ортовского руководства. Поэтому деятельность Я.С. Цегельницкого, активного сторонника сотрудничества с большевиками, не была оценена по достоинству, его биография не была изучена, обстоятельства его ареста и гибели не были установлены.

Отчасти данный пробел был восполнен автором этой статьи в ряде недавних публикаций⁴. Однако, в силу ограниченного объема, в них были использованы далеко не все материалы о Я.С. Цегельницком, выявленные в архивах России, Великобритании, Франции и Израиля. Поэтому данную статью можно считать первой попыткой составления биографии этого выдающегося еврейского социального и общественного деятеля.

* * *

Поскольку жизнь Я.С. Цегельницкого была тесно связана с ОРТом, в котором он на протяжении тридцати лет занимал руководящие должности, представляется продуктивным рассматривать его биографию в контексте сложной и подчас драматичной истории этой организации.

Временный комитет по учреждению ОРТа был организован в Санкт-Петербурге еще в 1880 по инициативе известного промышленника, банкира и железнодорожного магната Самуила Полякова. В 1906 комитет был реорганизован в Общество с утвержденным уставом. Основатели и руководители ОРТа видели миссию своей организации в пропаганде и распространении ремесленного и сельскохозяйственного образования среди евреев России. Овладение новыми, востребованными в стране профессиями должно было стать для российских евреев основой их будущего процветания. Рассматривая филантропическую деятельность как способ постепенного реформирования структуры еврейского общества в России, руководители ОРТа стремились использовать различные профессионально-образовательные программы в качестве политического инструмента для формирования нового, «прогрессивного» в экономическом и социальном планах, поколения российских евреев. К 1910 отделения и комитеты ОРТа были учреждены в Одессе, Херсоне, Кишиневе, Екатеринославе,

³ См. например: *Ryder J.* By the Skill of Their Hands. The Story of ORT. – Geneva, 1970; 2-е изд.: London, 2002; *Shapiro L.* History of ORT. A Jewish Movement for Social Change. – New York, 1980; Munitz A. Irgunei "ORT" be-Brit ha-Moatsot be-shanim 1917–1938 [с иврита: Союз ОРТ в Советском Союзе, 1917–1938]. – Tel-Aviv, 1981.

⁴ О деятельности Я.С. Цегельницкого в СССР см.: *Ivanov A.* ORT in the Soviet State, 1917–1938 // *Educating for Life: New Chapters in ORT History.* – Vol. 2 / R. Bracha, A. Drori-Avraham, G. Yantian, eds. – London, 2010. – Ch. 5. – P. 134–163; Краткая биогр. справка на Я.С. Цегельницкого: *Ivanov A.* Facing East: The World ORT Union and the Jewish Refugee Problem in Europe, 1933–1938 // *East European Jewish Affairs* – Vol. 39, Iss. 3. – London, 2009. – P. 369–388.

Двинске и Белостоке⁵, а к 1913 сеть ремесленных училищ и вечерних курсов охватила двадцать городов и местечек Российской империи⁶.

В июле 1914 года, с началом Первой мировой войны, перед ОРТом встали новые масштабные задачи, требовавшие незамедлительного решения. В первую очередь необходимо было оказать поддержку еврейским беженцам, высланным из прифронтовой зоны, в которую вошла значительная часть территорий черты оседлости. В октябре 1914 для координации работы с беженцами был образован Отдел трудовой помощи ОРТа. Его главная задача состояла в «оказании трудовой помощи ремесленникам, пострадавшим от войны, за счет заимствованной, по постановлению Общего собрания, из капитала С. Полякова суммы около 20 тыс. руб.»⁷.

На должность делопроизводителя Отдела трудовой помощи был принят двадцативосьмилетний агроном Яков Цегельницкий, год назад приступивший к работе в ОРТе. В 1915 он становится уполномоченным отдела и занимается организацией помощи беженцам «на местах», в частности, в городах и местечках Таврической губернии⁸. К 1916, благодаря деятельности Отдела трудовой помощи и, в частности, усилиям Цегельницкого, в стране было организовано 72 бюро труда и корреспондентских пунктов, занимавшихся трудоустройством беженцев; 25 промышленных мастерских; многочисленные ремесленные патронаты. Именно на основе ремесленных патронатов, «задачей которых являлось обучение ремеслу подрастающего поколения»⁹, ОРТ начал развивать и совершенствовать сеть вечерних курсов по дополнительному профессиональному образованию. Незаурядные организаторские способности Цегельницкого были замечены его сослуживцами, благодаря чему к 1916 он становится одним из членов руководства ОРТа¹⁰.

После большевистского переворота 1917 года ОРТ, лишившийся всех источников финансирования, оказался практически на грани финансового краха. Несмотря на это, Общество продолжает свою деятельность. Я.С. Цегельницкий вместе с другим активистом ОРТа Б.Д. Бруцкусом выступает с инициативой организации сельскохозяйственных кооперативов для посадки овощей на окраине Петрограда и даже предлагает организовать еврейские сельскохозяйственные поселения в Петроградской губернии. Хотя идея устройства таких поселений была отвергнута «из-за угрозы погромов в деревне», кооперативы по выращиванию

⁵ Отчет о деятельности Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России за 1910 г. – СПб., 1911. – С. 47 (далее: Отчет о деятельности ОРТа, с указанием года).

⁶ Отчет о деятельности ОРТа за 1913 г. – СПб., 1914. – С. 9-12.

⁷ Отчет о деятельности ОРТа за 1914 г. – СПб., 1915. – С. 35.

⁸ См., напр.: Цегельницкий Я.С. Трудовая помощь на местах. Симферополь // Вестник трудовой помощи среди евреев. – 1915. – № 1, декабрь. – С. 12-14.

⁹ Инструкция по организации ремесленных патронатов // Вестник трудовой помощи среди евреев. – 1916. – № 3-4, февраль-март. – С. 73.

¹⁰ Shapiro L. History of ORT. – С. 75. О деятельности ОРТа во время Первой мировой войны см. также: Отчет «ОРТ в годы войны». – Archives de l'ORT-France, Archives sur Union mondiale ORT (UMO). В. 1, l. 1-39.

овощей были созданы на двух десятинах земли, которые удалось получить на окраине города, благодаря чему были спасены от голода многие люди¹¹.

Весной 1918 года Центральный комитет (ЦК) ОРТа вместе с правительством и многими советскими учреждениями и организациями переезжает в Москву. В следующем году Я.С. Цегельницкого избирают генеральным секретарем ОРТа, а к 1920 он становится членом Президиума и исполнительного бюро ЦК ОРТ¹². В марте того же года Цегельницкий направляет в Народный комиссариат земледелия РСФСР (Наркомзем) прошение и смету проекта по созданию новых еврейских сельскохозяйственных артелей и кооперативов¹³. Данная инициатива ОРТа была незамедлительно поддержана советским руководством, в частности, в циркулярном письме Наркомзема за подписью Народного комиссара земледелия В.В. Кураева от 28 июля 1920 было указано: «Принимая во внимание, что <...> мероприятия Общества (по привлечению широких трудовых масс евреев к земледелию) имеют общегосударственное значение и проводятся по законам Российской республики, Народный комиссариат земледелия предлагает всем земельным органам (губернским, уездным и волостным) оказывать всяческое содействие Обществу в практическом осуществлении его задач»¹⁴.

Забегая вперед, отмечу, что в дальнейшем предложения ОРТа по земельному устройству евреев легли в основу масштабного проекта еврейской земельной колонизации и создания еврейских автономий в СССР, но в 1920 «практические задачи» Общества по привлечению евреев к сельскохозяйственному труду по целому ряду причин едва ли могли быть осуществлены. В это время начинается тотальная советизация ОРТа, то есть все руководящие должности в его ЦК, согласно предписания Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (Наркомнаца), занимают члены еврейской секции ВКП(б)¹⁵; составляется и утверждается новый устав Общества, учредителями которого выступают такие видные еврейские коммунисты, как С.М. Диманштейн, Ю.В. Гольде, И.М. Рашкес и А.И. Чемериский¹⁶.

Следует иметь в виду, что сохранение ОРТа в первые десятилетия советской власти объяснялось стремлением большевиков использовать эту организацию,

¹¹ Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939. Национальная жизнь и советизация. – М.; Иерусалим, 1999. – С. 246. В данной работе Я.С. Цегельницкий ошибочно именуется Цигельницким.

¹² Постановление ЦК ОРТ о созыве 20 октября в Москве совещания представителей местных комитетов. 1920 г. – Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1404. Оп. 1. Д. 75. Л. 1-2.

¹³ Прошение ЦК ОРТ в Наркомзем об оказании содействия Обществу со стороны местных земельных органов в деле распространения земледельческого труда среди еврейского населения. 1920 г. – ЦИАМ. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 73. Л. 1-4.

¹⁴ Циркулярное письмо Наркомзема от 28 июля 1920. – World ORT. Archives (WORTA), London. RG 47/36.

¹⁵ См., напр.: Предписание Наркомнаца о роспуске старого состава ЦК ОРТ и назначении Временного ЦК для реорганизации общества. 1920 г. – ЦИАМ. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

¹⁶ Устав Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в РСФСР. – ЦИАМ. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 77. Л. 17-21.

одну из самых авторитетных, популярных и многочисленных в России, как проводник своего влияния на российских евреев. Большевики полагали, что хотя ОРТ – организация буржуазная, но поскольку она ставит своей целью обучение евреев рабочим и сельскохозяйственным профессиям и к тому же выделяет на это средства, ее следует советизировать и сохранить. Впрочем, советизация привела к тому, что большинство членов бывшего ЦК ОРТ из-за несогласия с политикой большевиков покинуло Советскую Россию. Отъезд таких высококвалифицированных специалистов в области профессионального образования в итоге привел к временному сворачиванию ряда мероприятий Всероссийского ОРТа по привлечению евреев к производительному труду.

* * *

31 июля – 1 августа 1921 эмигрировавшие из Советской России бывшие активисты ОРТа на Учредительной конференции в Берлине провозглашают создание Всемирного союза ОРТ, объединившего региональные комитеты этой организации, продолжавшие работать на бывших окраинах Российской империи: в Польше, Литве, Латвии, Финляндии, Бессарабии, оказавшихся вне границ Советского государства. Также в Союз ОРТ входят комитеты и отделения, недавно организованные в Германии, Великобритании, Франции и США.

Я.С. Цегельницкий участвует в Учредительной конференции в качестве «генерального секретаря ЦК Всероссийского ОРТа»¹⁷. Полностью советизированный к этому времени Всероссийский ОРТ хотя и послал на конференцию своего представителя, однако по политическим причинам так никогда и не стал полноправным членом Всемирного союза¹⁸. Тем не менее, как отмечал в своих воспоминаниях один из учредителей Союза ОРТ Д.В. Львович¹⁹, «в 1921–1922 гг. наша работа помощи должна была принять усиленные размеры в отношении Украины и России, под влиянием вестей о голоде, поразившем города и деревни»²⁰.

На конференции Я.С. Цегельницкого избирают членом Центрального правления (ЦП) Союза ОРТ и вместе с вице-председателем союза Л.М. Брамсоном²¹

¹⁷ Excerpts from the "ORT Union report, for the period from 1 January 1920 to 1 January 1923" (Berlin, 1923) // 80 Years of ORT. Historical Materials, Documents and Reports. – Geneva, 1960. – P. 136.

¹⁸ Аронсон Г. Записки секретаря ОРТа. – С. 106.

¹⁹ Львович Давид Владимирович (1882, Луганск – 1950, Клермон-Ферран) – общественный деятель, публицист. Окончил юридический и экономический факультеты Петербургского университета, изучал инженерное дело в Мюнхене. С 1908 жил в США. После возвращения в Россию, в январе 1918 был избран депутатом Учредительного собрания от Харьковской губернии. В это же время занимался развитием сельскохозяйственной и кооперативной программ ОРТа. В 1920 стал членом Заграничной делегации ОРТа и покинул Советскую Россию. В 1921 – один из учредителей Союза ОРТ. Вместе с Л.М. Брамсоном активно участвовал в организации и проведении кампаний по сбору средств для нуждающихся евреев России. После смерти Л.М. Брамсона вместе с А.З. Сингаловским руководил работой Всемирного союза ОРТ.

²⁰ Львович Д. Л.М. Брамсон и Союз ОРТ // Еврейский мир. Сборник 1944 года. – М., Иерусалим, 2001. – С. 33.

²¹ Брамсон Леонтий (Леон) Моисеевич (1869, Ковно – 1941, Марсель) – политический и общественный деятель, юрист, историк, публицист, депутат Государственной Думы I созыва. С 1909 – один из руководителей ОРТа в России, в 1911 стал исполнительным директором этой организации. После

и его заместителем Д.В. Львовичем включают в состав Исполнительного комитета, или, как значится в документах, – «Экзекутивы Союза ОРТ»²². Поэтому Цегельницкий принимает решение остаться в Берлине, но в то же время сохраняя советское гражданство.

Среди многочисленных обязанностей Я.С. Цегельницкого в этот период прежде всего необходимо отметить: руководство подготовкой агрономов-инструкторов для работы в еврейских сельскохозяйственных колониях Польши, Литвы и Бессарабии; осуществление надзора за отделом Союза ОРТ по профессиональному образованию и трудовой помощи евреям Литовской республики; организацию отдела статистики при ЦП Союза ОРТ в сотрудничестве с известным экономистом Яковом Лещинским и подготовку 2-го конгресса Союза ОРТ в Данциге²³. Также Цегельницкий принимает активное участие в работе так называемой «русской комиссии», рассматривавшей вопрос о помощи евреям Советской России. Г. Аронсон, описывая в своих воспоминаниях заседания этой комиссии, отмечал, что «все, что касалось России, всегда вызывало споры и раздоры»²⁴. Я.С. Цегельницкий, по словам Аронсона, всегда выступал за сотрудничество с большевиками, прекрасно понимая необходимость оказания экстренной помощи еврейскому населению Советской России²⁵. К началу 1920-х Гражданская война и политика военного коммунизма полностью разрушили традиционную экономику бывших еврейских местечек черты оседлости, основанную на мелкой торговле и кустарном ремесленном производстве. Поэтому еврейское население местечек, оказавшееся на грани гуманитарной катастрофы, срочно нуждалось в значительной финансовой и материальной помощи.

В 1922, согласно Рапальскому соглашению, были возобновлены дипломатические отношения между Германией и Советской Россией. Данное обстоятельство, несомненно, способствовало тому, что Союз ОРТ мог теперь взаимодействовать с различными советскими учреждениями и организациями напрямую, а не через посредников в лице международных благотворительных организаций, пользовавшихся доверием советской власти, таких, как, например, Нансеновская организация общеевропейской помощи голодающим в России²⁶.

Февральской революции принял участие в разработке закона о равноправии евреев, который был принят в марте 1917 г. После Октябрьского переворота находился в оппозиции к большевистскому режиму, за что был отдан под суд и приговорен к «общественному порицанию». В 1920 в составе Заграничной делегации ОРТа, созданной с целью сбора средств для оказания финансовой помощи еврейскому населению, пострадавшему во время Гражданской войны, покинул Россию. В 1921 в Берлине стал одним из учредителей Всемирного союза ОРТ; с 1923 по 1941 был председателем этой организации.

²² Excerpts from the "ORT Union report, for the period from 1 January 1920 to 1 January 1923". – P. 136-137.

²³ Minutes of meetings of the ORT Union Executive Committee (Berlin, 1921). – Central Archive of the History of the Jewish People (CAHJP, Jerusalem). CAJ/0001a/ 7-8.

²⁴ Аронсон Г. Записки секретаря ОРТа. – С. 103.

²⁵ Там же.

²⁶ Через эту организацию в 1921–1922 Союзом ОРТ было отправлено свыше ста вагонов с семенами и земледельческими машинами и оборудованием для помощи голодающим еврейским колониям Украины.

* * *

В начале 1923 Я.С. Цегельницкий, уже в новой должности главуполномоченного Союза ОРТ, отбывает в Москву и в конце года открывает официальное представительство берлинской организации в Москве. С 1924 конструктивная работа в области еврейского земельного устройства и профессионально-технического образования в СССР осуществляется Союзом ОРТ на основании договора с ЦК ОРТ СССР, заключенного на год, а затем – долгосрочного договора с КОМЗЕТОМ (Комитетом по земельному устройству трудящихся евреев), заключенного в октябре 1925²⁷. Этот договор получил название «сельскохозяйственного», поскольку в основном был связан с регламентацией работы Союза ОРТ «по обслуживанию новых еврейских земледельческих поселений в СССР»²⁸. Дальнейшее расширение деятельности Союза ОРТ потребовало заключения новых соглашений о сотрудничестве с советскими правительственными учреждениями. В 1927 было подписано «лицензионное соглашение» с Народным комиссариатом внутренней и внешней торговли (Наркомторгом) о беспошлинном ввозе машин и инвентаря в СССР, а в 1928 был заключен новый договор с КОМЗЕТОМ сроком на десять лет, согласно которому Союзу ОРТ предоставлялось право на ввоз из-за границы «орудий труда, инструментария и материалов <...> для организации ремесленных производств»²⁹.

Южная Украина и, в первую очередь, Одесский район, стали наиболее важным участком работы Союза ОРТ. В 1924 в Одессе было открыто его представительство, которое «обслуживало 22 еврейских сельскохозяйственных поселка с 1268 хозяйствами, расположенными на территории Одесского района»³⁰. Как с восторгом писал корреспондент журнала «Огонек», посетивший в 1924 новые земледельческие колонии, находившиеся в ведении Одесского представительства Союза ОРТ: «Еврейские земледельцы обрабатывают 30295 десятин земли в Одесской губернии – это уже солидная цифра, это уже ядро еврейского труда на земле! <...> Переселенцы получают материальную поддержку от ОРТ – еврейского общества распространения труда»³¹. Благодаря финансовой поддержке Союза ОРТ во второй половине 1920-х еврейское земледелие в Одесской губернии развивалось довольно успешно. Только на сельскохозяйственные работы

²⁷ См.: Проект договора ОРТ СССР с ЦП Союза ОРТ, январь 1923 г. – САНЛР. WOU/102, I. 1; Договор КОМЗЕТА при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР с Обществом ОРТ в Берлине. 9 октября 1925. – Российский государственный архив экономики (РГАЭ, Москва). Ф. Р-7541. Оп. 1. Д. 37. Л. 2-4.

²⁸ Там же. Л. 2.

²⁹ Договор ЦП Союза ОРТ с КОМЗЕТОМ от 24 мая 1928. – Архив Центра «Петербургская иудаика» (АЦПИ). Ф. ОРТ. № 24. Л. 2.

³⁰ Обзор деятельности ЦП ОРТ-Союза в Одесском районе (1923–1925 гг.). – РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³¹ Маллори Д. От прилавка – к плугу // Огонек. – 1924. – № 47(86). – С. 10. В данной статье автор расшифровывает аббревиатуру «ОРТ» исходя из конкретной ситуации: поскольку речь идет о земледелии, то упоминание о ремесленном труде в данном контексте выглядело бы непонятно.

ежегодно выделялось до 100 тыс. руб.³². Значительные средства были вложены и в инфраструктуру новых еврейских сельскохозяйственных поселков – почти 94 тыс. руб., из них более 24 тыс. руб. на строительство домов для переселенцев и школ для их детей³³. Если в первые годы колонизации переселенцы ютились в палатках, шалашах и наскоро вырытых землянках, то к концу 1920-х многие имели собственные дома, также были построены хаты-читальни, клубы, больницы. Осенью 1927 года Я.С. Цегельницкий в беседе с корреспондентом журнала «Трибуна», главного печатного органа ОЗЕта (Всероссийского общества земельного устройства трудящихся евреев), отметил, что «только за текущее лето в Одесском районе было построено 422 дома, что можно считать рекордной цифрой, поскольку за три предыдущих года работы было построено 303 дома. В селении Сталино, где не было ни одного дома, строятся 57 домов, в колонии Котовск, где было 40 домов, строятся еще 40 новых»³⁴.

К концу 1920-х еврейская земледельческая колонизация в СССР приобрела черты грандиозного проекта, превосходящего по своим масштабам все подобные начинания от Аргентины до Эрец-Исраэль. Данный проект получил в лице Союза ОРТ последовательного и активного сторонника. Отчасти это объясняется политическими амбициями руководителей Союза ОРТ, позиционировавших себя в качестве равноправных политических партнеров советского правительства, заинтересованных в успехе строительства еврейских автономий в Южной Украине, Крыму³⁵, а позже – в Биробиджане. Но главное, цели еврейского земельного устройства в СССР совпадали с представлениями Я.С. Цегельницкого, как и других руководителей Союза ОРТ, о необходимости экономического и социального преобразования еврейского сообщества бывшей Российской империи. Данное обстоятельство способствовало укреплению связей между Всероссийским ОРТом и Союзом ОРТ: так например, в феврале 1928 на общем собрании учредителей Всероссийского ОРТа Я.С. Цегельницкий был избран в состав Правления этой организации³⁶.

Однако в 1930 Всероссийский ОРТ был фактически ликвидирован правительством СССР путем слияния с ОЗЕтом. Член КОМЗЕта А. Страшун в своей статье по этому поводу писал: «Работа по индустриализации приняла такой размах, что эта работа уже переросла организационные возможности ОРТа. Для работы такого масштаба необходима широкая массовая организация. Существование

³² См., напр.: Сводный отчет ОРТ-Союза по договору с КОМЗЕтом на земледелие за 1926/27 операционный год в Одесском районе и Белоруссии. – АЦПИ. Ф. ОРТ. № 21.

³³ Отчет о деятельности ОРТ-Фербанд [Союза ОРТ] в Одесском районе за три года (1926–1929 гг.). – РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 31. Л. 12.

³⁴ В ОРТе // Трибуна. – 1927. – № 8. – С. 22.

³⁵ Всего в конце 1920-х – 1930-е в СССР было организовано пять Еврейских административных национальных районов: Новозлатопольский, Калининдорфский и Сталиндорфский в Южной Украине, Фрайдорфский и Лариндорфский в Крыму.

³⁶ Общее собрание учредителей ОРТа // Трибуна. – 1928. – № 4. – С. 26.

двух массовых организаций нецелесообразно, да и не возможно. Поэтому естественно возникла мысль о слиянии ОРТа с ОЗЕТОм»³⁷.

Такое слияние отвечало изначальному стремлению КОМЗЕТа установить абсолютный контроль над финансовыми и материальными ресурсами, выделявшимися Союзом ОРТ на нужды еврейского населения СССР, чтобы направить их на выполнение грандиозного плана сталинской индустриализации страны. Известно, что дебаты о том, как следует использовать финансовые пожертвования, которые Союз ОРТ собирал по всему миру, возникали постоянно. Если советское руководство рассматривало еврейскую земледельческую колонизацию как своего рода инструмент массовой советизации еврейского населения, превращение его, по словам М.И. Калинина, в «обновленную национальность в составе семьи советских народов»³⁸, то руководители Союза ОРТ стремились в первую очередь обеспечить адресной помощью самые неимущие и презируемые в СССР слои еврейского населения – лишенцев³⁹, религиозных евреев. Превращение российского еврейства в сообщество «трудящихся индивидов», способных прокормить себя и свои семьи при любом политическом режиме, представлялось руководством Союза ОРТ наиболее важной задачей. Поэтому корни конфликтов между Союзом ОРТ и КОМЗЕТОм из-за распределения получаемых зарубежных финансовых средств во многом были связаны с разногласиями в области идеологии еврейского национального строительства в СССР. В качестве примера можно привести обвинение, выдвинутое в 1929 КОМЗЕТОм, в том, что Союз ОРТ «проводил свою работу не на средства, ввезенные из-за границы, а на прибыли, незаконно извлекавшиеся в СССР»⁴⁰, то есть на средства ссуд и кредитов, возвращенных еврейскими земледельцами и ремесленниками на счета Союза ОРТ. Целью подобного демарша было стремление получить хотя бы на время возможность арестовать эти счета и использовать отложенные на них суммы для покрытия дефицита в бюджете переселенческого проекта. После проверки финансовых документов, предоставленных Я.С. Цегельницким в различные инстанции советской администрации, все обвинения были сняты.

Слияние, а по сути поглощение ОЗЕТОм Всероссийского ОРТа, через разветвленную структуру местных комитетов которого Союз ОРТ распределял свою «конструктивную» помощь еврейским ремесленникам и земледельцам, привело к тому, что руководители берлинской организации начали всерьез обсуждать вопрос о сворачивании деятельности в Советском Союзе. Но поскольку

³⁷ Страшун А. Слияние ОЗЕТа и ОРТа // Трибуна. – 1930. – № 33. – С. 1-2.

³⁸ Калинин М. Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым. Письмо комсомольца Овчинникова // Против антисемитизма: Литературно-публицистический сборник. – Л., 1929. – С. 186.

³⁹ «Лишенцы» – лица (в том числе частные торговцы, торговые и коммерческие посредники, служители религиозного культа), по большевистской конституции 1918 г. ограниченные в гражданских правах. Около 40 процентов еврейского населения Советской России было причислено к данной категории.

⁴⁰ См. переписку между ЦП Союза ОРТ и КОМЗЕТа за 1929 г. – WORTA, RG 1/4/4/3.

после окончания НЭПа еврейское население бывшей черты оседлости находилось в бедственном положении, руководители Союза ОРТ, осознавая ответственность перед российским еврейством, приняли решение продолжать деятельность организации на территории СССР через представительства Союза ОРТ, работавшие в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе и Минске. Более того, Союз ОРТ принял участие в финансировании еврейской колонизации Биробиджана, в то время как другие зарубежные еврейские филантропические организации, работавшие в СССР, такие как Американский комитет по распределению фондов помощи евреям, пострадавшим от войны («Джойнт») и Еврейское колонизационное общество (ЕКО), данный проект не поддержали.

Известный историк Леон Шапиرو в своей монографии «История ОРТа: Еврейское движение за социальные перемены» высказал предположение, что Цегельницкий, сохранивший в эмиграции советское гражданство, «не имел права выбора» и во всем вынужден был подчиняться указаниям советской администрации⁴¹, которая всячески пропагандировала создание «еврейской автономной единицы в Биробиджане»⁴². Однако не один Цегельницкий определял политику Союза ОРТ, превратившегося к 1930-м в крупное межгосударственное, трансконтинентальное объединение финансовых фондов и общественных филантропических организаций, работавших по всему миру. Представляется, что для участия в биробиджанском проекте у Союза ОРТ имелись более веские причины.

* * *

Усиление в начале 1930-х экономического кризиса и рост антисемитских настроений в странах Восточной Европы, из-за которых еврейское население страдало от безработицы, заставили руководство Союза ОРТ обратить серьезное внимание на биробиджанский проект. После 1933, когда власть в Германии захватили нацисты и начались преследования евреев, ЦП Союза ОРТ было переведено из Берлина в Париж. Учитывая сложившуюся обстановку, руководители Союза ОРТ стали рассматривать Биробиджан как возможную территорию для организации массовой эмиграции евреев из стран Восточной Европы и Германии.

7 мая 1934 Президиум ЦИК СССР постановил «преобразовать Биробиджанский еврейский национальный район в Еврейскую автономную область в составе Дальневосточного края»⁴³. Еще в конце февраля ЦП Союза ОРТ утвердило план работы в СССР на 1934 год, представленный Я.С. Цегельницким, причем финансирование колонизации Биробиджана занимало в нем ведущее место⁴⁴. С 1931 по 1937 при поддержке Союза ОРТ в Еврейской автономной области

⁴¹ Shapiro L. History of ORT. – P. 157.

⁴² Диманштейн С. Еврейская автономия в Биробиджане // Трибуна. – 1931. – № 32-33. – С. 4.

⁴³ Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 7 мая 1934. См., напр.: <http://istmat.info/node/40826>

⁴⁴ План работы ОРТ-Союза в СССР на 1934 г., зарегистрирован в КОМЗЕте 5 марта 1934 г. – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, Москва). Ф. Р-7541. Оп. 1. Д. 605. Л. 10-13.

(ЕАО) были построены крупные по масштабам того времени заводы и фабрики, например, кедро-маслобойный, лесохимический и кирпичный заводы, лесопилка «Деталь», галантерейная фабрика⁴⁵. Особого упоминания заслуживает мебельная фабрика им. Димитрова: изготовленные на ней венские стулья большими партиями импортировали в Китай⁴⁶. Другим образцово-показательным промышленным объектом, профинансированным Союзом ОРТ, стал мраморный завод в Биракане. Продукция завода оказалась настолько высококачественной, что бираканским мрамором облицевали даже несколько вестибюлей станций Московского метрополитена⁴⁷. Много внимания уделялось и развитию кустарных промыслов в колхозах Биробиджана. В целом, благодаря деятельности ОРТа в 1934–1936, более 1500 еврейских переселенцев и членов их семей получили работу на предприятиях и стройках ЕАО⁴⁸.

В течение 1934 года шли интенсивные консультации с советскими руководителями по проекту Союза ОРТ о переселении евреев из Европы, и в первую очередь из Германии, в Биробиджан. Для финансового обеспечения такого проекта Я.С. Цегельницкий предложил организовать специальный заем, идея которого была поддержана ЦП Союза ОРТ. Агитацию за биробиджанский заем в Англии вел, например, известный деятель Британского ОРТа лорд Дадли Марлей, лично посетивший Биробиджан еще в 1933⁴⁹. Он сообщал о ходе займа в письме к Д.В. Львовичу: «Мы правильно обратились к маленькому человеку, который рад участвовать в хорошем деле и в то же время получить неплохие проценты»⁵⁰. Чтобы ускорить события, лорд Марлей также воспользовался своим положением парламентария и в декабре 1934 нанес официальный визит полномочному представителю СССР в Великобритании И.М. Майскому, вручив ему меморандум с описанием плана переселения еврейских беженцев из Германии в ЕАО⁵¹.

Необходимые средства для финансирования переселенческого проекта были собраны только к середине 1935 года. Окончательный вариант проекта был утвержден в КОМЗЕТе лишь в ноябре 1935. Согласно этому документу, в 1936 планировалось переселить в Биробиджан 200–300 семейств зарубежных евреев (в дальнейшем эту цифру предполагалось увеличить до 1000 человек в год) «из числа лиц, окончивших ОРТовские курсы и профшколы в различных

⁴⁵ Краткий обзор работы ОРТ-Союза по производственным предприятиям в ЕвАО за 1-е полугодие 1936 г. – WORTA, RG 1/4/3/2/2, л. 3-5.

⁴⁶ См.: Трибуна. – 1931. – № 32-33. – С. 20.

⁴⁷ Мрамор ЕвАО для метро столицы // Трибуна. – 1935. – № 13. – С. 18-19; см. также: Переписка между Союзом ОРТ и КОМЗЕТом о строительстве мраморного завода в ЕвАО, сведения о запасах мрамора. 14 апреля – 19 октября 1937. – ГАРФ. Ф. Р-7541. Оп. 1. Д. 968.

⁴⁸ ORT-Union: Extent of its Constructive Work in Europe. ORT-Union Central Board. Paris, January 1937. – WORTA, RG 1/4/13/12, л. 5.

⁴⁹ См. об этой поездке: *Lord Marley. Birobidzhan as I Saw It.* – New York, 1934.

⁵⁰ Письмо от 19 июня 1934, Лондон. – WORTA, RG 1/4/7/5.

⁵¹ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М., 2001. – С. 119.

странах – Польше, Литве, Латвии, Германии и т.д.»⁵². Причем Союз ОПТ брал на себя обязательство «своевременно перечислять на счет КОМЗЕта по 200 американских долларов за каждую переселяемую семью или одиночку <...>, оказывать содействие в оформлении документов для выезда из соответствующих стран и въезда в СССР» и обеспечивать каждого переселяемого специалиста «инструментарием, а в случае необходимости выделять для данной цели специальные средства»⁵³.

В письме зам. председателя КОМЗЕта Б.Я. Троцкого (Троицкого), полностью одобвившего этот проект, в то же время было отмечено, что «широкое оповещение до момента официального начала работы по означенному переселению нежелательно»⁵⁴. Вопрос был довольно щекотливый: советские руководители опасались спровоцировать массовую иммиграцию евреев в СССР. Тем временем идея переселения в ЕАО становилась все более и более популярной среди евреев Восточной Европы и Германии. В 1934–1937 около полутора тысяч евреев из-за границы приехали в Биробиджан. Поскольку переселение в СССР было связано с получением советского гражданства, а процесс этот был долгим и хлопотным, многие приезжали в Биробиджан по туристским визам, а потом пытались там остаться. Как сказал Д.В. Львович в одном из своих интервью: «В Советской России нет так называемого еврейского вопроса, и евреи во всех отношениях чувствуют себя полноправными гражданами. Поэтому нет ничего удивительного, что можно встретить множество евреев в сопредельных с Россией государствах, которые страстно желают эмигрировать в Россию»⁵⁵.

Только в течение 1936 года в парижскую штаб-квартиру Союза ОПТ пришло 320 писем – главным образом, от бывших подданных Российской империи, хорошо знавших русский язык. Все они изъявляли желание переселиться в Биробиджан. Причем некоторые из этих посланий были написаны буквально через пару месяцев после письма Б.Я. Троцкого⁵⁶.

В 1936 в московском представительстве Союза ОПТ были подготовлены эмиграционные документы для 269 переселенцев. В основном это были инженеры, строители, агрономы, слесари, плотники, окончившие ортовские проф-

⁵² Письмо Я.С. Цегельницкого в КОМЗЕТ о плане переселения евреев из Германии и стран Восточной Европы в ЕваО от 9 ноября 1935. – WORTA, RG 1/4/12/10.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Письмо от 9 ноября 1935. – WORTA, RG 1/4/12/11.

⁵⁵ Обзор еврейской иностранной прессы, подготовленный КОМЗЕтом. 1935–1937 гг. – ГАРФ. Ф. Р-7541. Оп. 1. Д. 879. Л. 6.

⁵⁶ Письма евреев, желающих переселиться в Биробиджан. 1936 г. – WORTA, RG 1/4/8/7. Некоторые из этих писем были опубликованы в моей статье: *Иванов А.* «Мы обязаны спасти их, и у нас есть для этого воля и средства...». Деятельность Всемирного союза ОПТ в СССР с 1921 по 1938 г.: события, люди, документы // Надежды и разочарования. Создание еврейских автономий в Советском Союзе. Яркие страницы ОПта, 1920 – 30-е годы. – СПб.; Лондон, 2006. – С. 148–152.

школы и техникумы, то есть квалифицированные специалисты, в которых так нуждалась ЕАО⁵⁷.

Следует отметить, что переселение в ЕАО находилось в ведении НКВД⁵⁸. Именно эта организация отвечала за постоянный приток квалифицированной рабочей силы из-за границы на биробиджанские стройки. Особый отдел НКВД занимался выдачей виз будущим переселенцам: естественно, особое внимание при этом уделялось проверке их благонадежности. Этот процесс порой затягивался на несколько месяцев, а то и лет, в течение которых потенциальные переселенцы пребывали в полном неведении относительно своей дальнейшей судьбы.

На примере личных дел переселенцев, сохранившихся в Архиве Всемирного ОРТа в Лондоне, можно проследить, как неэффективно функционировала советская бюрократическая машина. Ее подразделения не только не отличались слаженностью работы, но подчас вообще не были оповещены о своих непосредственных задачах. Можно только восхищаться теми невероятными усилиями, которые прилагал Я.С. Цегельницкий для реализации переселенческого проекта. Несмотря на оперативность его действий по оказанию помощи еврейским переселенцам, далеко не всегда удавалось достичь желаемого результата. Подобное «равнодушие» советских чиновников отчасти было вызвано состоянием оцепенения, в котором пребывали многие ответственные работники накануне 1937 года. Волна сталинских репрессий, затронувшая все руководство ЕАО и тысячи простых переселенцев, привела к тому, что задуманный Я.С. Цегельницким масштабный проект переселения евреев из Германии и стран Восточной Европы в Биробиджан так и не был реализован в полном масштабе.

* * *

В мае 1938 года истек срок десятилетнего договора о сотрудничестве между ЦП Союза ОРТ и КОМЗЕТОм. Еще 8 января из парижской штаб-квартиры ОРТа в Совнарком был направлен меморандум, в котором предлагалось рассмотреть вопрос о продлении договора до 31 декабря 1940. Только через 10 месяцев, 24 ноября, председатель КОМЗЕТА С.Е. Чюцкаев удостоил руководителей ОРТа официальным ответом. В нем в характерной для советских функционеров хамской манере сообщалось, что договор продлен не будет, потому что Советский Союз более не нуждается в помощи из-за границы⁵⁹. Впрочем, и до получения этого письма было ясно, что работу в СССР следует сворачивать – и чем скорее, тем лучше: в 1937–1938 жертвами сталинских чисток стали многие бывшие члены Евсекции, включая арестованного в феврале 1937 секретаря КОМЗЕТА

⁵⁷ Список заграничных переселенцев в ЕвАО. 1936 г. – РГАЭ. Ф. 5244. Оп. 1. Д. 838. Л. 256.

⁵⁸ См., например: *Диманштейн С.* Поднять переселение в ЕвАО на высшую ступень. К договору КОМЗЕТА с Переселенческим управлением НКВД // *Трибуна.* – 1937. – № 12. – С. 3-4.

⁵⁹ *Shapiro L.* The History of ORT. – P. 159.

А.Н. Мережина, подписавшего в 1928 от лица этой организации договор с ЦП Союза ОРТ⁶⁰.

Я.С. Цегельницкий в спешном порядке начал готовить предложения по передаче работы и имущества ОРТа советским общественным организациям, а также ликвидационный баланс. Уже 29 марта 1938 в письме, адресованном ЦП Союза ОРТ в Париже, он просит предоставить ему полномочия для заключения необходимых соглашений с потенциальными правопреемниками ОРТа, среди которых был указан ОЗЕТ и «система кооперации в лице промысловых союзов»⁶¹. По поводу ликвидационного баланса Я.С. Цегельницкий сообщает, что Союз ОРТ по условиям договора 1928 года должен получить компенсационные выплаты на «сумму примерно в 1 млн. 700 тыс. руб., которая <...> по договоренности с КОМЗЕТОм обеспечена соответствующей суммой наличных средств до выявления окончательного размера суммы, причитающейся ЦП (Центральному правлению Союза ОРТ. – А.И.)»⁶². Но непосредственно приступить к сворачиванию деятельности Союза ОРТ Я.С. Цегельницкий не успел: в начале апреля 1938 он был арестован агентами НКВД по обвинению в шпионаже. Известие об этом повергло руководителей Союза ОРТ в шок. В Совнарком было немедленно направлено письмо, подписанное членами ЦП, в котором говорилось следующее: «Я.С. Цегельницкий принадлежит к ветеранам ОРТа (свою работу в ОРТе он начал в 1913 г.). ЦП, которое знает его в течение многих лет и находилось в постоянном тесном контакте с ним, может с абсолютной уверенностью сказать, что он никогда не занимался политической деятельностью, а отдавался исключительно работе ОРТа. Он всегда действовал в соответствии с законами и постановлениями Советского Правительства. За границей Цегельницкий всегда, по мере своих возможностей, охранял интересы деклассированных (и трудящихся) евреев СССР, которым Советское правительство тоже уделяло много внимания. В виду вышеизложенного мы просим пересмотреть дело Цегельницкого <...>. Все имеющиеся у нас данные не оставляют сомнения в том, что он всегда был безгранично предан своей задаче, как Уполномоченный Союза ОРТ, и действовал совершенно лояльно по отношению к своей стране»⁶³. Как и следовало ожидать, это письмо было оставлено без ответа.

Лорд Дадли Марлей находился в это время в Москве и попытался связаться с Цегельницким или, по крайней мере, прояснить его судьбу. В своем письме Л.М. Брамсону он сообщает: «Мне было сложно получить какие-то новые известия от Цегельницкого, но я надеюсь, что ему еще будет представлена “возможность оправдаться”, как только переговоры с ОРТОм будут завершены»⁶⁴.

⁶⁰ В мае 1938 Политбюро ВКП(б) приняло решение о закрытии КОМЗЕТА, а через девять дней был ликвидирован и ОЗЕТ. Руководство обеих организаций было репрессировано.

⁶¹ WORTA, RG 1/4/8/3.

⁶² Там же.

⁶³ Копия письма ЦП Союза ОРТ в Совет Народных Комиссаров СССР [1938]. – WORTA, RG 1/4/8/4.

⁶⁴ Письмо от 16 сентября 1938. – WORTA, RG 1/4/3/2.

Понятно, что надежды автора этого письма, написанного в самый разгар «ежовщины», не оправдались. 29 сентября 1939 Я.С. Цегельницкий был осужден по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР и приговорен к заключению в исправительно-трудовых лагерях НКВД. Он умер в Унжлаге⁶⁵ в феврале 1942 года⁶⁶.

К концу 1938 Союз ОРТ прекратил свою деятельность на всей территории СССР. Никаких компенсационных выплат ОРТу со стороны Советского правительства произведено не было.

* * *

Сегодня некоторые исследователи сожалеют, что с начала XX века «профессионализация филантропической деятельности, приведшая к возникновению институций, занимающихся сбором благотворительных пожертвований, безнадежно отдалила самих благотворителей от объектов их благотворительности»⁶⁷. Работа Я.С. Цегельницкого, профессионала в области филантропической деятельности, «исключительно высокого интеллектуального и общественного уровня», показывает обоснованность подобных сожалений. Разработанные им и во многом воплощенные в жизнь ортовские программы «конструктивной помощи», которые можно рассматривать как достижение профессиональной филантропии 1920-х – 1930-х годов, помогли тысячам евреев СССР, в большинстве своем лишенцам, получить рабочие и сельскохозяйственные специальности, а также инструменты и оборудование. Это позволило им в короткий срок адаптироваться в новых советских социально-экономических реалиях.

⁶⁵ Унжлаг – исправительно-трудовой лагерь НКВД, организованный в 1938. Был расположен около ж.д. станции Сухобезводное в Горьковской области. В 1938–1941 в нем находилось около 25 тысяч заключенных, которые работали в основном на лесоповале. См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. – М., 1998. – С. 489–490.

⁶⁶ Справка на Я.С. Цегельницкого от 17 марта 2007, выданная Центральным архивом Федеральной службы безопасности Российской Федерации. – Личный архив автора.

⁶⁷ См., например: *Hammack D. Review on Philanthropic Giving: Studies in Varieties and Goals // The Journal of American History.* – Vol. 77, № 4, March, 1991. – P. 1347–1348.

Марко Клементи

Фонд карабинеров на Родосе и его значение в истории итальянского Холокоста

Марко КЛЕМЕНТИ

*доктор исторических наук,
Университет Калабрии*

*Государственный архив
Додеканеса, Родос*

23 июля 1944 вся еврейская община итальянского острова Родос – тогда около 1850 человек – была депортирована немцами с помощью итальянской гражданской администрации¹. Они покинули Родос на трех угольных баржах и остановились на расположенном неподалеку острове Кос, чтобы загрузить там еще одну группу евреев, около 90 человек. После восьми дней в море их высадили в порту Пирея, откуда доставили в концентрационный лагерь Хайдари, недалеко от Афин. Спустя несколько дней евреи с Родоса, вместе с примерно 500 евреями из Афин, были загружены в поезд, направлявшийся в Освенцим, куда они прибыли 16 августа. Из этого состава (немцы, как известно, в таких случаях использовали слово

¹ Предысторию вопроса см.: *Клементи М.* История корабля «Пенчо» и судьба его пассажиров // Право на имя: Биографика 20 века: Одиннадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. Санкт-Петербург, 21–23 апреля 2013 / НИЦ «Мемориал» (СПб.), Польский институт в Санкт-Петербурге. – СПб.: Норма, 2014. – С. 45-50; *Клементи М.* Архив фашистской политической полиции – *Sarabinieri* на Родосе // Право на имя: Биографика 20 века: Двенадцатые чтения памяти Вениамина Иофе. Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2014 / НИЦ «Мемориал» (СПб.), Польский институт в Санкт-Петербурге. – СПб.: Норма, 2015. – С. 64-71.

marcoclementi@hotmail.com

«спецтранспорт») около одной трети прибывших, в основном молодые мужчины и женщины, вошли в лагерь; остальные были отравлены в камеры смерти².

Историки Холокоста как правило, значительное внимание уделяют истреблению евреев в лагерях смерти или на оккупированных Германией территориях Восточной Европы. Это понятно, учитывая то, что большинство европейских евреев жили в тех областях, которые британский историк Дональд Блоксхэм назвал «взрывающейся зоной»: в Польше, Западной России и Украине³. Между тем, историография Холокоста между 1939 и 1945 в других частях Европы ориентирована на его подготовительные этапы, на административный механизм преследования евреев, на захват их имущества и на их концентрацию в транзитных гетто. К началу весны 1943 еврейские общины и большая часть их населения на европейском континенте были уничтожены⁴. Внутренний отчет, составленный главным статистиком Рейха Ричардом Корхерром, констатирует, что к этому времени еврейское население Европы было наполовину уничтожено. Оставшиеся почти два миллиона евреев жили в союзных странах нацистской Германии, а именно в Болгарии, Румынии, Венгрии и Италии⁵. Хотя эти страны и оградил от депортации всех евреев без подданства в тех областях Европы, которые занимали их войска, они, как и итальянские власти, проявляли амбивалентность по отношению к требованиям Берлина передать Германии всех евреев, находившихся под их эгидой. Только после капитуляции Италии в сентябре 1943 и политических изменений в Венгрии в начале 1944 обе эти страны, находясь теперь под немецким военным контролем, разрешили систематическую депортацию евреев на восток. Тогда и начался, по определению С. Фридлендера, третий этап Холокоста⁶. Депортация евреев из северной и центральной Италии под руководством бюро А. Эйхмана состоялась в октябре. Вскоре последовала их депортация из тех областей Франции и Греции, которые находились когда-то под итальянской оккупацией (например, область вокруг Ниццы, на юге Франции, а затем с острова Корфу и, наконец, с Родоса). Эти поздние и сравнительно небольшие депортации в период третьего этапа Холокоста в историографии часто оставались в тени из-за значительно более многочисленной депортации венгерских евреев весной 1944⁷.

² *Czech D.* Kalendarium, der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau 1939–1945. – Reinbek: Rowohlt, 1989. – С. 851. Из числа (примерно 1900) евреев, депортированных с Родоса, выжили только 151 человек.

³ *Bloxham D.* Europe, the Final Solution and the dynamics of intent // *Patterns of Prejudice*. – Vol. 44, № 4. – 2010. – P. 317-335; см. также: *Snyder T.* Bloodlands. Europe between Hitler and Stalin. – Vasic Books: New York, 2012.

⁴ *Yahil L.* The Holocaust. The Fate of European Jewry. – Oxford University Press: Oxford-New York, 1990.

⁵ *Benz W.* Dimension der Völkermords. Die Zahl der jüdischen Opfer des Nationalsozialismus. – DTV Wissenschaft: München, 1991.

⁶ *Friedländer S.* The Years of Extermination. Nazi Germany and the Jews, 1939–1945. – Weidenfeld & Nicolson: London, 2007. – Ch. VII.

⁷ *Randolph L.* Braham. The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary. – New York, 1994; *Gerlach Ch., Gotz A.* Das letzte Kapitel: Der Mord an die ungarischen Juden 1944–1945. – Fischer Taschenbuch Verlag: Frankfurt, 2004.

Тем не менее, эти эпизоды заслуживают большего внимания, чем до сих пор им уделялось, и не только потому, что все жертвы имеют право на историю, но и потому, что этот заключительный этап геноцида поднимает вопрос о главных целях немцев в войне. В июле 1944 было уже очевидно, что немцы проиграют войну (что привело к попытке покушения на Гитлера); кроме того, в течение шести недель после депортации евреев с Родоса немцы отступали из Греции. Почему же тогда они вывезли целую общину с такого отдаленного места, как Родос, чтобы затем уничтожить ее в Польше?

Начиная с публикаций исследований Рауля Хильберга об уничтожении европейских евреев (1961) и Люся Давидовича о войне против евреев (1975), ученые спорят о природе Холокоста. Хильберг обратил внимание на повседневные административные процессы, осуществляемые при участии обычных людей, без которых убийство шести миллионов евреев не было бы возможным. Ханс Моммзен развивал этот аргумент, помещая геноцид в динамику его внеплановой и хаотической радикализации. Сегодня, когда историки склонны выйти из рамок упрощенных бинарных полюсов «намерения» и «функции», эта двойная парадигма все еще может быть полезной в исследовании Холокоста, как Ричард Бессель отметил недавно в своей работе⁸. Депортация евреев с Родоса и Коса содержит элементы обоих интерпретаций: реализацию долгосрочных идеологических целей и ускорение процесса в связи с возможностью быстрого окончания войны, главной целью которой, на мой взгляд, для немцев являлось именно уничтожение евреев как первого врага Германии. И именно летом 1944 фактор времени стал главным двигателем этого процесса. Но он не мог проходить без сотрудничества местных властей в странах Центральной Европы и на Балканах. Этот факт до сих пор не был достаточно обозначен в историографии. Так что пример депортированных с Родоса евреев, который мы приводим здесь благодаря недавно обнаруженным там документам, имел место и в других странах, откуда были депортированы и местные, и иностранные евреи.

На Родосе после 8 сентября 1943, когда Италия официально вышла из войны, итальянские гражданские власти в полной мере сотрудничали с немцами. В апреле 1944 именно итальянцы передали нацистской тайной полиции список еврейских жителей Додеканеса⁹. Сразу после депортации также итальянцы организовали конфискацию движимого и недвижимого имущества евреев, и уже в конце июля 1944 их пустующие дома были заняты в основном итальянскими семьями, которые платили арендную плату в «Банк Сицилии». Помимо того, специальные итальянские гражданские комиссии приступили к инвентаризации всего имущества, оставленного депортированными. После войны представители

⁸ *Kershaw I.* The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives. – Bloomsbury Academic; 4 ed., London, 2000; *Bessel R.* «Functionalists vs. Intentionalists»: the Debate Twenty Years on or Whatever Happened to Functionalism and Intentionalism? // *German Studies Review.* – Vol. 26, № 1 (Feb., 2003). – P. 15-20.

⁹ Государственный архив Додеканеса (ГАК ДОД). Фонд Центрального спецбюро полиции. 1944. Д. 939.

итальянских властей Додеканеса сообщили, что действовали так, чтобы защитить имущество евреев и сохранить его до их возвращения (которое, как каждый понимал, никогда не состоится). На самом деле такая политика соответствовала мерам, принятым «Социальной республикой» Муссолини в ноябре 1943 в Вероне, по которым «все евреи, независимо от их подданства, считались иностранцами или гражданами стран противника». Их имущество было немедленно захвачено в интересах Италии¹⁰. Как стало известно благодаря документам Фонда карабинеров, открытого на Родосе в 2013, уже в начале 1930-х итальянские власти острова поставили местную еврейскую общину под контроль. Переписка заметных членов общины регулярно перлюстрировалась, сотни писем были скопированы и помещены в особые дела, где они хранятся до сих пор. Одновременно на тысячи людей были созданы дела, в которых собиралась информация о них как публичного, так и частного характера¹¹. Новые документы показывают, что итальянцы знали все об еврейской общине и что без их сотрудничества вряд ли немцы смогли бы довести до конца свое намерение уничтожить этих евреев. В то же время итальянцы понимали степень своей ответственности и после войны пытались уничтожить следы своего соучастия в депортации евреев.

В мае 1945 на Родосе, сразу после прихода британских вооруженных сил, сформировался так называемый Комитет по защите итальянских интересов, во главе которого был бывший мэр города Родос Антонио Макки¹². Он вступил в контакт с новым демократическим итальянским кабинетом в Риме под руководством Ферручио Парри, а затем Алчиде Де Гаспери. После перемирия 1943 года он был назначен мэром города Родос и в рамках своего мандата тесно сотрудничал с немцами. Когда стало ясно, что война проиграна, Макки, в ожидании надвигающейся высадки союзников на остров, пытался наладить контакты с британской секретной службой¹³. Таким образом, благодаря хорошим отношениям Макки с англичанами, а также отсутствию квалифицированных кадров, больше года после окончания войны итальянский персонал продолжал работать в администрации Родоса под британской оккупацией. Ситуация оставалась такой запутанной, что бывшие фашисты и антифашисты вступали в сотрудничество, чтобы попытаться уничтожить свидетельства о политике прошлого режима.

¹⁰ ГАК ДОД. Фонд гражданской администрации. 1944. Д. 19. Правительство итальянских островов Эгейского моря, Комиссия еврейского наследия. Родос, 4 сентября 1944. (Распоряжение подписано мэром Родоса А. Макки.)

¹¹ См.: ГАК ДОД. Фонд Центрального спецбюро полиции. 1932. 20. PS. Д. 2. Еврейская община Родоса; Там же. 1934. Протокол 3.860. Еврейская община Коса.

¹² А. Макки родился в Милане в 1910. В 1939 он приехал на Родос в качестве капитана артиллерии.

¹³ См., например, документ, подписанный А. Макки, в отчете Комиссии по защите итальянских интересов в Додеканесе (Приложение к документу о ситуации на о-ве Родос в отношении еврейской общины. Май 1943): Исторический архив Министерства иностранных дел (МИД) Италии. Фонд AP 1946-50. Додеканес. Конверт 1. (Дата получения в МИДе: 23 мая 1946).

Через несколько месяцев после окончания войны, по предложению Министерств иностранных дел демократической Италии, на Родосе тайно началась деятельность по сбору и, по возможности, отправке в Италию (или уничтожению) основных управленческих документов итальянской администрации¹⁴. Однако получить Фонд карабинеров оказалось невозможным¹⁵. Поэтому было принято решение о его ликвидации или, по крайней мере, об уничтожении части переписки, которая считалась наиболее компрометирующей для Италии.

Хотя задача была непростой, предполагалось, что успех операции будет обеспечен тем, что в штаб-квартире полиции работал еще один итальянский карабинер, бывший фашист Франческо Корлетти¹⁶, который получил от Макки приказ уничтожить по возможности все документы полиции. 20 декабря 1946 он написал краткий отчет, утверждая, что смог «завершить работу, успех которой, по размеру и значимости, учитывая нынешние обстоятельства, удивил даже меня. Это – уничтожение переписки полиции, всех секретных документов и актов, которые могли бы быть использованы для политических спекуляций и шантажа в отношении Новой Италии». Теперь, продолжает Корлетти, «из архивов и из всех других офисов, в том числе и из самого главного бюро карабинеров, ничего не осталось. Если удастся ликвидировать также те копии в фондах Правительства, которые были отправлены полицией, то тогда работа будет завершена, и вся история итальянского режима на Родосе будет забыта навсегда». И далее: «Указать все, что было уничтожено, было бы слишком долго и, возможно, бесполезно». Но «о важности операции говорит тот факт, что теперь остался только генеральный архив, с личными делами тех, кто имел дело с властями»¹⁷.

Таким образом, можно предположить, что наиболее важные и компрометирующие для Италии документы были уничтожены. Как полагает историк Филиппо М. Эспиноза, дела, о которых говорит Корлетти в конце отчета, являются именно теми, что были обнаружены в 2013 на Родосе в Фонде карабинеров¹⁸. В своих доказательствах Эспиноза основывается на итальянской генеральной инструкции по военным архивам 1940 года, которая предусматривает четыре степени секретности в составлении архива: обыкновенная, конфиденциальная, конфиденциальная личного характера и секретная. Хотя, в отсутствие

¹⁴ См.: Исторический архив МИДа Италии. Фонд AP 1946-50, Dodecanneso-Egeo. Конверт 3. Д. Miscellanea (Atti e documenti appartenuti alla cessata Amministrazione di Rodi).

¹⁵ Восстановление актов и документов правительства на итальянских островах Эгейского моря и других ведомств (Конфиденциальный доклад Макки в МИД, 18 февраля 1947). – Там же.

¹⁶ Корлетти (Corletti) был одним из карабинеров, которые сотрудничали с немцами с 1943 по 1945. См.: *Clementi M., Toliou E.* Gli ultimi ebrei di Rodi. – *DeriveApprodi*: Roma, 2015. – P. 277.

¹⁷ Копию отчета см.: Исторический архив МИД Италии. Фонд AP 1946-50, Dodecanneso-Egeo. Конверт 3. Д. Miscellanea (Atti e documenti appartenuti alla cessata Amministrazione di Rodi).

¹⁸ *Espinoza F.M.* La questione degli archivi di Rodi nel Primo dopoguerra. Cessione, recupero e distruzione dei documenti italiani nel Possedimento Egeo // *L'Europa e il suo Sud Est / D'Alessandro A., Guida F. (ed.)*. – Aracne: Roma, 2015.

описи, пишет он, невозможно доказать, насколько это заключение соответствует положению вещей, он считает возможным предположить, что переписка карабинеров на Родосе была организована по приказам 1940 года. И, продолжает он, поскольку среди документов, найденных в Фонде карабинеров, самая высокая степень секретности «личная конфиденциальная», из этого следует, что самые важные документы карабинеров были уничтожены Корлетти и Макки в 1946.

Мы не согласны с этим заключением и исключаем, что эта часть отчета Корлетти относится именно к Фонду карабинеров¹⁹. Карабинеры на Родосе не следовали приказам из Рима по составлению архива. Фонд, который был открыт нами в 2013, был создан в 1932 тогдашним командиром карабинеров майором Грассини. В декабре 1932 он приказал сохранять дела по определенной описи (которая у нас имеется), она не соответствует стандартной описи в итальянском документообороте. В 1944, когда после прихода немцев ситуация изменилась, новый командир карабинеров, майор Миттино, пополнил именно старую опись 1932 года (а не 1940) новыми категориями. В описи 1932 года самая высокая степень секретности – «конфиденциальная». Кроме того, помимо описи 1932/1944 года, на Родосе существует еще одна опись, так наз. «S», то есть «секретная». Она стала применяться в 1943, но только для итальянской администрации, а не для карабинеров²⁰. Сохранилось всего несколько дел категории «S». Все материалы наблюдательной деятельности карабинеров относительно религиозных общин, политических заключенных и иностранных дипломатов на Родосе находятся среди документов, обнаруженных нами в 2013. Нам представляется что, на самом деле, по окончании войны итальянцы смогли уничтожить (если это им удалось) очень немного актов, потому что сами англичане регулярно использовали те же документы. В Фонде карабинеров, например, присутствуют дела 1946 года на английском языке, – этот факт показывает, что в тот момент, когда Корлетти пишет свой отчет, англичане используют этот архив во всей полноте. Это вполне логично, так как, чтобы, например, идентифицировать лиц, нуждающихся в разрешении на выезд или на въезд на Родос, единственным источником информации были итальянские архивы.

Фонд карабинеров приобретает сегодня еще большее значение, потому что о нем знали и его пытались уничтожить сами представители новой демократической Италии. В то время, когда нужно было проявить больше мужества и устранить из публичной жизни людей с диктаторским прошлым, поддерживавших фашизм до конца, эти новые руководители оказались замешаны в попытке скрыть навсегда проступки фашистской Италии.

¹⁹ На Родосе в фондах Госархива до сих пор имеются сотни ящиков еще не инвентаризованных документов итальянского периода, в том числе архив Трибунала.

²⁰ ГАК ДОД. Фонд гражданской администрации. 1943. *Classifica Carteggio per l'anno 1943*. 5 gennaio 1943.

Януш Кобрынь

Биография одного дома и судьбы его владельцев

Януш КОБРЫНЬ

*независимый исследователь
г. Быстрица Клодзская,
Польша*

Город Быстрица Клодзкая расположен на юго-западе Польши в Нижнесилезском воеводстве, на территории, принадлежавшей до 1945 года Германии и входящей с этого времени в состав Польши. С конца Второй мировой войны сюда прибывали граждане Польши. Их можно разделить на несколько основных групп: переселенцы из Кресов (так наз. «западных областей Украины»), бывшие спецпереселенцы из СССР, узники нацистских концлагерей и др. категории. Немцы с 1946 были выселены на запад. Таким образом, все население после войны сменилось.

Вне города (но в его административных границах) есть несколько домов. Один из них расположен у ручья Плавна, он и станет героем моего доклада.

Точная дата «рождения» дома (закладка первого камня, завершение строительства или важнейшего его этапа) редко бывает известна, – это относится прежде всего к домам, значимым с точки зрения истории города, которые упоминаются в летописях, или в тех случаях, когда на них имеется памятный знак с датами и именами/инициалами владельцев.

sybiracy@interia.pl

В случае дома, «биография» которого представлена в этом докладе, дата его рождения была записана на стропиле чердака. Там указано имя «Франц Маркс» и год «1874». Так долгие годы и считалось: дом построен Францем Марксом в 1874 году. Но в начале 1990-х эта информация уточнилась. В эти годы появилась возможность беспрепятственных путешествий между Польшей и Германией, и в город стали приезжать бывшие жители нашего района. Появился новый биографический источник – воспоминания членов семьи Марксов. Дата рождения/постройки дома осталась прежней – 1874, но оказалось, что имя Франц принадлежит отнюдь не первому владельцу (строителю) дома, а последнему, тому самому, который был выселен из него в 1946. Перед выселением Франц Маркс расписался черной краской на стропиле дома и на воротах амбара. Больше ни ему, ни его жене Отилии побывать в этом доме не пришлось.

Первого владельца дома звали Пауль Маркс, он занимался сельским хозяйством. Дом и хозяйственные постройки (сарай, амбар, конюшня) были построены им. Точных сведений нет, но можно предполагать, что земельный участок принадлежал раньше имению Пломниц (расстояние между домом и существовавшим в XVIII в. дворцом около 1,5 км). Владелец имения, граф фон Вельцель, вынужден был покинуть страну после того, как 14 февраля 1745 на полях, расположенных между имением и городом Хабельшвердт, состоялось сражение между Пруссией и Австрией. С австрийской стороны командовал фон Вельцель, сражение было им проиграно. Согласно летописи, в начале XIX в. дворец был разрушен, имения не существовало. Подтвердить это наше предположение могут близнецы/родственники описываемого дома: они построены по тому же плану, а может быть, и тем же мастером, на территории бывшего имения.

Описание дома

Дом двухэтажный, кирпичный. Половину первого этажа занимает большая кухня (она же центр семейной жизни), рядом имеется небольшая спальня. Отапливаются они одной печью, расположенной посередине дома. Вторая (западная) половина этажа – коровник с двумя входами, снаружи и изнутри дома (последний не оценим в холодное время). На втором этаже горница – «хорошая», или «белая» комната. Там не живут и она не отапливается, здесь стоит хорошая мебель, хранится праздничная посуда. С западной стороны – еще одна жилая комната. Дом, амбар и сарай составляют в плане прямоугольник, который с восточной стороны закрывается воротами, так что вся домашняя/хозяйственная жизнь ведется внутри двора.

Владельцы дома

Как уже говорилось, первым владельцем дома был Пауль Маркс. У него было пятеро детей: Хедвиг, Рейнхольд, Франц, Август, Бертольд. Двое младших сыновей погибли во время Первой мировой войны. Об этом напоминают стоящие рядом с домом памятный знак в виде призмы с крестом с именами погибших и липа, посаженная во время установки памятника.

Примерно в 1930-е владельцем дома и приусадебного хозяйства стал сын Августа, Франц. Вскоре он женился на Отилии Мадер, у них появились дети, и жизнь в доме снова стала полной. Детей было шестеро: Ирмгард, Магда, Бернгард, Альфред, Георг, Христа.

В 1945 было принято решение, что Нижняя Силезия войдет в состав Польши, и немцы будут выселяться на запад. Сразу после окончания войны в доме появился новый владелец – Ян Краевски. Из воспоминаний семьи Марксов, с которой он совместно прожил в доме почти год, известно, что это был поляк, скорее всего, офицер Красной армии. Он занял комнату на втором этаже – горницу. В марте 1946 началось выселение немцев, и семья Марксов была выслана эшелонами в западную зону, рядом с голландской границей. В доме остался только новый владелец. Мы не располагаем документальными сведениями о Яне Краевском, но на основании доступной информации можно сделать несколько предположений: скорее всего, в 1939 он был гражданином Польши (ему было разрешено остаться в Польше после демобилизации), оказался на территории СССР (депортирован или беженец) и был затем призван в ряды РККА. В списках депортированных граждан Польши, составленных Центром «Карта» (Варшава), имеется однофамилец Яна, но в его биографии указано, что он вступил в Армию Андерса. Из воспоминаний солдат этой армии известно, что возвращались они в Польшу с 1946, так что эти биографии не совпадают. По воспоминаниям жителей соседней деревни, новый хозяин дома, скорее всего, был горожанином, с сельским хозяйством оказался связан случайно, может быть, ради дома как места жительства. Вскоре он уехал в свои края – в окрестности Варшавы. Интересно, что в памяти немецкой семьи (старшей дочери было тогда 15 лет, самой младшей – 3 месяца) не сохранился образ человека, который отобрал их собственность (сельское хозяйство), а запомнился его охранник – бодигард, который, будучи военным в форме и с ружьем, отпугивал мародеров. Затем явился следующий владелец – семья Франчак. Они прожили в доме недолго и уехали искать другое место.

Начался новый этап биографии нашего героя – беспризорный. В послевоенные годы стоять без присмотра для дома было очень опасно. Тогда из других районов Польши приезжали так называемые «шабровники» – люди, занимающиеся грабежом имущества, оставленного немцами. Наш герой также не избежал этой судьбы. Он потерял все, что можно было вывезти: мебель, предметы

быта, сельхозмашины, скотину. В поисках спрятанных вещей были взломаны деревянные полы. Словом, дом потерял все.

Через некоторое время явился человек, который во время войны тоже потерял все, кроме самого важного: жены и детей. По совету своего друга он пришел осмотреть дом. После осмотра было решено – будем здесь жить. Через несколько дней семья Яна Кобрыня здесь поселилась. У дома снова был хозяин.

Кто он такой? Почему потерял все? Семья Кобрыней – крестьяне из Центральной Польши. Ян принимал участие в Первой мировой и Польско-советской (1920 года) войнах. После демобилизации стал «осадником» – получил земельный участок в Восточной Польше (нынешней Белоруссии). Надо подчеркнуть, что десять семей поляков были поселены в район, можно сказать, чисто полесский/белорусский. До времени их поселения (данные переписи населения 1921 года) в гмине Святая Воля проживало всего 3446 человек, из них поляков – 93. Что касается деревень Великая и Малая Гать, рядом с которыми находилось поселение поляков, – здесь жило 656 человек, из них поляков только двое. Поселенцы-осадники получили земли обанкротившегося имения. В то же время среди местного населения царил нищета настолько очевидная, что запомнилась даже детям поселенцев. Естественно, что такое положение вещей создавало конфликты.

Как и другие осадники, Ян Кобрынь построил на этой земле свой дом, здесь у него родились и стали подрастать дети. Но 10 февраля 1940 семья Кобрыней была депортирована (категория «осадники») в Холмогорский район Архангельской области. В это время семья состоялась из семи человек: Ян, его жена Станислава и их дети (возрастом от 2 до 13 лет): Чеслав, Эдвард, Ежи, Марьян, Тереса.

В ссылке они работали на лесозаготовках. Благодаря крепкому здоровью и работоспособности Яна, Станиславы и их старшего сына Чеслава, выжили все. Нельзя забывать и о помощи, которую они получали от местных жителей, граждан СССР, – спецпереселенцев, высланных сюда в 1930-е из других районов России. После амнистии 1941 года многие польские семьи уехали на юг, в район формирования Армии Андерса. Ян и Станислава Кобрынь после выезда первой группы ждали от них вестей. Пришло письмо, в котором знакомые настоятельно советовали им не уезжать с места поселения, поскольку на юге голод, эпидемия тифа и нет никаких условий для размещения и обустройства поступающих с Севера поляков. Так что часть ссыльных поляков, в том числе и семья Кобрыней, остались в Холмогорском районе и продолжали работать на лесозаготовках. В 1944, благодаря усилиям Союза польских патриотов в СССР, эти семьи были переведены на юг, в Сумскую область, где были лучшие условия жизни, – как говорилось, «на откорм». Там Кобрыни работали в колхозе. Старший сын Чеслав даже стал лучшим колхозным трактористом, и, когда настало время отъезда в Польшу, его отцу пришлось «выкупать» (за самогон) сына у председателя колхоза.

В 1946 они вернулись в Польшу, их эшелон был направлен к западной границе. Обстановка в районе была напряженной, велись международные переговоры относительно этой части границы. Семья решила искать себе другое, более спокойное место. Из-за нехватки земли вернуться в родные края было невозможно. Кто-то подсказал, что на юге есть еще свободные хозяйства, их можно получить. Но на месте оказалось, что приехали слишком поздно, все занято. Год прожили в общежитии. Наконец повезло, и они обрели дом. А дом – новых хозяев.

Семья на тот момент состояла из семи человек: Яна, Станиславы, сыновей Чеслава, Эдварда, Ежи, Марьяна и дочери Тересы. Скоро родилась еще одна дочь – Данута. Дом снова наполнился жизнью. Период беспризорности, самое тяжелое для нашего героя, был позади.

Постепенно хозяева обживались. Новому владельцу пришлось восстанавливать полы и печи. Был построен водопровод, заново переложена черепица, появилось центральное отопление. В дом приобреталась мебель. Дети росли, сменялись поколения. Дом стоял. Чеслав работал водителем. Эдвард окончил вуз и стал учителем, но вскоре уехал в Варшаву и стал работать в научном издательстве. Ежи тоже окончил вуз и работал учителем русского языка. Марьян был слесарем, Тереса – бухгалтером. Станислава, выйдя на пенсию, передала хозяйство своему внуку.

В 1990-е в дом явились неожиданные гости. Трое пожилых людей: Магда, Георг и Христа, все очень смущенные, неуверенные, – удастся ли побывать в родном доме? Они не были здесь после того, как в 1946 семья Марксов была переселена в западную зону. Их жизнь тоже сложилась вполне успешно. Георг работал оператором токарных станков на заводе, изготавливал детали для автомобилей (колеса, коробки передач и т.п.). Работа требовала квалификации и внимания. В своей квартире он собрал коллекцию сделанных им частей – по одному каждого вида. Тут есть чем гордиться – они работали в машинах известных во всем мире марок. Его брат был строителем, сестра учительницей... Им очень хотелось увидеть места, в которых прошло детство, и повидать свой бывший дом.

И все удалось, польская семья приняла их радушно. Потом началась переписка, приехали и другие члены семьи Марксов, внуки Франца. Нашему дому довелось услышать даже то, чего никто не ожидал, – давно забытый клодзский диалект немецкого языка. Новому владельцу было интересно узнать, на каком языке разговаривали раньше в этом доме. С помощью Георга были сделаны записи пословиц и стихов на этом диалекте.

В 2000 рядом был построен новый дом, и хозяйева с детьми туда переехали. Старый дом уже сильно обветшал, стены коровника отсырели, крыша нуждалась в ремонте. Возник вопрос дальнейшего существования нашего героя. Вынесут ли ему смертный приговор – снести? Или он получит шанс на новую жизнь? Решение было принято, можно сказать, по-булгаковски:

«...согласись, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?». Значит – не строил, сносить не буду! Итак, приговор был отменен, крыша починена, в коровнике построены новые стены.

Тайны и находки

Во время ремонтов дом раскрыл некоторые свои тайны. Кроме уже названной надписи на стропиле, были обнаружены кирпичи «Feierabendziegel», изготовленные на старом кирпичном заводе в конце его существования, на них сохранились заводские фирменные знаки, надписи, отпечатки пальцев. Оказывается, на кирпичном заводе держали кошек и гусей, – отпечатки их лап тоже сохранились. На стропилах и других элементах найдены монтажные знаки, оставленные плотниками. Нашлись и мелочи, потерянные когда-то жителями дома: старый розарий; жетон военнослужащего времен Первой мировой войны, принадлежавший Рейнхольду Марксу; радиоприемник с кристаллическим детектором, сделанный в 1950-е Ежи Кобрынем.

* * *

В 2008 была организована встреча бывших и нынешних жителей города. Многим из них сейчас за 70, и родились они почти за тысячу километров от мест, в которых сейчас живут: поляки – в западных областях Украины и Белоруссии, немцы – в городе Хабельшвердт. Судьбы их и их домов – важная составляющая нашей истории.

Каринэ Маранджян

История Михаила Хвана (1904–1978), или Почему в отечественной японистике до сих пор нет словаря скорописи

**Каринэ Генриховна
МАРАНДЖЯН**

*старший научный сотрудник
Института восточных
рукописей РАН,
кандидат исторических наук*

В 2014 году в архиве Института восточных рукописей нашлись два неопознанных каталожных ящика с карточками, к которым, судя по их виду, не притрагивались очень долгое время. Первое знакомство с содержимым ящиков не оставило никаких сомнений в том, что передо мной лежат карточки скорописных начертаний иероглифов. А приглядевшись повнимательнее, я заметила, что на бумаге, которой были закрыты ящики, написано имя «М.Ф. Хван». Мне показалось странным, что эти ящики хранятся в нашем архиве, я бросилась проверять их по описям архива, но ни одного упоминания о Михаиле Федоровиче Хване, кроме одной-единственной справки о его работе по договору, не обнаружила. Справка гласила, что он работал по договору с мая по август 1939 года и должен был составлять иероглифические индексы для большого японо-русского словаря.

Это никак не объясняло, почему эти «скорописные» карточки лежат у нас. А через полгода сотрудники архива извлекли на свет еще несколько аналогичных ящиков, которые числились в категории

kmarandj@gmail.com

неатрибутированной «россыпи». Эти ящики и их содержимое были аналогичны найденным ранее.

Последние сомнения исчезли: это был словарь скорописи (точнее, картотека скорописных начертаний иероглифов, которая фактически и представляла собой готовый словарь), который составлял М.Ф. Хван. Об этом словаре я впервые услышала от внуков М.Ф. Хвана; было известно, что он владел скорописью и будто бы подготовил учебник, но никто из ныне здравствующих японистов никогда его не видел. Все считали, что если он и был, то бесследно пропал после ареста М.Ф. Хвана.

Каким же образом этот словарь в виде карточек попал в институт? Кто его передал на хранение? Почему он не отражен в записях архива? Почему после реабилитации автор не вернулся вновь к работе над ним? Почему не подготовил его для издания? Ведь в отечественной японистике до сих пор так и нет словаря скорописи. Да и число специалистов, владеющих тайнами скорописи, – несколько человек на всю страну. Сегодня в Петербурге, пожалуй, не найдется ни одного профессионала в этой области. Мы утратили это знание, и чтобы оно возобновилось, потребуется много сил и благоприятное стечение обстоятельств; нужен человек, готовый взяться за это трудоемкое дело. Старое поколение дальневосточников, знакомых со скорописью, ушло, а вместе с ним закончилась и традиция преподавания этой разновидности японской письменности, без знания которой очень трудно заниматься классической культурой Японии. Если бы словарь Хвана был издан, ситуация могла бы быть совершенно иной...

Чтобы найти ответы на все эти вопросы, надо поближе познакомиться с личностью М.Ф. Хвана, узнать поподробнее о его биографии и судьбе, созвучной судьбам многих и многих его современников.

* * *

Дед Михаила Хвана в середине XIX века эмигрировал с семьей из Кореи в Россию, где принял русское подданство и православие. Его младший сын, отец Михаила Хвана, владевший корейским, китайским и русским языками, получил должность переводчика при русском посольстве в Сеуле. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. он занялся поставками фуража в кавалерийские части, и с этого началось его обогащение. После войны он обосновался в г. Никольск-Уссурийске, где стал одним из наиболее уважаемых купцов в городе.

Михаил Хван родился в 1904 на станции Имяньпо КВЖД (позднее в метрике записали место рождения – г. Никольск) и до семи лет рос в семье, а потом был отправлен учиться в токийский колледж Кэйю¹, где и пробыл до начала

¹ Точнее, это была начальная школа Ётися, входившая (наряду с колледжем) в группу престижного университета Кэйю. Несколько раньше в этой же школе обучался легендарный Роман Ким, советский писатель и, по совместительству, кадровый разведчик. Подробнее см.: *Куланов А.Е. В тени восходящего солнца.* – М.: Вече, 2014. – С. 222.

Первой мировой войны. После советизации Приморья родители Хвана эмигрировали в Китай, и члены семьи оказались в разных странах².

Как пишет в своих воспоминаниях³ сам Михаил Хван, заботившийся о том, чтобы его потомки помнили свои корни, он остался в Приморье, бежал от мобилизации в Белую армию, в начале 1923 вступил в Красную армию и был направлен в Читу в военную школу 5-й армии. После этого он некоторое время учился на востфаке Государственного дальневосточного университета (г. Владивосток), затем вернулся домой, в Никольск-Уссурийск, где работал часовым мастером, после этого был курсантом полковой школы и, наконец, в 1928 приехал в Ленинград, где устроился руководителем музыкального кружка Дома просвещения народов Востока. С 1928 по 1929 он учился на Высших государственных курсах искусствоведения при Институте истории искусств, потом несколько лет работал на заводе, пока в 1931 не поступил на лингвистический факультет Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ)⁴, куда был зачислен сразу на второй курс. Там он совмещал учебу с работой заведующего кабинетом восточных языков ЛИФЛИ. В 1934, еще будучи студентом, он начал преподавать иероглифику, а уже на следующий год был назначен преподавателем разговорного японского и иероглифики в ЛИФЛИ. После окончания института он поступил в аспирантуру Ленинградского НИИ языкознания по специальности «Палеонтология иероглифической письменности». Его руководителем был блестящий ученый-китаист Ю.К. Щуцкий (1897–1938), которого вскоре расстреляли по обвинению в участии в «анархо-мистической террористической организации “Орден тамплиеров”»⁵. Уже на втором курсе аспирантуры М.Ф. Хван представил к защите опубликованную диссертационную работу «Идеография. Курс дальневосточной письменности»⁶ под редакцией Ю.К. Щуцкого. Эта работа была издана гектографическим способом в 1936. Но, как лаконично говорится в одной из официальных характеристик М. Хвана, «защита не состоялась по независящим от диссертанта причинам». Забегая вперед, скажем, что кандидатскую степень М.Ф. Хван получил только в 1967, представив сочинение «Структурный анализ китайских иероглифических знаков». Тогда ему исполнилось уже 63 года...

² Сегодня одна ветвь семьи живет в России, а вторая (потомки уехавших в Китай) – в Северной Корее.

³ Рукопись истории семьи М. Хвана хранится у его внуков, которые любезно предоставили ее мне для работы.

⁴ Гуманитарный вуз университетского типа, существовавший в Ленинграде с 1931 по 1937. Был выделен из ЛГУ и, в конечном счете, снова с ним слит. Его профилем была «подготовка младших научных работников и преподавателей вузов в области истории, философии, литературы и лингвистики».

⁵ Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – <http://memory.pvost.org/pages/schutskij.html>

⁶ Идеография [Текст]: (Курс дальневосточной письменности) / М.Ф. Хван; Под ред. и с предисл. проф. Ю.К. Щуцкого; Ленингр. вост. ин-т при ЦИК СССР, Ленингр. ин-т истории, философии, лингвистики и литературы. – Ленинград: [б. и.], 1936. – 396 с.

Экземпляры выпущенной в 1936 «Идеографии» давно стали библиографической редкостью, за которой гоняются специалисты. Один экземпляр книги хранится в восточной библиотеке СПбГУ. На титульном листе книги вымарано имя Ю.К. Щуцкого, на его месте стоит черный прямоугольник.

Бесспорно, это была очень незаурядная книга, предлагавшая особый подход к интерпретации иероглифических знаков, который мог бы облегчить многим поколениям японистов освоение письменности. После Хвана у нас практически никто не занимался этим направлением, и до сегодняшнего дня, собственно, так и не появилось ничего, даже отдаленно приближающегося по уровню к книге Хвана. Конечно, не последнюю роль здесь сыграло и то, что его родным языком был корейский, где использовалась иероглифика, и что он несколько лет проучился в Японии, как раз в том возрасте, когда усвоенный язык становится практически вторым родным. К тому же его руководителем был один из самых талантливых Китаистов своего времени. Эти факторы, помноженные на природную гибкость ума и талант М.Ф. Хвана, и позволили ему создать такую великолепную книгу, которая, повторим еще раз, могла бы стать началом целой школы в японоведении.

Вместо этого сначала М. Хван пару месяцев преподавал в Педагогическом институте г. Кызыл-Орда (Казахстан), куда были депортированы корейцы с Дальнего Востока. По-видимому, он уехал туда, пытаясь спастись от массовых чисток среди японистов. Впрочем, документального подтверждения этой версии у нас нет.

Но это не помогло, и в 1938 он был арестован органами НКВД по подозрению в «шпионской деятельности». Спустя 10 месяцев дело было прекращено, и М. Хван был отпущен. В 1939 он вернулся в Ленинград, с 1939 по 1941 преподавал на восточном факультете ЛГУ, где кафедрой японской филологии с 1940 заведовал А.А. Холодович⁷.

Вновь арестован М.Ф. Хван был 8 июля 1941 как «агент японской разведки» и осужден на 15 лет лагерей. Отбывал срок в Унжлаге (ст. Сухобезводное Горьковской ж.д.), а затем в Камышлагге (Кемеровская область). Был освобожден в 1955 и выслан в Новосибирскую область. Реабилитирован в 1957.

Все время, пока М. Хван находился в лагерях и ссылках, студенты учились по его учебнику, а сам он пытался заниматься своей специальностью. В его домашнем архиве сохранился написанный от руки «Список неизданных трудов, написанных в заключении во Внутренней тюрьме Главного управления Госбезопасности НКВД СССР за период 1942–1946»⁸. В этом списке пять позиций: История изучения Кореи европейцами (1943), методика составления учебника корейского языка для русских (1943–1945 гг.), история корейской культуры

⁷ Александр Алексеевич Холодович (1906–1977), известный лингвист, кореист и японист. В 1940–1953 заведующий кафедрой японской филологии восточного факультета ЛГУ, в 1950-е там же заведовал кафедрами корейской и китайской филологии.

⁸ Хранится в домашнем архиве семьи М.Ф. Хвана.

(1944–1946 гг.), материалы по грамматике японского литературного языка (1944–1946 гг.) и рецензия на «Учебные материалы по корейскому языку, изд. МИВ. М., 1942–1943 гг.» (1943). Как пояснено в скобках, эта рецензия «сдана начальнику отдела». Исходя из этого списка, становится очевидным, что лингвистические и преподавательские таланты М.Ф. Хвана были востребованы: ему, как и некоторым другим репрессированным востоковедам, государство «позволило» трудиться по основной специальности. Профессиональную деятельность М.Ф. Хван продолжил и в лагере, где он познакомился с Л.Н. Гумилевым. Известно, что через месяц с небольшим после освобождения, находясь в ссылке, он обратился к академику В.В. Струве с письмом о необходимости возобновить хлопоты по спасению Гумилева из лагеря⁹.

Общение с Гумилевым продолжилось и после его освобождения. Вот как об этом пишет С.С. Беляков: «В отличие от Гумилева, Хван до лагеря не успел защитить диссертации, поэтому во второй половине пятидесятых его положение в научном мире было шатким. Лев Николаевич предложил ему сотрудничество. В 1958-м два востоковеда начали готовить к печати неизданные работы Н.Я. Бичурина. «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии» знаменитого русского синолога под редакцией Гумилева и Хвана вышло уже в 1960-м в Чебоксарах, на родине Бичурина»¹⁰. Однако к тому времени отношения разладились, и ученые разошлись»¹¹.

Сразу после ссылки М. Хван уехал в Казахстан, куда стараниями учителя и старшего друга лингвиста А.А. Холодовича была отправлена в эвакуацию его семья. Но он мечтал вернуться в Ленинград, в университет, и просил Холодовича похлопотать о возможности возвращения. Тот посоветовал, что сделать это будет сложно, и посоветовал обратиться в архив, чтобы восстановить все документы. Приведем полностью фрагмент из письма А.А. Холодовича Хвану.

«Вы там писали о работе в Ленинграде. Вы там сослались на закон, согласно которому ЛГУ обязан был бы Вас восстановить по таким-то и таким-то причинам. Этот щекотливый вопрос я разбирать сейчас не буду. На самом деле все обстоит далеко не просто. Ведь в законе то не сказано, что делать с тем, кто работает на месте реабилитированного, там не сказано, что его надо выгонять. А тогда, как же восстанавливать реабилитированного? Видите, какая петрушка. Я уже столкнулся с этим два раза, и оба раза ничего путного не получилось. Значит, на закон не стоит ссылаться. Но, допустим, что это удалось бы преодолеть. Возникает другой вопрос: как преодолеть правила паспортного режима, согласно которым всякая новая прописка в Ленинграде и ряде крупных городов строгойше запрещена. Это тоже крепкий орешек. Но допустим, что Вам удалось бы

⁹ Подробнее см.: *Беляков С.С. Гумилев, сын Гумилева. Самая полная биография Льва Гумилева.* – М.: Астрель, 2013. – С. 71; см. то же: <http://www.litmir.co/br/?b=184638&p=71>

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ Там же.

преодолеть и это препятствие, как реабилитированному, который, положим, имеет право вернуться на свое прежнее место жительства. Тогда возникает вопрос о квартире. Без наличия жилплощади здесь не пропишут даже того, кто обошел все препоны паспортного контроля. Фондов жилплощади у университета нет. Это я до сих пор испытываю на своей собственной шкуре. Но, допустим, и это удалось бы обойти... Тогда останется вопрос о наличии штатов на кафедре, которой, кстати, я сейчас не заведую и на которой не работаю...»¹²

Наверно, не стоит перечислять все препоны, которые были на пути Хвана. Однако, несмотря на пессимистический тон письма, А.А. Холодович составил и прислал ему в Казахстан массу бумаг, необходимых для возвращения домой и подтверждающих, что Хван закончил аспирантуру, работал в ЛГУ и т.д.

Забегая вперед, отметим, что М.Ф. Хван сумел вернуться в Ленинград, где с 1959 по 1968 заведовал Лингфонным кабинетом и по совместительству преподавал на кафедре японской филологии восточного факультета ЛГУ. В 1968 именно он готовил гидов-переводчиков и стенографистов секции СССР на Всемирной выставке ЭКСПО-1970 в г. Осака. Спустя пару лет его «проводили» на пенсию. Обстоятельства ухода не очень ясны, но, как пояснили его родные, это был вынужденный шаг. И хотя, повторим еще раз, М.Ф. Хван все-таки защитил в 1967 кандидатскую диссертацию, он, как мне кажется, после возвращения в Ленинград так до конца и не реализовал свои блестящие возможности.

А когда же был создан скорописный словарь? Точный ответ на этот вопрос можно получить из заявления М.Ф. Хвана, направленного на имя заведующего Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, члена-корреспондента АН СССР проф. А.Н. Кононова¹³. В нем говорится:

«По договору с издательством Иностранных словарей и Энциклопедий (Москва, Орликов пер., 3) я составил СКОРОПИСНЫЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ под редакцией А.А. Холодовича. Перед войной 1941 г. я сдал картотеку своего словаря А.А. Холодовичу, в то время занимавшему должность зав. японским кабинетом ИВАН АН СССР.

9 июля 1941 г. я был репрессирован органами НКВД Лен. области, а мой словарь в НЕЗАКОНЧЕННОМ СОСТОЯНИИ в виде КАРТОТЕКИ (в 9 или 10 каталожных ящиках, лично мне принадлежавших) так и остался в помещении Японского кабинета ИВАН АН СССР.

Когда я вернулся в Ленинград после реабилитации в 1958 г., я установил, что картотека моего незаконченного скорописного словаря находится в архиве Л.О. Института Народов Азии АН СССР, что было подтверждено свидетельством старшего научного сотрудника ЛО ИНА АН СССР Б.И. Панкратова¹⁴ (см. мое

¹² Недатированное письмо из архива семьи Хван.

¹³ А.Н. Кононов занимал пост заведующего ЛО Института востоковедения Академии наук СССР с 1961 по 1963.

¹⁴ Б.И. Панкратов (1892–1979) – известный востоковед, научный сотрудник ЛО ИВАН СССР (1935–1942, 1948–1979).

заявление на имя акад. И.А. Орбели, поданное в октябре 1958 г. с личной справкой Б.И. Панкратова).

Прошу Вашего указания Архиву о возвращении мне вышеуказанной картотеки как ее автору и законному владельцу. Данная картотека необходима для завершения моего исследования японской скорописи, имеющего большое научное значение»¹⁵.

В одном из своих писем А.А. Холодович упоминает, что «в прошлом письме я сообщил вам о положении дел с вашим скорописным словарем. Судя по Вашей телеграмме, Вы все оставшиеся у меня материалы получили. Таким образом, с ответом на первую часть вашего письма, которое Вы в свое время мне послали, как будто все кончено. Но если в дальнейших поисках корпуса словаря или в Вашей дальнейшей работе в этой области понадобится моя помощь, я к Вашим услугам»¹⁶.

Как мы видим, М.Ф. Хван понимал цену своей работы и после освобождения сразу начал интересоваться судьбой своего дитища у своего учителя А.А. Холодовича, который, видимо, и отдал картотеку в Архив института. Удивительно, что эта картотека так и не была передана ее создателю, по непонятной для нас причине. То ли ее действительно не нашли, поскольку она не значилась в каталоге (возможно, из-за опасений, что она принадлежит арестованному Хвану), то ли ее сознательно не пожелали возвращать...

Однозначного ответа у нас нет. Очевидно лишь то, что случайно обнаруженные каталожные ящики принадлежали М.Ф. Хвану. Он так никогда и не увидел их и, видимо, махнул рукой на идею подготовить такой словарь. Блестящая эпоха выдающихся японистов, работавших в 30-е годы, ушла. На их место пришли другие, значительно менее яркие фигуры. Кому был нужен скорописный словарь в 1960-е? Кому была интересна личность и незаурядные дарования М.Ф. Хвана? Его потрясающие способности оказались ненужными в новой обстановке, и сам он чувствовал себя чужаком на факультете. Исчезли его блеск, энтузиазм, огромные профессиональные планы. От них осталась лишь превосходная книга «Идеография».

Есть огромная несправедливость в том, что словарь был найден почти столетия спустя после кончины М.Ф. Хвана. Сегодня некому завершить его работу: нет никого, кто мог бы соперничать с ним в искусстве скорописного письма. А это значит, что в ближайшие годы в отечественном японоведении так и не появится скорописный словарь, который мог бы стать яркой страницей в истории нашей науки.

¹⁵ Недатированное заявление из архива семьи Хван. Вторая страница отсутствует. Текст приведен в авторской редакции.

¹⁶ Письмо от 2 февраля 1958. – Архив семьи Хван.

Карина Овсепян

Размышления о судьбе спортсмена в СССР и анализ интервью с советским футболистом

Карина Степановна ОВСЕПЯН

*слушатель факультета истории
Европейского университета
в Санкт-Петербурге*

Размышляя о судьбе спортсмена, философ Ханс Ульрих Гумбрехт пишет, что «существует целый ряд самостоятельных сценариев существования спортсмена на пенсии, но ни один из них не озабочен главной проблемой – как сделать более плавным переход от статуса полубога к состоянию обычного человека»¹. Причины того, что лучшие спортсмены испытывают трудности после ухода из спорта и превращаются в «отбросы общества», он находит в том, что современное общество не имеет подходящего решения или какой-либо убедительной стратегии для существования великих спортсменов после окончания их карьеры². Х.У. Гумбрехт имел в виду, прежде всего, всемирно известных спортсменов (Мохаммед Али, Диего Марадона, Гарринча) и не упомянул тех, кто выступал под знаменами коммунистических держав. Однако и тем, и другим не удавалось безболезненно расстаться со спортом, даже если предположить наличие системы пенсионного обеспечения, разного

¹ Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта. – М., 2009. – С. 153.

² Там же. С. 152.

рода благотворительных фондов и иных программ социального обеспечения, помогающих любому человеку существовать при условии его собственной социальной активности. Во многих случаях речь шла в основном о психологической травме после ухода из спорта из-за необходимости поисков своей позиции в обществе. В СССР ситуация отличалась еще и тем, что, например, футболист, игравший за клуб высшей или первой лиги, получал зарплату, неплохую по отечественным меркам, но после ухода из «любительского» (на самом деле, профессионального) спорта вынужден был искать способы заработка. В результате к травме психологической прибавлялись трудности, связанные с необходимостью приспособливаться к новой экономической ситуации.

Судьбы спортсменов в коммунистических странах в немалой степени находились в руках системы и ее руководителей. Автор книги «Большой спорт и большая политика» М.Ю. Прозуменщиков замечает, что «определенное, а зачастую и определяющее значение имели симпатии и антипатии лидеров государства к отдельным спортсменам и даже видам спорта. В этих случаях даже за одинаковые провинности одни получали максимальное наказание, а дела других – “спускали на тормозах”. Некоторым просто не везло: они попадали под очередную кампанию по борьбе за “чистоту советского спорта” и становились своеобразными живыми примерами того, каким не должен быть советский спортсмен (с публикацией статей в прессе, упоминанием на всех собраниях и т.п.). В зависимости от политической ситуации или сугубо ведомственных интересов в ходе такой кампании могли не пощадить и очень известных спортсменов...»³. И лишь на рубеже 1960–1970-х, по его мнению, ситуация стала постепенно смягчаться, когда «советские спортсмены хоть и медленно, но все же избавлялись от роли гладиаторов, судьба которых зависела не столько от их спортивных выступлений, сколько от прихоти партийных и спортивных функционеров, их реакции на возможные и неизбежные в любом виде спорта неудачи»⁴.

Советские спортсмены не могли называться «профессионалами», поскольку это понятие в СССР ассоциировалось с положением в спорте на капиталистическом, буржуазном Западе, которому были присущи активный маркетинг, контракты, реклама, покупка/продажа игроков, – все то, что, безусловно, негативно оценивалось советским руководством и прессой. Поэтому даже те из них, кто выступал на уровне высших достижений, формально относились к «любительскому» спорту: они числились студентами, военнослужащими или рабочими, хотя игра, к примеру, в команде высшей лиги чемпионата СССР по футболу (в нашем случае) предусматривала зарплату⁵ и полную занятость (невозможность

³ Прозуменщиков М.Ю. Большой спорт и большая политика. – М., 2004. – С. 43.

⁴ Прозуменщиков М.Ю. За партийными кулисами великой спортивной державы // Неприкосновенный запас. 2004. – № 3.

⁵ См., например, штатное расписание футбольной команды мастеров «Зенит» на 1958 год, которое содержит список игроков и получаемую ими зарплату. – ЦГА СПб. Ф. 2187. Оп. 7. Д. 198. Л. 3.

совмещения с какой-либо другой работой). Поскольку данный аспект будет затронут при анализе интервью, следует отметить в качестве одной из причин если не ухода из спорта, то, как минимум, перемен, которые могли стать судьбоносными, проблему призыва спортсменов в ряды Советской армии. М.Ю. Прозуменщиков пишет, что «за всем этим пропал живой человек, конкретный спортсмен со своими надеждами, талантом, способностями, амбициями. Сколько одаренных молодых футболистов, вырванных из своих команд в соответствии с “Законом о всеобщей воинской обязанности”, так и не смогли затем состояться как большие спортсмены. Даже те, кому посчастливилось попасть в солидные армейские клубы, далеко не всегда вписывались в игру этих команд и, часто оказываясь вне игры, теряли игровую практику, стремительно регрессировали в спортивном мастерстве. Что уж говорить о тех, кто попадал в действительно строевые части и выступал в лучшем случае за сборную гарнизона?!»⁶. Как писал А.П. Нилин, многие годы проработавший в редакции газеты «Советский спорт», «ни один клуб не располагал такими льготами для селекции, как ЦДКА и “Динамо”. Они могли призвать в свои ряды любого. До войны “право первой ночи” при выборе принадлежало “Динамо”. После войны оно перешло к армейскому клубу»⁷. Футболисты вспоминают о том, как им приходилось избегать призыва, скрываться, буквально прятаться, когда подобная угроза нависала наиболее остро. Один из зенитовцев, Владимир Казаченок⁸, например, не миновал призыва и несколько сезонов провел в московском «Динамо»⁹. Однако, по мнению Р. Эдельмана, стратегия «маниакального» пополнения команды ЦСКА талантливыми спортсменами, при которой эта команда могла стать и основой сборной страны, сработала не в футболе, а в хоккее. Он пишет, что «поскольку официально профессии “спортсмен” в СССР не существовало, игроки не могли рассчитывать на пенсии и имели мало шансов устроиться после окончания игровой карьеры. Многие из них скатывались на дно, в мир организованной преступности»¹⁰. Армия здесь выглядела предпочтительней из-за возможных зарубежных поездок, достатка, славы и надежной военной карьеры после завершения хоккейной¹¹.

⁶ Прозуменщиков М.Ю. Большой спорт... – С. 368.

⁷ Нилин А.П. XX век. Спорт. – М., 2005. – С. 226.

⁸ Владимир Казаченок (род. 1952, Колпино) – ленинградский футболист, нападающий. Выступал за «Зенит» (1971–1975 и 1979–1983) и московское «Динамо» (1976–1979).

⁹ Как Казаченок из «Зенита» в «Динамо» убергал // «Комсомольская правда»: [Сетевое издание]. – <http://www.kp.ru/daily/24057.5/301971/>

¹⁰ Эдельман Р. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР. – М.: Советский спорт; АИРО-XXI, 2008. – С. 271.

¹¹ Там же.

Конструируя биографию советского спортсмена из первых уст: анализ одного интервью с игроком «Зенита» 60-х годов

В рамках изучения проблемы биографии спортсмена и его судьбы после окончания выступлений на профессиональном уровне важно обращение к интервью. Американский устный историк Рональд Грил заметил, что интервью представляют собой «богатый источник документальных данных о среде, в которой происходят события», но, что еще более важно для нашего исследования, устные источники «позволяют реконструировать судьбы тех людей, которые иначе не попали бы в поле зрения историков»¹². В нашем случае интервью предоставляют важную возможность получения редких свидетельств о системе и специфике советского спорта, носившего амбивалентный характер, в соответствии с которым официальная позиция не всегда совпадала с действительной ситуацией. Применение метода устной истории – попытка понять, как советские спортсмены (в нашем случае футболисты) вспоминают о своем профессиональном выборе и своей судьбе.

Нами сделана попытка представить биографию советского спортсмена по его собственным воспоминаниям. Здесь мы сосредоточимся на отдельно взятом интервью.

Следует отметить, что респондент дал согласие на интервью не собственно интервьюеру, а посреднику, который хорошо с ним знаком и, очевидно, уговорил его пообщаться с интервьюером. Рассказывать о своем понимании современного футбола и жизни ветеранов он начал еще до начала записи. В тот день респондент был озабочен тем, что другой ветеран попал в больницу и ему требовалась определенная сумма на лечение, что сказало на содержании интервью. Частое возвращение респондента к настоящему моменту не позволило до конца понять его оценку событий прошлого.

Необходимо также отметить, что интервью проходило не в самой подходящей обстановке, поскольку комната, где проводилась запись, была проходной, было шумно, а всю вторую половину интервью в помещении присутствовал посторонний человек. Однако оно важно для понимания самоощущения успешного и известного в прошлом спортсмена, столкнувшегося с забвением в обществе в силу ряда причин.

Очевидно, респондент был настроен на беседу, но самостоятельно вести рассказ ему было трудно. Мы предполагаем, что он ждал наводящих вопросов. Начал он с того, что назвал место рождения, а далее сделал «скачок» ко времени, когда стал заниматься футболом. Можно предположить, что, по его мнению, описание детства не являлось для интервьюера значимым. Основной рассказ респондента был очень короткий и нуждался в дополнительных вопросах

¹² Грил Р. Слушайте их голоса: два примера интерпретации устно-исторических интервью // Хрестоматия по устной истории. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. – С. 296.

интервьюера. Вскоре нам пришлось прибегнуть к уточняющим вопросам, а затем и к составленному заранее вопроснику. Поэтому составить более целостный конструкт всего интервью, а также следовать механизму подбора гипотез (описанному Г. Розенталь¹³) в данном случае сложно. Однако можно выделить некоторые тематические поля, и особенно тему, служащую рефреном всего рассказа (к ней респондент постоянно возвращается), – противопоставление «раньше-сейчас» (где под «раньше», очевидно, подразумевается советский период, а под «сейчас» – современный период и эпоха коммерциализированного футбола). Краткость основного рассказа можно объяснить тем, что респондент заранее знал, что исследователь интересуется периодом его жизни после завершения спортивной карьеры. Как выяснилось, его жизнь после травмы сложилась далеко не лучшим образом, что могло также повлиять на лаконичность основного повествования.

Несмотря на то, что респондент вел рассказ при помощи наводящих вопросов, представляется возможным выделить те сюжеты, на которые он более охотно и подробно отзывался. К ним можно отнести эпизод уклонения от службы в советской армии, общение с представителями органов государственной безопасности перед выездом за границу, распорядок дня спортсмена и другие моменты. Мы можем составить со слов респондента схему основных событий его жизни, имевших этапный характер: родился в Воронежской области в полной семье; окончил 7 классов обычной школы и еще 3 класса вечерней; начал играть в футбол в дворовых командах, проявляя физическую активность и интерес к различным видам спорта; выступал за команду класса «Б»; затем за команду класса «А»; через год был включен в Олимпийскую сборную; через два года – в основную сборную; получил травму; работал тренером; развелся, пережил смутный период; сейчас работает с ветеранами спорта данного района. Последнее обстоятельство и тот факт, что респондент сам является ветераном клуба, как мы убедились, существенно формирует его рассказ о прошлом. В ходе интервью он также признался, что свою жизнь после спорта не планировал, какого-либо специального образования не получал.

Как уже было отмечено, общий нарратив интервью носил фрагментарный характер, в зависимости от вопросов интервьюера и сюжетов, возникавших в памяти интервьюируемого. Иногда переходы, которые он делал в своем ответе, были неожиданными. Так, вопрос о «карантине» футболистов (когда спортсмены должны были неотлучно находиться на базе в течение нескольких дней – как правило, перед игрой) спровоцировал дальнейшие рассуждения респондента о профессионалах: «...профессионалы (имеется в виду, у профессионалов. – К.О.)... никогда этого нет. Они свободно живут. Они знают, на что зарабатывают, иначе накажут. У нас... какая разница, если надо выпить, возьму с собой бутылку, выпью там или где-то. У нас: это нельзя – на весы, это нельзя –

¹³ Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003.

на весы...». Что указывает на недовольство дополнительными запретами, которые налагались на советских спортсменов руководством. Таким образом, очевидное противопоставление, встречающееся в рассказе: «они» (западные профессионалы) – «у нас» (в СССР). Далее разговор плавно перешел к теме советской одежды: «Наша одежда – вообще не присесть. <...> Материал такой “классный”, что присел – уже весь помятый, все вздернуто...»

Еще одна характерная особенность данного интервью – респондент почти не называет дат. То есть у него нет четкой привязки ко времени. Даты озвучены наиболее ярко дважды, при описании значимых и судьбоносных моментов: дата успеха (участие в чемпионате мира, 1966 год) и серьезная травма (1967 год), после которой успешная карьера футбольного игрока пошла на спад.

Респондент, являясь ветераном футбольной команды «Зенит», о выступлениях команды (о самих играх) почти не вспоминает. Возможно, это связано с тем, что в те годы «Зенит» играл не очень успешно и чудом избежал вылета из высшей лиги в первую. Другим объяснением может служить то, что для интервьюера это, по мнению респондента, может быть, не очень существенно.

В некоторых фрагментах интервью позиция респондента представляется неоднозначной. Не всегда становятся очевидными причины недовольства. Из уст респондента звучат жалобы, но как будто произвольно для него самого: «Дай Бог, сейчас дошло до этого. А раньше придешь, никому ничего не скажи, ничего не это. Сидишь...», что снова указывает на значимость для респондента изменения ситуации: «раньше, сейчас». Часто звучит тема несправедливости: «Так мы приехали с чемпионата мира, с нас еще деньги высчитали. Обещали...» и недооцененности: «Уже не хочется ходить, просить... Отыграли – выброшены, и все – до свиданья!».

Респондент в ходе рассказа формирует два типа современных детей, начинающих заниматься футболом. Для первого характерна природная подвижность, спортивная разносторонность, природные данные, непритязательность (здесь мы находим прямую отсылку к детству самого респондента), необеспеченность, неизбалованность; для второго – отсутствие живого интереса к спорту; повышенные требования к условиям, в которых проходят занятия; отсутствие мотивации добиваться результатов; материальная обеспеченность («привозят мама с папой на машине»), а также компьютерная зависимость.

В ответах респондент перескакивает с одной темы на другую, в том числе и в связи с вопросами интервьюера. Для информанта характерно использование в речи эмфаз: такая вот жизнь, вот, там, так что, вот так.

Хронологическую структуру интервью можно приблизительно выстроить следующим образом:

Вначале с семьей жили тяжело / играл с мальчишками на улице / дано природой / тренеры заметили и взяли / попасть в сборную было тяжело / игры за сборную / признавали лучшим защитником / травма («двусторонний мениск –

и все, закончилась моя игра») / потом работал на ЛОМО / потом пригласили в Новгород играющим тренером / «никому ничего сейчас не нужно» / **«раньше было, а сейчас»**¹⁴ (например, «раньше воспитание совсем другое было, уважение...») / подрался, попал в лагерь / квартирный вопрос / «просто обидно за ветеранов» / «я рад, что до такого дожили» / раньше были свои воспитанники / деньги / «мы бы сейчас с такими нагрузками отдыхали» / **«сейчас»** такие условия» / «я никогда не экономил» / «вот сейчас смотришь, только смотреть не на что – футбол за такие деньги» / «сейчас я бы и по уму сыграл лучше, не только по скорости» / «загнали (ветеранов. – К.О.) в 17 сектор, где ругаются, **разве мы это заслужили?»** / «гнутьяся, прогибаться перед кем-то не хотел»... В целом все, что вспоминает респондент, в той или иной степени касается спорта. Разве что за исключением темы коррупции всероссийского масштаба...

Устными историями замечено, что информанты рассказывают о том, что (как они полагают) от них хотят услышать¹⁵. В нашем случае респондент на начальном этапе интервью также пытался подстроиться под запрос интервьюера, однако позже все чаще стал переходить на более актуальную для него тему. Так, интервьюируемый не мог умолчать о некоторых сюжетах, просил о них не писать, но продолжал о них говорить, как будто не имел возможности остановиться, что звучало как рассказ о наблевшем.

Рассказ о призыве в армию выглядит путаным, но ярко иллюстрирует ситуацию:

Респондент: В то время было... Гречко... который был... командующим. И там отбирали тоже в МВО [Московский военный округ]. Для ЦСКА МВО. И мне сразу пришла телеграмма, не телеграмма, пришла повестка в армию – меня в МВО набирают. Ну я раз... еще случай был... я перелез... И у нас еще воинская часть была, знакомая там, все это ясно. Я пришел, говорю: «Все, садите меня тут, повестка пришла». А мы играли как раз с портом ленинградским. Ну, я пришел, отыграл. И приезжает этот... эээ... Блин... Блинков из «Динамо», мы в ЦСКА играли там... Говорит: «Давай, вот от армии как раз будет». Водягин¹⁶ сказал: «Нет, подождите». Но я уже знал, что меня в Ленинград приглашают. Я сразу прихожу, сосед тоже знакомый, я говорю: «Дай... мне надо переезжать, семья... в Новомосковск...» Я в Донском жил, там, ну, 20 км, это где команда класса «Б» вот организовалась там, и город Новомосковск такой был. Он мне повестку эту дает, отметил мне, что я перехожу, а я сразу, раз, и в Ленинград. Приехал в Ленинград, устроился. Приезжаю туда – меня сразу под штыки: «Так, мы его в армию». Я говорю: «Надо вот трудовую взять, расчет чтоб получил». А председатель Спорткомитета приходит: «Так, мы тебя ждем». Военные подходят, я говорю: «Извините, прописка ленинградская». Ох-х-х, так они закрутились, [нрзб.] и всё,

¹⁴ Здесь и далее выделено нами.

¹⁵ Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. – СПб., 2003. – С. 49.

¹⁶ А.А.Водягин – главный тренер команды, за которую в описываемый момент выступал респондент.

и я в Ленинграде оказался. В армию тут тоже забирали, тогда тоже было. Приходили, в шкафу прятался, там и так убегал (*смеется*). <...>

Интервьюер: И как в итоге решали вопрос?

Респондент: Да ничего. Ну, как решили. Потом это, в Выборгском районе пришли, мне сделали как «не годен», написали что... ну, как раньше делалось это все везде, «не годен», военный билет белый.

Интервьюер: Ну и остальным так же, да?

Респондент: Да нет. Там Рязанов тоже бегал. Только у нас это... Аксенова забрали. Мы приехали из Германии. Я говорю: «Валь, не выходи. Видишь, там уже стоят патрули». Его сразу... с машины вышли там... зарплату получить... там все, приехали трен... после тренировок. «Вон, смотри, мне уже позвонили, – говорю, – там стоят». Его так, раз, в машину. Раз, забрали, и в ЦСКА. И так, человек ни там не играл, ни там... В Сибири отслужил там где-то. Ну, это конюшня была она самая натуральная. <...> Избегать любимыми путями приходилось.

Любопытно, что рассказ о типичных советских запретах (особенно связанных с выездами за границу) часто описывается настоящим временем, как будто респондент относит не самые приятные моменты прошлого к современности...

Удачным представляется замечание А. Томсона, что «память – это поле боя. Мы сражаемся с самими собой, формируя в памяти определенный образ нашего прошлого опыта и подавляя другие, альтернативные воспоминания. Мы участвуем в борьбе разных точек зрения на прошлое, различных воспоминаний о прошлом – борьбе, которая разворачивается в публичном пространстве»¹⁷. Несмотря на то, что публичная память в нашем контексте имеет меньшее значение, свой «договор» с памятью совершает каждый индивид. При проведении данного интервью и его анализе сложилось впечатление, что наш респондент выбирал из памяти уже сформировавшиеся, возможно, и не так давно, аттитюды. Хотя выбор этот показался исследователю в некоторой степени хаотичным.

В финальной части интервью, после жалобы, вздыхает и весело говорит: «Эх, не хочу я ничего говорить. Я доволен своей жизнью, и дай Бог, чтоб так было... с этой жизнью! Только не знал, что закончится так». *Интервьюер:* «Ну а как Вы вообще оцениваете, что выбрали такую футбольную стезю?». *Респондент:* «А что? Я бы снова начал так же все равно, мне нравилось! Хоть увидел все, посмотрел все, так что... Хрущев написал: “Я налетал столько-столько на самолете”. Если любого спортсмена взять, сколько он налетал, сколько перипетий было...»

Конечно, интервью не может быть полным. Респонденты, как правило, избегают дат, как и в нашем случае. С подобными проблемами столкнулась и Л. Пассерини: «Сами интервьюеры называли очень мало дат, часто не сообщали о месте своего рождения, о том, где они получили образование, а также

¹⁷ Томсон А. Легенда об АНЗАКе: исследуя национальную мифологию и память в Австралии // Хрестоматия по устной истории. – С. 189.

порой ничего не говорили о таких важных сферах своей частной жизни, как вступление в брак или рождение детей»¹⁸.

В ходе рассказа респондента мы наблюдаем двойное забвение: забвение самого игрока в обществе на некоторое время, в силу разных причин, и забвение им самим его прошлого. Таким образом, можно предположить, что память респондента сегодня – это продолжающаяся на протяжении нескольких лет борьба за реабилитацию. В том числе и за реабилитацию в памяти, а также в памяти самого респондента.

Респондент признал, что его рассказ поверхностный. Но даже такой рассказ, безусловно, значим для исследователя при изучении советской эпохи и системы спорта в СССР. Резюмируя вышеописанное, справедливо отметить, что биографическое интервью может принести пользу не только на уровне генетического анализа (даже если мы не всегда имеем возможность проверить детали в других источниках), но и с точки зрения тематических полей¹⁹, акцентированных моментов, речевых, временных и стилевых особенностей.

В то же время было бы ошибкой считать данное интервью типичным и думать, что большинство советских спортсменов рассказывают о своем прошлом по такому же сценарию. Это свидетельство представляет лишь один из возможных путей советского спортсмена и воспоминаний о нем. Данное интервью является не основной иллюстрацией, но лишь одним конкретным случаем.

¹⁸ Пассерини Л. Рабочие Турина и фашизм // Хрестоматия по устной истории. – С. 243.

¹⁹ Подобное деление мы находим у Г. Розенталя (Реконструкция рассказов о жизни... – С. 332).

Сергей Фокин

«Россия уже мало похожа на ту, которую я знал».

Жизнь и смерть доктора Александра Филипченко

Сергей Иванович ФОКИН

*Университет Пизы,
Италия*

*Санкт-Петербургский
государственный
университет, Россия*

Герой этого очерка Александр Александрович Филипченко (1884–1938) – выпускник 2-й Санкт-Петербургской гимназии, беглый политкаторжанин, эмигрант, окончивший медицинский факультет Римского университета и вернувшийся, после объявления Временным правительством в марте 1917 г. политической амнистии, в Россию. А еще Филипченко один из основателей отечественной школы экологической паразитологии – науки о взаимоотношениях паразита, хозяина и их среды обитания¹. Однако последний факт известен даже не всем специалистам-биологам, так как участие доктора Филипченко в становлении этой биологической дисциплины долгое время замалчивалось. Одна из очевидных причин этого – гибель ученого в 1938 в ходе массовых репрессий советского государства против собственных граждан.

¹ Основание и развитие этой науки в России обычно связывается с именем Валентина Александровича Догеля (1882–1955) – доктора биологических наук, профессора, члена-корреспондента АН СССР, воспитателя нескольких поколений советских зоологов. Имя А.А. Филипченко, напротив, малоизвестно, хотя его вклад в создание ленинградской школы экологической паразитологии был весьма существенен.

Жизнь А.А. Филипченко во многом типична для представителей интеллигенции в послереволюционной России – талант, желание работать на благо страны и понимание невозможности этого в сложившихся условиях. Преодоление невероятных тягот Гражданской войны и послевоенной разрухи, осознание дела своей жизни и очевидные успехи на выбранном пути, а в результате – гибель от рук преступников, творивших беззаконие от имени государства. Как любая судьба, судьба доктора Филипченко воспринимается теперь как данность, но, следя за тем, как шла эта жизнь и какие развилки были пройдены так, а не иначе, понимаешь, что провидение не пустой звук и «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

Александр Александрович родился 24 марта 1884² в деревне Злынь Болоховского уезда Орловской губернии, принадлежавшей семье ученого-агронома А.Е. Филипченко (1842–1900), выпускника Петербургского университета, женатого на простой крестьянке А.С. Любавиной (1862–1942). Весьма разветвленный род Филипченко происходил от писаря Запорожского войска середины XVII в. – Пилипенко³.

Двумя годами раньше Шуры в семье родился первый сын Юрий (1882–1930) – в будущем зоолог и основатель Петроградской школы генетиков⁴. С 1894 по 1903 Александр учился в 2-й Петербургской классической гимназии, которую оканчивали два его дяди и старший брат. Как и старший брат, думая о продолжении образования, Александр колебался между Императорским С.-Петербургским университетом (ИСПБУ) и Императорской Военно-медицинской академией (ИВМА) и так же, как Юрий (сначала), предпочел медицину.

Выбранная специальность увлекала молодого человека, – уже после первого курса Академии он, отдыхая в деревне, стал «пользовать» больных, в том числе делать простые операции (вскрывать нарывы), при этом у него обнаружилась «легкая рука». Один из более сложных случаев, когда Филипченко удалось в прямом смысле спасти жизнь пациентке с травмой головы, настолько впечатлил начинающего медика, что он написал брату в Петербург: «Когда

² Архив Санкт-Петербургского государственного университета (АСПБГУ). Д. 3138. Дореволюционные даты даны по старому стилю.

³ См. интернет-публикацию книги Б.М. Филипченко «Біографічні сторінки із сімейного літопису одного роду» (в 47ч.), ч. 2: Сайт «Городище online». – <http://www/horodysche.org.ua/?id=71>. В этой работе сведения об А.А. Филипченко неполны и содержат некоторые ошибки, однако, безусловно полезны. (Далее при отсылках: Біографічні сторінки, с указанием части.) Следует указать и на публикацию рукописи брата А.А. Филипченко, Юрия Александровича: *Филипенко Ю.А. Несобственные воспоминания / Сост., предисл. и примеч. М.Б. Конашева // Нестор: Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. – № 12: Русская жизнь в мемуарах (из семейных архивов). Источники, исследования. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С. 144-174.*

⁴ Только благодаря архиву Ю.А. Филипченко, сохранившемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 813), удалось полностью реконструировать жизнь его брата, большая часть архива которого пропала в недрах НКВД. Ряд документов, в том числе воспоминания вдовы А.А. Филипченко, Анны Васильевны (урожд. Сухомлиной, 1891–1970), любезно были мне предоставлены А.С. Филипченко, внуком ученого, за что я глубоко признателен Алексею Степановичу.

я увидел, что все обошлось благополучно, и к тому же убедился, что вырвал ее из рук смерти, я был прямо-таки счастлив, счастлив безмерно! Понять это нельзя, это можно только почувствовать!»⁵.

Однако уже на первом курсе Александр примкнул к партии социалистов-революционеров (ПСР) и активно включился в революционную работу. Весною 1904 года в письме к брату, с которым у Александра были очень доверительные отношения и постоянная переписка, он признавался, что занимается мало и в лаборатории бывает редко⁶. В апреле 1905 года по делам партии Филипченко выезжал в Кишинев, Одессу, Севастополь и Ялту. Одним из результатов этой поездки стал первый арест и последующее исключение из Академии. Позднее вдова А.А. Филипченко вспоминала: «Научная работа привлекала Шуру. Когда он учился в Военно-медицинской академии, он с увлечением работал у знаменитого профессора Максимова⁷ по гистологии, но скоро революция захватила его целиком, он бросил все и с головой ушел в революционную деятельность, за что и получил каторгу»⁸.

С середины мая по начало августа 1905 года десять недель Филипченко провел в одиночной камере петербургских «Крестов»⁹ – месте, в сравнении с советскими тюрьмами 30-х годов, тогда вполне курортном. Оттуда он писал брату, работавшему на биостанции в Бологом: «Чувствую себя я во всех отношениях очень хорошо – и морально и физически, если же иной раз и нездоровится, или нападает хандра, то это бывает чисто временным <...>. Здесь появилась откуда-то очень приличная библиотека, которой и пользуюсь: то целую неделю читаю Каблукова, Каутского, Маркса или еще что-нибудь в этом роде, но совершенно их забрасываю на несколько дней и предаюсь Поль-де-Коку, Мопассану, Бредгарту, прочитывая по несколько книг в день <...>. С мамой вижу аккурратно 2 раза в неделю»¹⁰.

После выхода из тюрьмы он был выслан в Финляндию (Териоки), откуда, конечно, вскоре нелегально вернулся в Петербург. Как вспоминала двоюродная сестра Александра, Надежда Михайловна: «Шура весь ушел в партийную работу, был членом городского комитета ПСР, организовывал боевые, рабочие

⁵ ОР РНБ. Ф. 813. Д. 599. Л. 104 (для этого фонда далее указываются только номера дел и их листы).

⁶ Д. 599. Л. 79об.

⁷ Александр Александрович Максимов (1874–1928) – гистолог, эмбриолог; выпускник Имп. Военно-медицинской академии, член-корреспондент РАН с 1920.

⁸ Воспоминания А.В. Филипченко. Машинописная копия. С. 38. – Архив А.С. Филипченко. Анна Васильевна была дочерью народовольцев В.И. Сухомлина и А.М. Гальпериной. Училась на философском факультете Римского университета (1911–1913), историческом отделении Высших женских курсов (Киев, 1914, 1917); в 1929 окончила Высшие курсы библиотекovedения при Публичной библиотеке (Ленинград) и долгое время была старшим библиографом этой библиотеки.

⁹ Д. 599. Л. 113-135.

¹⁰ Там же. Л. 117-126.

дружины и уже среди зимы крепко сел»¹¹. К лету 1906 года он вышел на свободу и почти сразу уехал по партийному заданию в Европу (Швейцария), а вернувшись в Петербург в августе, принял участие в организации газеты «Знамя труда»¹². В сентябре 1906 А.А. Филипченко был вновь арестован и приговорен С.-Петербургским военным окружным судом к шести годам каторжных работ¹³.

Ожидая отправки на этап 1 августа 1907, он писал матери из Петербургской пересыльной тюрьмы: «Радуюсь, что не попал ни в Москву, ни в Смоленск, а есть надежда отправиться в Шлиссельбург или Сибирь. И туда, и туда я попаду с удовольствием (кроме Тобольской тюрьмы, которой боюсь как огня), так как всюду есть свои хорошие стороны жизни: в Шлиссельбурге – можно будет заниматься и видаться с вами; в Сибири – месяца через три по приезде можно (как говорят) будет выйти в вольную команду, т.е. жить более-менее на свободе»¹⁴.

В результате недоучившийся студент А.А. Филипченко попал на каторгу в Сибирь: Горный Зерентуй (Зерентуйская каторжная тюрьма, Нерченский округ)¹⁵, куда он прибыл по этапу только 12 октября 1907. Несмотря на предположения о возможности скорого выхода на вольное поселение, почти два года ему пришлось отсидеть в тюрьме, хотя через восемь месяцев после прибытия он был переведен в команду богодельщиков¹⁶. Одним из сокамерников А.А. Филипченко был известный эсер-террорист Е.С. Созонов (1879–1910)¹⁷, с которым у него установились дружеские отношения. В 1908 Александр Александрович писал матери, собиравшейся его навестить в Зерентуе: «Чувствую себя последнее время очень хорошо, главным образом потому, что живу сейчас в необыкновенно хороших условиях. Перед этим я себя почувствовал очень скверно: сильно расшатались нервы, начались сильные головные боли и слабость от малокровия и вообще условий сидения в переполненной камере и т.д. <...>. Перебрался в больницу. Последняя, после тюремной обстановки, показалась мне раем небесным, в котором я сразу стал оживать. Маленькая палата, в которой нас живет

¹¹ Біографічні сторінки, ч. 8. – <http://www.horodysche.org.ua/?id=90>

¹² Справка по архивно-следственному делу в отношении Филипченко А.А. 1956 г. (далее – Справка 1956 г.). – Д. 599. Л. 142. (Копия в архиве автора статьи.)

¹³ Книжка арестанта А. Филипченко. – Д. 1022. Л. 2.

¹⁴ Д. 1001. Л. 92–93.

¹⁵ Село в Нерченско-Заводском районе Забайкальского края в 700 км к юго-востоку от Читы, на границе с Китаем. Основано при Старо-Зерентуйском серебряноцинковом месторождении в 1732. С начала XIX в. центральная тюрьма Нерчинской каторги. В 1907 в Зерентуе содержалось свыше 800 заключенных, в том числе большое число политических. Путь арестантов от берега Байкала до Горного Зерентуя (через Верхнеудинск) в последней четверти XIX в. занимал около двух месяцев. С начала XX в. этапирование осуществлялось только по железной дороге.

¹⁶ Этот разряд каторжан не занимался тяжелыми работами: «актом особой комиссии 25 июня 1908 г. зачислен в разряд богодельщиков с содержанием в тюрьме без кандалов один год» (Книжка арестанта А. Филипченко. – Д. 1022. Л. 2).

¹⁷ Егор Сергеевич Созонов (Сазонов) 15 июля 1904 в Петербурге возле Варшавского вокзала бомбой убил министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве.

всего три человека, тишина и покой, свежий, чистый воздух, большие прогулки и, главное, хорошая, питательная пища. Словом, вся обстановка сразу оживила и душу мою и тело»¹⁸.

Умение ладить с разными людьми и твердые жизненные принципы позволили Филипченко завоевать определенное положение на каторге. Много позднее его вдова вспоминала: «Придя на каторгу, будучи, собственно говоря, еще мальчиком, 22–23 года, он очень скоро приобрел любовь и уважение товарищей, которые оказали ему высокую честь, выбрав его старостой всей каторги <...>. Он должен был сноситься с начальством, добиваться более сносных условий существования, добиваться выписки книг. Должен был следить за питанием товарищей, за наиболее рациональным расходом средств <...>. Нар не хватало, надо было делить товарищей на тех, кто спал ночью, и тех, кто спал днем <...>. Но самое трудное было общение с уголовниками, особенно с «Иванами»¹⁹. Шура умел ладить со всеми, за что получил прозвище «Круглый», которое ему, кажется, дал Сазонов. Шура страстно любил Сазонова. Сазонов тоже любил Шуру и называл его в шутку «доктор Пинч»»²⁰.

Открывшийся туберкулезный процесс позволил А.А. Филипченко перейти летом 1909 года на поселение в городок Баргузин, куда он добрался в конце июля. Оттуда он в августе писал матери: «О жизни здесь, в Баргузине, еще никому подробно не писал, вот и расскажу тебе. Живу на квартире (комната за 2,5 руб. в месяц) с уборкой и стиркой. Устроился, словом, очень удачно <...>. Окрестности здесь удивительно красивы и разнообразны, так что прогулки доставляют огромное удовольствие. Зверя и дичи уйма, только вот охотиться не с чем. Вообще Баргузин город только по названию, сам же по себе не больше как деревня»²¹.

Режим поселения был вполне свободный, и, как многие политические, Филипченко бежал осенью 1909 года из Сибири в Европу, где сначала (около четырех месяцев) жил в Германии (Мюнхен). Устройством побега, а главное, его финансированием Александр Александрович, как еще не раз в жизни, был обязан брату Юрию²².

«Мюнхенские каникулы» продлились недолго, но прошли, по-видимому, весело. Там, после почти четырехлетней разлуки, А.А. Филипченко встретился

¹⁸ Д. 1001. Л 95, 95об, 97.

¹⁹ «Иваны» – элита уголовного каторжного мира.

²⁰ Воспоминания А.В. Филипченко. С. 38–39. Видимо, имелся в виду персонаж «Комедии ошибок» Шекспира – фокусник и заклинатель, изгоняющий беса.

²¹ Д. 1001. С. 100, 143.

²² Ю.А. Филипченко был тогда «оставленным для приготовления к профессорскому званию» (аспирантом) ИСПбУ и жил на стипендию и приработки. Вдова А.А. Филипченко вспоминала: «Юрий, действительно, вел себя по отношению к Шуру безукоризненно. Он помогал ему все время, когда Шура был на каторге, послал туда мать, которая прожила зиму в Зерентуе, навещая сына. Помог деньгами при побеге. Когда Шура бежал за границу, он посылал ему ежемесячно небольшую сумму, на которую Шура мог существовать. Делал он все это, будучи сам еще далеко не обеспеченным человеком. Давал уроки в нескольких гимназиях, не имея времени для своей научной работы». – Воспоминания А.В. Филипченко. С. 38.

с братом и тремя двоюродными сестрами, так что жили своей компанией. Далее он решил продолжить медицинское образование, для чего летом переехал в Италию и осенью 1910 года поступил на медицинский факультет столичного итальянского университета. В Риме А.А. Филипченко провел пять лет²³.

В начале своей итальянской жизни новоиспеченный студент, естественно, вращался в специфическом политэмигрантском русском сообществе, чему способствовало и его членство в оргбюро Общества Русской библиотеки-читальни имени Л.Н. Толстого (1912–1917)²⁴. Среди его знакомых появилась студентка философского факультета Римского университета Анна Васильевна Сухомлина, которая вскоре стала женой А.А. Филипченко. Вот как она вспоминала о начале знакомства с будущим мужем: «Когда я познакомилась с Шурой в Риме, он имел вид, с моей точки зрения, недопустимый. Я воспринимала его как какой-то гротеск. Он, бедняга, не имея ни копейки на одежду, ходил в чужих обносках, которые собирали для политэмигрантов <...>. На голове у него был котелок, от вида которого у меня делалась судорога! <...> В довершение всего он был с окладистой бородой и с усамы. Благодаря этому, несмотря на свои 27 лет, он казался пожилым человеком»²⁵.

Весной 1912 года у А.А. Филипченко обострился туберкулезный процесс. К счастью, в этот время в Рим из Неаполя приехал его брат Юрий, который не только обновил гардероб Шуры, но и увез его для поправки здоровья на Ривьеру. Время, проведенное с братом, а потом с будущей женой на побережье Лигурии, пошло на пользу²⁶: Александр успешно сдал университетские экзамены, а в следующем, 1913 году, у «молодоженов» родился первый сын – Егор²⁷.

Зимой 1914/15 года А.А. Филипченко участвовал в спасении людей после одного из сильных итальянских землетрясений, где проявил себя не только как умелый врач, но и как смелый человек. В 1915 он окончил медицинский факультет и получил место ассистента в одном из крупных муниципальных госпиталей Рима. Место было, однако, низкооплачиваемое (150 фр.), и вскоре, имея в виду прибавление семейства (жена ждала второго сына, родившегося 17 марта

²³ В эти годы Александр, как и на каторге, получал материальную помощь от брата, который в 1911–1912 работал в Германии и Италии (Мюнхен и Неаполь) над своей магистерской диссертацией. Судя по репериске, братья виделись и в Германии, и в Италии.

²⁴ См.: *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки Русской Италии. Исследования и материалы. – Кн. 1. – М.: Русский путь, 2011. – С. 132. Общество занималось помощью политэмигрантам. В качестве приработка Филипченко также помогал историку, чл.-корр. Имп. Санкт-Петербургской Академии наук Е.Ф. Шмурло (1853–1934) при его работе в римских архивах, а иногда подрабатывал переводами и экскурсиями по Риму; одно время он работал в статистическом бюро.

²⁵ Воспоминания А.В. Филипченко. С. 40.

²⁶ Есть основание полагать, что время, проведенное с братом в Кави (Cavi), недалеко от Генуи, Ю.А. Филипченко оторвал от своих научных занятий на Неаполитанской зоостанции (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15154. Л. 11).

²⁷ Сухомлина и Филипченко не состояли в это время в официальном браке. Ребенок умер зимой 1915 года от менингита в Киеве, куда Анна Васильевна поехала учиться на историко-филологическом факультете Высших женских курсов. К мужу в Италию она вернулась летом 1915 года.

1916), он уехал с ней в провинцию Мачерата (Macerata) «земским врачом», в местечко Монтекозаро (Montecosaro) недалеко от Адриатического побережья. Там зарплата была много выше – 500, а потом даже 750 фр.

В Европе уже больше года шла Великая война. Из сельской глубинки, несколько освоившись, доктор Филипченко писал брату в Петроград в январе 1916 года: «Как-то беспросветно кажется все впереди с этой бесконечной войной. По-прежнему тоскую сильно по России, тянет туда, не дай Бог как... Материально и физически живем хорошо. С работой своей почти уже совершенно освоился. Работа, в общем, конечно, хорошая, но, несмотря на это, частенько сожалею о том, что пришлось бросить Римский госпиталь. Там школа – можно совершенствоваться и учиться, тогда, как здесь *la forza* будет стоять на точке замерзания»²⁸. Желание совершенствоваться в хирургии толкало Филипченко на поиск подходящего места: в мае 1916 года он почти уже согласился на переезд в Салоники, где ему предлагали место в госпитале для сербских солдат, но дело расстроилось; в начале 1917 семья было выехала обратно в Рим, где Александра Александровича ждала прежняя работа в госпитале, но болезнь жены и сына не позволила и этому плану осуществиться²⁹. Казалось бы, доктор Филипченко, уже «встав на ноги», должен был остаться в Италии и, может быть, со временем стать там известным хирургом (область медицины, которая его интересовала больше всего). Тем более, что из писем брата он хорошо знал ситуацию в России и представлял себе, что там вряд ли его ожидают хорошие условия для работы и быстрая карьера. И, тем не менее, все чаще А.А. Филипченко задумывался о возвращении на родину.

Шло время, в России уже произошла Февральская революция. «А подумать только – как пролетели эти 10–12 лет! – писал он брату. – Благодаря тюрьмам, каторге, эмигрантству, у меня как-то почти нет ясного ощущения всех перемен, произошедших за эти годы. Минутами кажется, что вот вернусь снова в Россию и снова увижу там нашу семейную жизнь, от которой в действительности-то уже почти ничего не осталось. Да и сама Россия уже мало похожа на ту, которую я знал... Боюсь, что и впрямь старичком лишь удастся вернуться в Россию»³⁰. Обстоятельства, однако, изменились очень быстро, – российским консульством было официально объявлено, что эмигранты могут вернуться в Россию, получив паспорта и деньги на проезд. «Шура поехал в Геную, – вспоминала Анна Васильевна, – и получил паспорт не только для себя, но и для меня с сыном, на свою фамилию. Таким образом, я с 1917 г. стала носить его фамилию»³¹.

²⁸ Д. 603. Л. 3. *La forza* (итал.) – сила.

²⁹ Д. 603. Л. 14, 33. Сын – Степан Александрович Филипченко (1916–1943). Окончил биофак ЛГУ в 1939, генетик; с июня 1941 на фронте; начальник Островного разведотдела КБФ, старший лейтенант. Кавалер ордена Красного Знамени за личное мужество. Умер от ран после рейда по тылам противника, похоронен на о. Лавенсаари в Финском заливе.

³⁰ Д. 603. Л. 26.

³¹ Воспоминания А.В. Филипченко. С. 51.

Добратся в Россию во время военных действий было непросто. Жена с годовалым сыном сначала выехали в Швейцарию, а оттуда в «запломбированном» (на манер ленинского) вагоне проследовали через Германию и на пароходе в Швецию, где их встретил Александр Александрович, добравшийся туда через Лондон. Оттуда уже всей семьей отправились в Россию. 15 июня 1917 они впервые за 8 лет (а сын Степан впервые в жизни) оказались в России, в революционном Петрограде. К несчастью, они разминулись с Ю.А. Филипченко, и, прожив (в ожидании его приезда) в городе несколько недель, доктор Филипченко решил отправить семью в Киев³². Сам он присоединился к семье в начале сентября³³.

Уже из Киева он писал Юрию Александровичу: «Помню, когда мы приехали в Петроград, и я и Ася прямо-таки ошеломлены и удручены были русской действительностью. Азия, настоящая Азия во всем, буквально во всем <...>. И вот четыре месяца живу я на нашей Руси, а сказать правду, все еще не чувствую себя русским, не чувствую родной эту азиатчину»³⁴. Были, по-видимому, у братьев и разговоры о политике. Сразу по возвращении в Россию Александр писал Юрию: «С интернационалистами и циммервальдистами³⁵ я ничего общего не имею и стою на самом плохом счету у них, как “патриот”. Хотя, по совести, и с этими последними имею мало чего общего. На счет “общегосударственной” деятельности тоже ты напрасно волнуешься. Все-таки я уже не мальчик, школу жизни прошел без хвастовства суровую, не дай Бог и другим такую проходить <...>. Максимум моих желаний пока – устроиться где-нибудь военным врачом (ведь я военно-обязанный) и по мере сил делать свое маленькое дело»³⁶.

В Петрограде репатрианты застали массовые июльские демонстрации 1917 года, – начиналось самое смутное время перед большевистским переворотом. А.В. Филипченко вспоминала: «На улицах происходили непрерывные митинги. Во всех залах шли собрания. Тротуары, улицы, трамваи были засыпаны шелухой от семечек (где их только брали?) <...>. Было решено, что я с ребенком первая поеду в Киев»³⁷.

К сожалению, выбора у доктора Филипченко уже не было – уезжать на Запад один он не хотел, а уехать с семьей было малореально – за окном была осень 1917 года. А.А. Филипченко устроился в Киеве работать в Красном Кресте – ассистентом в хирургическом госпитале, подрабатывал он также в амбулатории

³² В Киеве жили родители А.В. Филипченко.

³³ До сентября, чтобы расплатиться с долгами, А.А. Филипченко работал во Врачебно-санитарном отделе Петроградской городской управы (Д. 603. Л. 40об.).

³⁴ Д. 603. Л. 40об.

³⁵ Имеется в виду международная группа революционных левых социалистов, делегатов Циммервальдской конференции (1915), которую возглавили В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев и К. Радек. Основной лозунг группы – «превращение империалистической войны в гражданскую».

³⁶ Д. 603. Л. 36об.

³⁷ Воспоминания А.В. Филипченко. С. 52, 53.

и на кафедре врачебной диагностики местного университета. Так прошел год. Через Киев волна за волной прокатывались смены власти: Центральная украинская Рада, большевики, немцы, гетман П.П. Скоропадский, С.В. Петлюра, опять большевики...³⁸. В конце января 1918 Филипченко писал брату в Петроград: «Из Петрограда в Киев письмо идет дольше, чем в Рим во время войны! Впрочем, эта такая мелочь в нашей современности, что смешно даже и говорить об этом. Вчера, например, нас почти целые сутки обстреливали из орудий, разрушили целый ряд домов, перебили массу народа, и на все это население почти не обращает никакого внимания <...>. А на такие вещи, как ружейная или пулеметная стрельба, – уж абсолютно не обращают никакого внимания, т.к. стреляют всюду и всегда, круглые сутки. И при всем том, приезжающие из Петрограда удивляются нашему шикарному житью... представляю, что творится у вас...»³⁹. При этом оба супруга, похоже, напрямую не связывали происходившее с существовавшей на тот момент властью (большевиками) или, по крайней мере, не акцентировали на этом факте внимания в письмах⁴⁰. Вот как А.В. Филипченко позднее описывала вход большевистских войск в Киев в феврале 1919: «Зрелище было очень интересное и, я бы сказала, живописное. По Крещатику непрерывным потоком ехали танки, повозки всех сортов, непременно украшенные красной материей <...>. Публика, в большинстве рабочего вида, встречала их восторженно. В первый раз после этих кошмарных дней мы взглянули друг на друга с прояснившимися лицами и сказали: “Это, кажется, наконец что-то настоящее. Это не высокомерные белогвардейцы, не наглые и пьяные петлюровцы!”»⁴¹. Позднее (в июне 1919) А.А. Филипченко писал брату: «Скажу тебе откровенно: душою я уже давно с большевиками, только они одни мне близки и родны по духу, и то, что я еще активно не в их рядах, что иногда ругаю их с обывательской точки зрения, – все это считаю для себя большим минусом»⁴².

Очевидно, возникшие (не ясно, в какой момент) симпатии к «власти рабочих и крестьян» не давали супругам Филипченко возможности беспристрастно описывать происходившее, – например, упомянуть две волны красного

³⁸ Некоторые историки насчитывают до 18 смен власти в Киеве за 1917–1920 гг.

³⁹ Через полгода Ю.А. Филипченко записал в дневнике: «Все больше и больше нарастает сознание, что у нас на размышление еще 2–3 месяца. Если в течение этого времени все будет идти так же, придется, оставив все здесь, уезжать, чтобы не погибнуть от голода и холода будущей зимой в Петрограде. Но куда и как?» (Д. 42. Л. 48об.).

⁴⁰ Единственное объяснение симпатий к большевикам содержится в воспоминаниях А.В. Филипченко, и, вполне возможно, что оно возникло ретроспективно: «Мой муж с первых дней прихода большевиков стал работать у них в Наркомздраве. Его, как и меня, поразила одна, самая характерная в то время черта большевиков. Куда и когда бы они ни вступали, они без промедления брались за дело. Откуда у них была эта черта, которую можно назвать чертой рачительных хозяев?» (Воспоминания А.В. Филипченко. С. 61).

⁴¹ Там же. С. 60–61.

⁴² Д. 603. Л. 87. Взгляд на политику большевиков у братьев существенно различался – Ю.А. Филипченко называл происходившее в 1918–1919 «сумасшедшим домом».

террора в Киеве в феврале 1918 и в августе 1919, свидетелями которых они, несомненно, были.

Несмотря на полувоенный быт, семья и работа привязывала А.А. Филипченко к Киеву, тем более, что в 1919 он получил место заведующего отделом управления Украинского Красного Креста. Работа была чисто административная, но значительно лучше оплачиваемая, а это, при наличии семи человек в семье, было важно⁴³. Было еще одно очень существенное соображение – забрезжила возможность выезда за границу. В апреле 1919 (снова при большевиках) Филипченко писал брату Юрию: «Занят все время ужасно. Прихожу домой только ночевать... И сейчас вот сижу в приемной у Наркомвоена в ожидании, когда придет моя очередь <...>. Старую службу я бросил. Перешел в Украинский Красный Крест, в Управление. Пока занял должность заведующего отделом медицинского снабжения, но это только временно. Дело в том, что Крест этот устраивает теперь посылку делегаций за границу для закупки медикаментов <...>. Поеду в Германию и Данию. Поездка эта в стадии организации, и, сказать правду, нет уверенности в возможности ее осуществления»⁴⁴. Поездка, увы, действительно не состоялась, а выехать удалось в конце 1919 года только в Одессу, где доктор Филипченко с семьей надолго застрял.

Тем временем общая ситуация в Киеве оставалась перманентно тяжелой, а с продуктами становилась все хуже. В начале лета 1919 Филипченко писал брату: «Мы уже не можем приглашать Вас сюда поотъестыся. Голода, правда, у нас еще нет, но призрак его уже витает над нами. Мы, например, всемером, за май месяц прожили, вероятно, тысяч восемь, а жили в достаточной мере неважно»⁴⁵.

Когда к августу 1919 положение красных армий Южного фронта стало оцениваться как тяжелое, большевики усилили репрессии против местного населения, которые, собственно, продолжались все время этого периода советской власти в Киеве (февраль – август 1919)⁴⁶. Киев был объявлен «укрепрайоном», и его комендантом был назначен Я.Х. Петерс (1886–1938), а заместителем – М.И. Лацис (1888–1938), оба из наиболее кровавых чекистов⁴⁷. «Однажды утром газеты вышли с бесконечно длинным, столбца в два, списком расстрелянных. Их было, кажется, 127 человек; мотивом расстрела было выставлено враждебное отношение к советской власти и сочувствие добровольцам»⁴⁸.

⁴³ Филипченко жили с родителями Анны Васильевны, а поскольку она часто и надолго уезжала для чтения лекций или добывания продуктов, то для сына пригласили няню (вероятно, была и кухарка).

⁴⁴ Д. 603. Л. 70, 74.

⁴⁵ Д. 603. Л. 86.

⁴⁶ Масса документов на эту тему напечатана или опубликована в сети; см., например: *Волков С.В.* Красный террор глазами очевидцев. – Айрис-пресс, 2014. – 448 с.; *Машкин А.* Красный террор в Киеве 1918–1919 годов. – kontrev.ho.ua/bibl/Mash7.html

⁴⁷ Оба они во время чисток 1930-х были расстреляны.

⁴⁸ *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний (1917–1920 гг.) // Архив русской революции (Берлин). – 1922. – Т. VI. – С. 257.

Реальное число расстрелянных было, конечно, много больше, а в последние дни августа убивали уже без счета... Понятно, что эти события не могли пройти незамеченными для доктора Филипченко. Не вдаваясь в детали происходившего, он писал в июне 1919 брату: «Самое ужасное в нашей революции – жестокость и кровь <...>. Надо вообще решить вопрос – можно убивать или нет? И я думаю, что можно. Раз можно убивать мародеров на войне, раз можно убивать врага на войне, то я не понимаю, почему нельзя убивать ради осуществления великих идей. Я не мог бы этого делать, ни при каких условиях, ни во имя каких-либо идей и идеалов. Но я понимаю, что Егор должен был убить Плеве⁴⁹, понимаю, что власть большевицкая, поскольку она есть и хочет быть властью в переживаемый момент, должна практиковать расстрел. Ужасная, но необходимость»⁵⁰. Видимо, тогда так думали немало «сочувствующих». Им и в голову не приходило, что однажды очередь может дойти и до них.

Почти год Ю.А. Филипченко ничего не знал о судьбе брата и только весной 1920 года из Одессы в Петроград добралось письмо: «Без малого год, как не писал тебе. Впрочем, последние 8 месяцев не только с вами, но даже с Киевом почти не было сообщений <...>. Столько прожито и пережито за этот год, что не знаю, о чем и рассказывать... Приехали мы сюда ненадолго. Предполагали либо вернуться в Киев, либо уехать за границу, ни то, ни другое не вышло, и вот сижу в Одессе, которую ненавижу всей душой <...>. Я был нагнан волной отступающих добровольцев из Киева и часть пути совершил в этой волне – я ехал почти три недели до Одессы. Это было нечто неопишное. Такого сплошного перманентного грабежа и погрома так даже во сне не видели <...>. Полезно было бы всем, недовольным советским строем честным людям, побыть некоторое время в добровольческой атмосфере: сразу забыли бы все свои недовольства <...>. Незадолго до их ухода из Одессы я нашел себе работу в одном украинском кооперативе, учредившим у себя медико-санитарный отдел. Служу там и поныне <...>. Вообще чувствую себя до крайности мерзко, главная же причина та, что вот уже четвертый год не занимаюсь тем, чем должен был и чем хотелось – чистой медициной. Все мои службы и занятия за это время были исключительно заработком денег...»⁵¹.

В письмах к брату Александр Александрович постоянно размышлял над своим положением и перспективами: «Думается давно уже о том, чтобы вырваться, наконец, с этой проклятой Украины и уехать к Вам на север, либо в Италию. Это самая большая моя мечта. Видимо, нельзя даром прожить чуть ли не 10 лет в стране, да при том самые лучшие, и потом забыть о ней. Не знаю, но часто мне кажется, что Италию я люблю больше России, что она мне ближе и роднее всего.

⁴⁹ Речь шла о Е.С. Созонове.

⁵⁰ Д. 603. Л. 89об.

⁵¹ Д. 603. Л. 95, 96.

Во всяком случае, нет, несомненно, города наиболее доброго и любимого мною, чем Рим. Не будь у меня Аси и Степана, я давно бы был там. А пока что чувствую себя премемерзко. Здесь, в Одессе, это еще усиливается тем, что я, самый преданный сторонник советского строя, не только не принимаю в нем никакого участия, но как-то невольно работаю в среде, явно не симпатизирующей ему. А это ужасно тяжело...»⁵². По-видимому, доктора угнетало и сознание того, что все могло бы сложиться иначе: в 1919 у него уже были взяты заграничные паспорта, и итальянский консул предоставлял реальную возможность уехать с семьей в Италию, но жена в тот момент почему-то не захотела ехать.

Летом 1920 года семья решила все-таки переехать в деревню, где в ста верстах от Одессы располагалось имение, когда-то принадлежавшее Сухомлиным. С селянами сохранились хорошие отношения, и семья Филипченко были выделены старый усадебный дом с большим садом и десятина земли под огород и пшеницу. Семена и корм для коровы и мелкой живности, вымененных на носильные вещи, местные крестьяне на первое время дали даром. «Доходов-то пока у нас нет никаких, – писал Филипченко брату. – Сначала было чрезвычайно трудно, но теперь как-то пообвык. Мешок в 6 пудов снять с повозки и занести в дом казалось сначала задачей невыполнимой, теперь же делаю это шутя. Вообще, как крестьяне говорят, омужичился я в совершенстве. Встаю в 3–4 часа ночи (по солнцу) <...>. Со светом начинается обычная работа. Накормить кур, свиней, принести воды. Часов в 8 пьем чай, в час обедаем, в 6 – ужинаем, а в 8 вечера уже спим. Вчера купили корову, купили ее за вещи <...>. Вот уже скоро год, как не имеем от вас никаких известий»⁵³.

Кроме этого, конечно, доктор Филипченко лечил всех окрестных крестьян, и они съезжались на «прием» из самых отдаленных деревень. Так А.А. Филипченко и его семья прожили в Качуловке, близ станции Кагулово, больше двух лет. Спустя год сельской жизни, в октябре 1921, Филипченко писал брату в Петроград: «Четыре с лишним года тому назад я сделал величайшую ошибку, поехавши в Россию, за что сейчас и расплачиваюсь. Теперь-то для меня ясно, что поездка эта была величайшим легкомыслием с моей стороны. Будь я один – было бы другое дело, но при наличии Аси и Степана это было недопустимо. Чтобы тебе это было яснее, ты должен учесть один психологический момент – я потерял уже одного ребенка и не хочу потерять другого. Пока сыну не будет лет 8–9, возраст, когда опасность туберкулезного менингита начинает падать, я никак за него не буду спокоен <...>. В Италии я уже имел почву под ногами и мог жить так, как хочу, занимаясь тем, чем должен. Здесь же в России я ни имею ничего своего»⁵⁴. Одно время, летом 1922 года, снова забрезжила возможность

⁵² Д. 603. Л. 96.

⁵³ Д. 603. Л. 99, 100.

⁵⁴ Д. 603. Л. 112.

выезда за границу: «90% за то, что уедем за границу. На днях как раз в деревню к нам пришел циркуляр о свободном выезде за границу всем желающим. Это обстоятельство устраняет все сомнения и затруднения. Эмигрировать вторично я не стал бы, но легально уехать с возможностью во всякое время вернуться – тут нет для меня никаких сомнений»⁵⁵. Увы, надежды оказались тщетными – выезд за границу опять не состоялся.

Время летело быстро. Жизнь и связь с Россией постепенно налаживались, и в 1922 возникла идея возвращения к «нормальной жизни» в одной из столиц. В январе, размышляя об этом, доктор Филипченко писал брату: «Ох, как надоела мне эта жизнь, если бы Вы знали, – хуже каторги, ей Богу! Помнишь, Юрий, мы в Мюнхене говорили как-то на тему о различных периодах в нашей жизни. Как-то на днях я вспомнил об этом. В 1907 г. я пошел на каторгу, в 1912 – женился, в 17 – вернулся в Россию. Все пятилетние периоды, резко отличающиеся всем своим содержанием... Ну, хоть бы кончился этот в самом деле в этом году! <...>. Если бы ты видел, до чего тяжела наша жизнь... Ведь мы буквально голы, босы, голодны, усталые, вечно грязные... Я, например, вот уже почти 2 месяца хожу босой и не имею даже рваных сапог, не в чем в Одессу поехать»⁵⁶. Однако больше всего Филипченко по-прежнему угнетала невозможность творчески работать по специальности и отсутствие, как ему казалось, в этом смысле каких-либо перспектив. «За эти годы я так надорвался здесь (не столько физически, сколько духовно), так растерял все свои знания и навыки, что вряд ли на что-нибудь способен сейчас здесь, в России <...>. И другое: насколько мне пришлось столкнуться за эти годы с русской медициной, мнение о ней у меня создалось очень невысокое... Я видел не менее 10 человек за один-два дня, которые там были бы живы, здесь все они умерли... Я хочу работать в России, но не по-русски...», – писал он брату летом 1922 года⁵⁷.

Наконец в начале ноября 1922, распродав хозяйство, с огромными трудностями из-за распутицы и чудовищной инфляции Филипченки добрались до Киева (дорога стоила 300 миллионов руб.)⁵⁸. В декабре, на первое время без семьи, А.А. Филипченко появился в Петрограде. Начался последний, 15-летний этап его жизни, к счастью, целиком посвященный науке.

Сначала это была работа сверхштатным ассистентом в клинике проф. Г.Ф. Ланга⁵⁹, где Филипченко занимался гематологией. Осенью 1923 года он параллельно начал работать врачом (потом главврачом) в распределительном

⁵⁵ Д. 603. л. 144об.

⁵⁶ Д. 603. л. 122, 145об.

⁵⁷ Д. 603. л. 144.

⁵⁸ Полностью реализовать свое «деревенское» имущество тогда не удалось, и А.А. Филипченко еще раз ездил в Качуловку в конце ноября 1922 года.

⁵⁹ Георгий Федорович Ланг (1875–1948) – терапевт, кардиолог, организатор здравоохранения. Выпускник ИВМА.

пункте для беспризорников, где проявил себя не только как знающий врач, но и как воспитатель. С 1925 Александр Александрович по приглашению проф. А.В. Прибылева⁶⁰ перешел в Бактериологический институт им. Пастера, где скоро стал руководителем диагностического, а затем и созданного им (в 1929) паразитологического отдела⁶¹. По совместительству работал он и заведующим отделом в Институте экспериментальной медицины (с 1931)⁶². В 1930, после смерти проф. В.Д. Зеленского⁶³, В.А. Догель (близкий друг Ю.А. Филипченко) пригласил Александра Александровича в Ленинградский государственный университет (ЛГУ). К тому времени интерес доктора Филипченко к паразитологии уже полностью сформировался.

Вдова ученого так вспоминала это время: «За годы с 1924 по 1937 Александр Александрович полностью переквалифицировался из врача в паразитолога. Эти 14 лет он работал не менее 16 часов в сутки. Часто еще больше. Вставая в 6 часов утра, работал дома, потом шел в институт. Вечером опять работал дома, где у него был свой микроскоп и целая лаборатория. За эти годы, кроме того, он изучил английский, немецкий и французский языки <...>. Он почти нигде не ходил. Для нас со Степой было праздник, если удавалось вытащить его в кино»⁶⁴.

В своей анкете при поступлении на работу в ЛГУ (1930) А.А. Филипченко не скрыл свое эсеровское прошлое, указав членство в партии с 1903 по 1912⁶⁵. Очевидно, что после 1912 он действительно утратил интерес к политической активности, более того, весьма негативно отзывался о своих бывших однопартийцах в переписке с братом (1922): «К современной эмиграции мы с Асей относимся едва ли не более отрицательно, чем ты. А о таких господах, как Черновы, Савинковы, Зензиновы e tutti gli altri – и говорить нечего. Я слишком давно и хорошо их знаю, чтобы мог обмануться на их счет»⁶⁶. Фактически Партия социалистов-революционеров прекратила свое существование в России в 1923, но членство в ней осталось как пятно в биографии, и, возможно, попытка ОГПУ связать Филипченко с некой антисоветской организацией осенью 1930 года

⁶⁰ Александр Васильевич Прибылев (1857–1936) – бактериолог, народовец, член ПСР. Медицинское образование получил в Казанском ветеринарном институте, в ИВМА и за границей.

⁶¹ В Бактериологическом институте Филипченко прошел так называемую «чистку» 1930–1931 гг., в результате чего «был оставлен без поручений на 1931 г.» (АСПБГУ. Д. 3138). Очевидно, этому способствовал его арест в сентябре 1930 по обвинению в участии в «антисоветской организации». Дело было закрыто через три недели (Справка 1956 г.).

⁶² АСПБГУ. Д. 3138.

⁶³ Владимир Данилович Зеленский (1879–1930) – зоолог, специалист по пиявкам, профессор, первый заведующий паразитологической лаборатории, которую он создал в ЛГУ (1924).

⁶⁴ Воспоминания А.В. Филипченко. С. 92. Вероятно, немецкий и французский он в какой-то степени знал с гимназических времен.

⁶⁵ АСПБГУ. Д. 3138. Л. 1.

⁶⁶ Д. 603. Л. 145. E tutti gli altri (*итал.*) – и все остальные.

имела эти корни⁶⁷. Весной 1930 года внезапно (от инфекционного менингита) умер Ю.А. Филипченко, и переписка братьев прекратилась.

В воспоминаниях вдовы Александра Александровича о его политических настроениях того времени упомянуто вскользь, и это упоминание вполне совпадает с расхожей (советской) точкой зрения: «В этом же году (1931. – С.Ф.) он слышал выступление Кирова перед научными работниками, которое произвело на него огромное впечатление⁶⁸ <...>. Когда же начались разговоры о пятилетках, об индустриализации, он был всем этим очень увлечен и работал с большим подъемом, чувствуя, что и он принимает какое-то участие в этом грандиозном строительстве»⁶⁹. Конечно, никаких политически критических высказываний А.А. Филипченко не делал, а тем более не занимался антиправительственной деятельностью. К существующей власти он был вполне лоялен.

Времени у А.А. Филипченко, в прямом и переносном смысле, было действительно в обрез, – помимо научной деятельности, он был «квартирным врачом», давал медицинские консультации, хлопотал о создании ежегодной медицинской комиссии для Общества политкаторжан, в которое и сам входил, выступал с лекциями по литературе⁷⁰. Нередко ему приходилось ездить в командировки: в Киев, Москву, Витебск, Ярославль, на Кольский полуостров. Впрочем, как следует из его подневных записей, по крайней мере, в 1936 он нередко бывал и на концертах. Однако всегда наука оставалась у него на первом месте.

Академик Е.Н. Павловский⁷¹ писал о Филипченко: «С А.А. Филипченко мне приходилось встречаться по работе в Ленинградском паразитологическом обществе, организация которого была осуществлена сравнительно быстро благодаря его энергии⁷² <...>. Паразитологией как специальностью он овладел в сравнительно короткий срок настолько, что стал руководителем лаборатории, труды

⁶⁷ «Постановлением ПП ОГПУ в ЛВО от 4 октября 1930 г. определено дело в отношении Филипченко А.А. производством прекратить, т.к. в процессе следствия виновность его в принадлежности к нелегальной антисоветской организации не подтвердилась» (Справка 1956 г. Л. 1).

⁶⁸ Вероятно, Филипченко не было известно содержание другого выступления С.М. Кирова: «Главная задача ЧК-ОГПУ – не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете была заметна прибыль населения благодаря деятельности нашего ГПУ» (Из речи на 15-летию ЧК-ОГПУ в 1932. Цит. по: Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ: Фотолетопись / Науч. ред. Ю.Б. Демиденко. – СПб., 2004. – С. 22).

⁶⁹ Воспоминания А.В. Филипченко. С. 91.

⁷⁰ Д. 1028. Л. 305.

⁷¹ Евгений Никанорович Павловский (1894–1965) – доктор биологических и медицинских наук, академик АН СССР, директор Зоологического института АН СССР; известный специалист в области медицинской паразитологии.

⁷² Первое заседание Паразитологического общества состоялось 9 ноября 1928 со следующей повесткой дня: 1. А.А. Филипченко, «Информационное сообщение о возникновении и задачах общества, выборы новых членов общества, выборы должностных лиц»; 2. Е.Н. Павловский «Важнейшие пути современного развития паразитологии». Заседания практически всегда проводились на базе лаборатории Филипченко в Бактериологическом институте.

которой вышли в свет тремя книгами»⁷³. «Профессор А.А. Филипченко является одним из крупнейших представителей советской паразитологии, – писал профессор Ш.Д. Мошковский⁷⁴. – Возглавляемое им направление в паразитологии рассматривает явление паразитизма с единственно правильной, эволюционной точки зрения <...>. Сам Филипченко дал ряд ценных работ в области медицинской паразитологии. Ряд ценных для здравоохранения работ проведено и его учениками»⁷⁵. В.А. Догель отмечал в аналогичной характеристике: «Я познакомился с А.А. Филипченко после того, как он начал читать курс “Паразитология” в Ленинградском университете, т.е. в 1932–33 г. Тогда я мог оценить А.А. как прекрасного преподавателя, лекции которого отличались и глубиной содержания и блестящим изложением. Студенты так увлеклись этими лекциями, что составили подробный конспект их, который должен был лечь в основу составлявшегося А.А. учебника»⁷⁶. А.А. был широко образованным в своей области человеком и соединял с практическим значением своих работ способность к обобщениям, столь важную для ученого»⁷⁷.

В 1929 проф. В.А. Догель параллельно с работой в ЛГУ возглавил лабораторию паразитов и болезней рыб в Институте рыбного хозяйства⁷⁸ и стал активно привлекать своих сотрудников и студентов к паразитологическим исследованиям. В этом же году он отправился со своим учеником Ю.К. Петрушевским⁷⁹ в первую паразитологическую экспедицию на Белое море, где ими была детально изучена экологическая составляющая в динамике паразитофауны лосося (семги). Это научное направление оказалось очень плодотворным, – с течением времени из него и возникла так называемая догелевская школа экологической паразитологии, в которой явление паразитизма рассматривалось не только с прикладной точки зрения, но и с самых широких общебиологических позиций.

Каковы же были работы и идеи А.А. Филипченко в области паразитологии, столь высоко оцененные его именитыми коллегами? С формальной точки зрения, таких работ было не так уж и много (около 30), но это был плод феноменально

⁷³ Письмо-характеристика, написанное Павловским в январе 1940 года для предоставления в НКВД. Тогда никто из родных и коллег, видимо, не знал, что доктора Филипченко уже нет в живых, и надеялись на пересмотр дела.

⁷⁴ Шабсай Давидович Мошковский (1895–1982) – отечественный инфекционист, эпидемиолог и паразитолог, доктор медицинских наук, член-корреспондент АМН СССР.

⁷⁵ Письмо-характеристика от 30 января 1940.

⁷⁶ Очевидно, этот конспект Догель использовал при написании своего первого учебника по общей паразитологии, особенно для I и III его частей.

⁷⁷ Письмо-характеристика от 7 января 1940. На самом деле, В.А. Догель знал А.А. Филипченко как минимум с 1930, когда тот начал работать в ЛГУ. Характерно, что он пишет о Филипченко в прошедшем времени, – личное дело А.А. Филипченко было закрыто в университете в октябре 1937 (АСПБГУ. Д. 3138).

⁷⁸ Современный Государственный научно-исследовательский институт озерного и речного рыбного хозяйства.

⁷⁹ Юрий Кузьмич Петрушевский (1901–1958) – зоолог-паразитолог, доктор биологических наук; выпускник ЛГУ (1928).

активной творческой работы всего за 12 лет, причем большинство этих исследований были выполнены без соавторов⁸⁰. Среди его работ преобладали сначала исследования, связанные с конкретными одноклеточными паразитами – малярийным плазмодием, дизентерийной амебой, или посвященные комплексу кишечных простейших человека. Интересовали ученого и проблемы эпидемиологии гельминтов. Написанная им книга по кишечным простейшим⁸¹ представляла собою полную сводку по этой теме и весьма способствовала популяризации малоизвестных в то время сведений. О творческой активности Филипченко можно судить по его сохранившимся в архиве подневным записям 1930–1936 гг.: «Работы в печати (1929–1930 гг.) – 12 шт.; доклады – 17 шт., в основном по амебиазису и кишечным паразитам (1930–1931)»⁸².

Очевидно, что на постановку и обсуждение проблем в области общей паразитологии Александра Александровича натолкнули работа с литературой и обдумывание структуры и содержания будущего курса «Общая паразитология». Этот курс был начат Филипченко в 1932 и читался сначала вечерним аспирантам⁸³. По мере прихода новых студентов и шлифовки курса, его структура и объем несколько менялись⁸⁴.

Огромное значение и для самого Филипченко, и для его студентов имела организация в 1935 на базе читавшегося курса «Общая паразитология» семинара «Паразитизм как экологическая категория и паразитические адаптации», в работе которого приняло участие около 20 человек⁸⁵. Докладчиками на семинаре были студенты-специалисты и аспиранты кафедры зоологии беспозвоночных, а участие в обсуждении докладов принимали и многие «сторонние» специалисты, так как поставленная тема волновала многих. В то время ни в России, ни за рубежом не было учебников или сводок по общей паразитологии, поэтому представлялось желательным издать наиболее интересные доклады в виде сборника, что и было осуществлено в начале 1937⁸⁶. Помимо очевидной научной ценности, сборник имел и дидактическое значение как первая попытка

⁸⁰ Список основных работ Филипченко приведен в моей публикации: *Фокин С.И.* У истоков экологической паразитологии // *Паразитология*. – 2014. – Т. 48, вып. 6. – С. 472-479.

⁸¹ *Филипченко А.А.* Кишечные простейшие и вызываемые ими заболевания: Руководство для врачей и лабораторных работников. – Л.: Ленмедицдат, 1933.

⁸² Д. 1028. Л. 40.

⁸³ Кроме того, уже в 1930/31 учебном году он начал читать «Частную паразитологию» и курировать «Большой практикум» для кафедральных студентов. Параллельно А.А. Филипченко читал лекции в Военно-медицинской академии по курсу «Патология».

⁸⁴ *Догель В.А.* Курс общей паразитологии. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.; *Общая паразитология*. – Л.: Учпедгиз, 1947. – 372 с.

⁸⁵ Д. 1028. Л. 154. В заглавии сборника «Проблемы общей паразитологии», выпущенного по итогам работы этого семинара, А.А. Филипченко значится профессором, однако, не имея научной степени, фактически он был в ЛГУ приват-доцентом (АСПБГУ. Д. 3138).

⁸⁶ *Проблемы общей паразитологии: Сб. докладов студенческого семинара под ред. проф. А.А. Филипченко // Ученые записки ЛГУ. – Сер. биол. – 1937. – Т. 3, вып. 4. – 118 с. Далее – Филипченко, 1937.*

создания учебного пособия силами самих учащихся. В состав авторов вошли три студента: В.А. Афанасьев, А.Г. Кнорре (две статьи) и М. Баженов, а также аспиранты А.В. Иванов, Я.Д. Киршенблат и Е.М. Хейсин. Среди докладчиков были также В.Д. Дубинин, Б.Е. Быховский и Ю.И. Полянский⁸⁷.

Сборник открывался статьей «Экологическая концепция паразитизма и самостоятельность паразитологии как научной дисциплины», написанной А.А. Филипченко. В этой сравнительно небольшой работе (11 стр.) Александр Александрович на основании обобщения идей о сущности паразитизма впервые дал обоснование экологической концепции этого биологического явления. Проведя подробный анализ взглядов своих предшественников на сущность паразитизма и определений, позволяющих классифицировать паразитический организм как таковой, Филипченко пришел к следующему выводу. «Паразитизм есть понятие не систематическое, не морфологическое или физиологическое, а чисто экологическое, и, при такой точке зрения, паразит может быть определен как организм, средой обитания которого является другой живой организм (хозяин) <...>. Следовательно, обитание одного организма в другом, который может рассматриваться, как среда обитания первого, есть основной критерий паразитизма»⁸⁸.

Учебник общей паразитологии А.А. Филипченко написать не успел, но фактически многие из поколения первых догелевских учеников-паразитологов, далее успешно работавших в этом направлении, должны, как минимум, одновременно считаться и учениками Филипченко, – оба основных курса – общей и частной паразитологии – они прослушали у Александра Александровича⁸⁹.

Позднее определение, сформулированное А.А. Филипченко, несколько в расширенном виде использовал в первом и втором издании своего учебника общей паразитологии В.А. Догель⁹⁰: «Паразиты – это такие организмы, которые используют другие живые организмы в качестве источника пищи и среды обитания, возлагают при этом частично или полностью на своих хозяев задачу регуляции своих взаимоотношений с окружающей внешней средой»⁹¹.

⁸⁷ Д. 1052. Л. 1. Четверо из шести участников сборника впоследствии стали известными учеными, а двое последних именно в паразитологии: А.В. Иванов (1906–1992), доктор биол. наук, профессор, академик АН СССР; А.Г. Кнорре (1914–1981), доктор биол. наук, профессор, чл.-корр. АМН СССР; Я.Д. Киршенблат (1912–1980), доктор биол. наук, профессор и Е.М. Хейсин (1907–1968), доктор биол. наук, профессор. Это, конечно, относится и к упомянутым докладчикам: В.Д. Дубинин (1913–1958), доктор биол. наук, профессор; Б.Е. Быховский (1908–1974), доктор биол. наук, академик АН СССР; Ю.И. Полянский (1904–1993), доктор биол. наук, профессор, чл.-корр. АН СССР.

⁸⁸ Филипченко, 1937. С. 9–10. Это заключение, впрочем, было уже сделано в работе Е.Н. Павловского 1934 г.

⁸⁹ Послевоенное время, когда вышло второе издание общей паразитологии В.А. Догеля, составляет уже следующий, основной этап развития экологической паразитологии в России.

⁹⁰ Догель В.А. Курс общей паразитологии. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.; Общая паразитология. – Л.: Учпедгиз, 1947. – 372 с.

⁹¹ Первая глава в учебнике общей паразитологии В.А. Догеля 1941 г. «Понятие о паразитизме и паразитах» (С. 4–9) прямо повторяет текст статьи А.А. Филипченко (1937), а первая часть учебника в целом содержит множество ссылок на материалы статей из сборника 1937 года.

Судя по набранному в науке темпу, от А.А. Филипченко можно было ожидать не только учебников по паразитологии, но и деятельного, творческого участия в развитии созданного в ЛГУ научного направления. Однако весенний семестр 1937 года оказался последним в жизни ученого. 1 августа Филипченко был арестован органами НКВД по Ленинградской области по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст. 58-10 УК РСФСР).

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 января 1938 ему было определено содержание в исправительно-трудовом лагере сроком на 8 лет. Его уже отправили на этап, но, видимо, палачам не хватало крови. В марте 1938 года по тем же основаниям против А.А. Филипченко и его тестя В.И. Сухомлина (77-летнего старика-политкасторжанина) было возбуждено новое уголовное дело по расстрельным статьям: 58-8 и 58-11 («террористический акт» и «организованная антисоветская деятельность»). 20 сентября 1938 абсолютно невиновного человека Военная коллегия Верховного суда СССР, преступная организация преступного государства, приговорила к расстрелу с конфискацией имущества⁹². На следующий же день, 21 сентября, Филипченко был расстрелян в Ленинграде⁹³.

В письме депутату Верховного Совета СССР, писателю А.Н. Толстому в апреле 1941 А.В. Филипченко, еще надеясь, что муж жив и его дело могут пересмотреть, подчеркивала: «Он был действительно энтузиаст своего дела и горячий поклонник нашего социалистического строительства. И такой человек оторван от любимого дела и сослан по ложному доносу⁹⁴ за то, что был эсером 30 лет назад. От лиц, сидевших с ним, я узнала, что к нему были применены исключительно жестокие методы воздействия, которыми его вынудили подписать ложные обвинения»⁹⁵.

«Когда уводили Шуру, – вспоминала А.В. Филипченко, – я успела поцеловать у него руку, а Шура сказал мне спокойно: “Ну, в России всегда так было – без сумы и без тюрьмы не проживешь” и улыбнулся мне. Он за час до обыска приехал из Сочи, где не дождал срока в санатории, ибо все время болел»⁹⁶.

⁹² Список лиц (135 человек), подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по 1 категории (ВМН – расстрел). Ленинградская обл., г. Ленинград, Октябрьская жел. дор., Кировская жел. дор. № 123 Филипченко Александр Александрович (представлено: начальник 1-го специального отдела НКВД СССР старший майор гос. безопасности И. Шапиро; утверждено: Сталин, Молотов, Жданов. 12.09.1938). – Архив Президента РФ. Оп. 24. Д. 418. Л. 242. См. также: Справка 1956 г.

⁹³ В.И. Сухомлин умер в тюрьме 7 августа 1938, не дождавшись приговора. В некоторых публикациях указано, что сам А.А. Филипченко умер в 1940. Источник этой ошибки – свидетельство о его смерти 13 мая 1940, выданное УМВД ЛО 20 июля 1957 (ОР РНБ. Ф. 813. Д. 1263), – пример иезуитской лжи советских инстанций. Уже из справки Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 декабря 1956 было ясно, что Филипченко расстреляли в сентябре 1938.

⁹⁴ Светов В. До конца разоблачить врагов народа в органах здравоохранения // Красная газета. – 1937. – 25 июня. – С. 3.

⁹⁵ Цит. по: Звенья: Исторический альманах. – Вып. 1. – М., 1991. – С. 514.

⁹⁶ Воспоминания А.В. Филипченко. Л. 102.

После ареста отца, В.И. Сухомлина, в январе 1938 года А.В. Филипченко была на два года выслана в Северный Казахстан; сын Степан был исключен из комсомола и тоже должен был быть выслан, но ему удалось (через зам. наркома Военно-морского флота И.С. Исакова)⁹⁷ добиться разрешения окончить университет, а через год и восстановиться в комсомоле.

Вспоминая эти ужасные годы, А.В. Филипченко писала: «Чтобы передать деньги, приходилось вставать затемно и идти с проспекта Кирова на Литейный⁹⁸, выходя из дому непременно раньше, чем пойдут трамваи. Только таким образом мне удавалось приходиться к тюрьме вовремя, т.е. попасть в очередь хотя бы в первую сотню записавшихся <...>. Я успела сделать еще 2 передачи папе и мужу, когда получила уведомление, что я должна за свой счет выехать в Северный Казахстан <...>. У прокурора я узнала, что Шура получил 8 лет и выслан на север. Тогда это показалось мне неслыханной несправедливостью. Но что бы я дала потом, если бы этот приговор остался в силе! Человек, который сидел с Шурой в одной камере и которого я видела в 1940 г., рассказал мне, что Шура уже пошел по этапу, но его с дороги вернули обратно. Если бы остался приговор на 8 лет, то это было бы с правом переписки и даже с правом получения посылок. Я бы спасла его <...>. Вернули Шурика после того, как был арестован папа, в январе 1938 г. <...>. Этот человек, который сидел в одной камере с Александром Александровичем, рассказал мне, что мой муж подбадривал всю камеру, говорил им, что это чудовищное недоразумение, которое рано или поздно выяснится, а пока не надо падать духом <...>. В камере было много высокообразованных людей. Организовали нечто вроде университета, и все по очереди читали лекции. Мой муж читал по биологии и по паразитологии»⁹⁹.

Уже в Казахстане Анна Васильевна получила от подруги из Ленинграда условленную телеграмму: «Еду в отпуск десятого». Цифра означала срок нового приговора мужу. Хотя уже тогда было известно, что 10 лет без права переписки – это расстрел, вернувшись в 1940 из Казахстана, А.В. Филипченко поехала в Москву хлопотать о муже. В НКВД ее вежливо выслушали, но ничего вразумительного не сообщили. Все коридоры приемной наркомата были забиты женщинами со всех концов страны, – после ареста и расстрела наркома Н.И. Ежова (о чем, впрочем, не было никакой официальной информации) некоторые дела действительно начали пересматриваться¹⁰⁰. Увы, судьбы доктора Филипченко это временное послабление уже не могло изменить. Его дело было пересмотрено только в ноябре 1956. «По вновь открывшимся обстоятельствам»

⁹⁷ Работа С.А. Филипченко в ЛГУ имела какое-то оборонное значение.

⁹⁸ Филипченко жили на Песочной улице в доме № 31 (теперь ул. проф. Попова) на Петроградской стороне.

⁹⁹ Воспоминания А.В. Филипченко. С. 96, 105, 106.

¹⁰⁰ После снятия Ежова из лагерей было освобождено (вследствие пересмотра дел) около 330 тыс. человек (Роговин В. Партия расстрелянных. – М.: Аргументы и факты, 1997. – 528 с.)

приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 сентября 1938 был отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено. А.А. Филипченко был реабилитирован посмертно.

Готовясь к празднованию 100-летия кафедры зоологии беспозвоночных ЛГУ в 1971, ее заведующий проф. Ю.И. Полянский, один из ближайших учеников Догеля, лично хорошо знавший Филипченко, писал: «А.А. Филипченко принимал непосредственное и большое участие в создании нового в то время экологического направления в паразитологии, вылившегося впоследствии в серьезную научную школу, которую возглавил В.А. Догель»¹⁰¹. Однако ни в своей книге о В.А. Догеле, ни в опубликованных им собственных воспоминаниях¹⁰² Юрий Иванович ничего подобного не упомянул¹⁰³. Мало того, что А.А. Филипченко был преступно вычеркнут из жизни, где, безусловно, им еще могло быть многое сделано, – его фактически вычеркивали и из истории науки, которой он отдал свои лучшие годы. Теперь точки над «i» расставлены, – жалко только, что на это ушло столько десятилетий!

¹⁰¹ Неопубликованная биографическая справка о А.А. Филипченко. – Архив кафедры зоологии беспозвоночных СПбГУ.

¹⁰² Мазурмович Б.Н., Полянский Ю.И. Валентин Александрович Догель. – М.: Наука, 1980. – 172 с.; Полянский Ю.И. Годы прожитые: Воспоминания биолога. – СПб.: Наука, 1997. – 249 с.

¹⁰³ Впервые роль А.А. Филипченко в создании ленинградской школы экологической паразитологии была подчеркнута в статье Д.А. Александрова «Из истории паразитологии в Ленинграде», опубликованная в: Паразитология. – 1984. – Т. 28. – С. 489-494.

Нина Хайлова

Либералы-центристы в России начала XX в.: опыт коллективной биографии

Нина Борисовна ХАЙЛОВА

*старший научный сотрудник
Института российской
истории РАН,
кандидат исторических наук*

Прежде всего требует пояснения непривычная «конструкция», а именно: «либерал-центрист». Расхожее представление сводится к тому, что в раскладе политических сил в России начала XX века место «центристов» (между «правыми» и «левыми») как бы «по определению» принадлежало кадетам и октябристам.

Однако либеральный спектр был шире, а потому судить о русском либерализме исключительно по двум наиболее известным общероссийским партиям по меньшей мере некорректно. Примечательны, кстати, и мнения современников на этот счет. Так, известный кадет В.А. Маклаков, задаваясь вопросом «а кто же у нас был настоящим либералом в 1-й Думе?», заявил, что выразителями «подлинно либерального направления» были вовсе не кадеты (и тем более не октябристы), а основатели Партии мирного обновления – граф П.А. Гейден, М.А. Стахович.

Именно с этими людьми, которые боролись за конституцию «без оглядки налево», Маклаков связывал шанс России на «безболезненное укрепление

nkhailova@yandex.ru

конституционного порядка»¹. Но, упомянув здесь мирнообновленцев, надо отдать должное, во-первых, их прямой предшественнице – Партии демократических реформ, а, во-вторых, Партии прогрессистов, поскольку немалую лепту в ее создание в 1912 внесли бывшие демреформаторы и мирнообновленцы. В общем, можно сказать, что упомянутые партии составили своего рода «центр центра» (между кадетами и октябристами), обозначив основные вехи в развитии центристского (прогрессистского) течения в русском либерализме.

«Отцы-основатели» либерального центризма – это в основном выходцы из дворян, представители научно-общественной элиты Санкт-Петербурга и Москвы. Свободное владение иностранными языками, тесное общение с западными коллегами обеспечивали им постоянную включенность в мировой научный процесс и общественно-политические дискуссии. Аккумулируя зарубежный опыт, они зачастую обогащали его новаторскими идеями (в области политической экономики, социологии, партийного строительства, организации высшего образования и т.д.). Тесное переплетение личного и общественного в судьбах этих людей закономерно выдвинуло их в ряды прогрессивной профессуры, определило публицистическую деятельность. Практически все они прошли через работу в земстве и городском самоуправлении, став лидерами конституционного движения конца XIX – начала XX вв.

Среди фигур «первого ряда» в этой когорте – М.М. Стасюлевич (1826–1911), основатель (1866) и бессменный (до 1909) редактор журнала «Вестник Европы», одного из старейших и авторитетных либеральных изданий. Владелец крупного издательского комплекса, одновременно (в 1881–1909) активный деятель Петербургской городской думы, гласный губернского земства, Стасюлевич многое сделал для народного просвещения и образования.

Его сподвижником по созданию «Вестника Европы» и редактором журнала с 1909 фактически до закрытия в апреле 1918 являлся К.К. Арсеньев (1837–1919). Автор ежемесячного внутреннего обозрения и общественной хроники (с 1866 до начала 1918), он создал уникальную, по определению П.Д. Боборыкина, «летопись русской жизни», до сих пор не оцененную по достоинству в качестве исторического источника. В своих обзорах Арсеньев давал «руководящую нить» всем сторонникам освободительного движения, учил «корректному отношению к противнику, уважению к законности, нераздельному с критическим отношением к закону, участливому и вдумчивому отношению к явлениям общественной жизни, признанию необходимости серьезных, основательных знаний для суждения об этих явлениях»². Приведенная характеристика дает представление и о «фирменном» стиле Арсеньева – «отца русской адвокатуры». Об авторитете Арсеньева-земца, его искренней увлеченности земским делом

¹ Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – С. 48.

² Вестник Европы. – 1907. – № 12. – С. 881.

и самоотверженной работе на этом поприще говорит хотя бы такой факт: он не порывал связи с местным самоуправлением и при большевиках. В это верится с трудом, но в марте 1919 года – за две недели до смерти – 82-летний Арсеньев записал в дневнике, что избран и вошел в состав местного сельского совета под Петербургом «в качестве председателя»³.

Членом редакторского круга «Вестника Европы» (а с 1909 – редактором) был и М.М. Ковалевский (1851–1916). Ученый с мировым именем (историк, социолог, экономист, юрист, этнолог), он оставил заметный след и как организатор высшего образования, депутат I Государственной думы, член Государственного совета (с 1907).

Ближайшим сотрудником «Вестника Европы», а также газеты «Русские ведомости» (в 1886–1896 – редактор) на протяжении многих лет был А.С. Посников (1845–1922), экономист, признанный современниками научный авторитет по проблемам русской общины, один из основоположников земской статистики, депутат IV Государственной думы.

«Лучшим знатоком земской жизни» современники называли В.Ю. Скалона (1846–1907), редактора «Русских ведомостей» (1899–1906). Именно он в октябре 1904 на страницах этой газеты впервые в легальной печати поставил вопрос о созыве народного представительства.

Среди лидеров земского движения на рубеже XIX–XX вв. выделялась фигура графа П.А. Гейдена (1840–1907), президента Вольного экономического общества в 1895–1905, депутата I Государственной думы, организатора Партии мирного обновления.

Безусловным авторитетом в земско-городском движении пользовался и князь В.М. Голицын (1847–1932), московский городской голова (1897–1905), впоследствии – президент «Клуба независимых» (1906), член ЦК Партии прогрессистов (1912).

Перечень имен идейных вождей умеренного либерализма можно продолжать (Д.Н. Шипов, кн. Е.Н. и С.Н. Трубецкие, И.И. Иванюков, и т.д.). Но главное – это то, что их объединяет, позволяя «набросать» коллективный портрет.

Первые политические партии, созданные либералами-центристами (Демократических реформ и Мирного обновления), сами их идеологи определяли как «партии исторического смысла» (кн. Е.Н. Трубецкой). Разъясняя суть данного подхода к преобразованиям, М.М. Ковалевский отмечал, что «политические порядки, подобно всяким другим, имеют глубокие корни в историческом прошлом и не могут быть перевернуты вверх дном без того, чтобы не причинить народу, у которого происходит такая ломка, тяжких и продолжительных ранений», – а потому, заключал он, – от политических деятелей не требуется «ничего

³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 40 (Дневник К.К. Арсеньева). Оп. 1. Д. 40. Л. 162.

ино, кроме видоизменения и развития существующего»⁴. «Образцом для подражания» для либералов-центристов старшего поколения были Великие реформы 1860 – начала 1870-х годов. В опыте реформаторской команды Александра II они ценили, наряду с настроем на укрепление государственности, сочетание демократического потенциала (стремление к обеспечению интересов большинства народа – крестьян, отношение к народным массам как активному участнику и гаранту успешности реформ) с либеральными установками. Не менее важным для либералов-центристов начала XX в. было сочетание в этом опыте гуманно-нравственного подхода к решению государственных задач с политическим реализмом, а также настрой на консолидацию общественных сил на почве созидания. Именно «демреформаторы» и «мирнообновленцы» еще в 1906 выступили с идеей создания «конституционного центра», воплощением которой стал Прогрессивный блок, организованный в 1915 в результате объединения либеральных фракций IV Государственной думы, к которым примыкали депутаты из группы независимых, мусульманской фракции, белорусско-литовской группы, польского кола, а также члены Государственного совета (левая группа и группа центра). Идеологи либерального центризма неизменно призывали «развернуть над знаменами отдельных партий одно великое знамя русской свободы и законности»⁵. Следует согласиться с мнением известного историка И.С. Розенталя, полагающего, что прогрессизм был шире либерализма и объединял без различия партийных «этикеток» тех, кто, не приемля косности и застоя, выступал в поддержку демократических реформ, считая главной силой общественного прогресса умственное и нравственное совершенствование личности, развитие просвещения и образования, гражданских свобод⁶.

Об «укорененности» реформаторской модели прогрессистов (ее связи с идеями декабристов, А.И. Герцена, революционеров-демократов) свидетельствует также и особый акцент в их программах на неотложности решения проблемы крестьянского малоземелья, причем в интересах самих крестьян. «Социализму <...> принадлежит будущее»⁷, – подобная перспектива общественного развития представлялась вполне вероятной идеологам либерального центризма. Для них ценности демократии представляли собой не менее значимые величины, чем права и свободы человека, верховенство закона. «Между либерализмом и социализмом в России никогда не было непримиримого противоречия, той “китайской стены”, которая разделяла их на Западе», – замечал

⁴ Цит. по: Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916 гг. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 31.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ См.: *Розенталь И.С.* Прогрессист Голицын и его дневник // Россия XXI. – 2007. – № 4. – С. 125.

⁷ М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. ст. – Пг., 1917. – С. 126.

К.К. Арсеньев⁸. По его словам, «идеалы партий, которые можно объединить под именем левого центра, и партий, составляющих левый фланг русской политической армии, различны, но не противоположны»⁹.

Развиваясь в русле русской освободительной традиции, прогрессизм испытал влияние и западной философской мысли, в т.ч. «носителей» социалистических идей (К. Маркс, немецкие катедер-социалисты). Высоко оценивался на страницах «Вестника Европы» подход к «решению всех важнейших вопросов будущего», предложенный Дж. С. Миллем: «В политической жизни Милль защищает принцип личной свободы, в юридических вопросах – принцип равной справедливости, а в экономических – право труда на свои результаты»¹⁰.

В лице прогрессистов «первого поколения» в России зарождался новый тип политика, делавшего ставку на формирование в России «срединной» политической культуры (культуры диалога, толерантности). Такая тонкая «материя» как доверие рассматривалась ими как ключевая характеристика гражданского общества, своего рода общественный капитал, облегчающий прогресс. «Терпимость – это религия будущего. Терпимость основана на уважении к ближнему, как к равному себе. Без терпимости нет свободы»¹¹, – эти слова Г. Гауптмана являлись своего рода жизненным кредо М.М. Ковалевского. «Можно ненавидеть ложное учение, но не человека, его исповедующего, – убежденно заявлял он. – Любовь – высшая учительница; она одна может содействовать освобождению людей от заблуждения»¹². Идеинная открытость, терпимость к разным взглядам и мнениям, недогматическое мышление идеологов либерального централизма, – все это позволяло им видеть «зерно истины» в разных направлениях (научных, политических, религиозных и т.д.). Представлять будущее как открытую книгу, т.е. в равной мере учитывать не только закономерность, но и многовариантность, непредсказуемость исторического процесса, – эти качества, являясь следствием разностороннего глубокого образования и богатого жизненного опыта, не позволяли идеологам прогрессизма рубить с плеча, обеспечивали им положение «над схваткой» в политических баталиях.

Следует также заметить, что идейную открытость либералы-центристы сочетали с последовательным, бескомпромиссным отстаиванием своих взглядов и принципов. Прежде всего это касается категорического неприятия ими деспотизма, террора (индивидуального, государственного, партийного и т.д.). Кроме того, их отличала принципиальная «непартийность», связанная с убежденностью в том, что западный опыт партийного строительства непригоден для России. Занимаясь поиском внепартийных форм объединения своих единомышленников

⁸ Вестник Европы. – 1907. – № 3. – С. 329-331.

⁹ Страна. – 1906. – № 205, 5 ноября.

¹⁰ Вестник Европы. – 1874. – № 2. – С. 716-717.

¹¹ Запросы жизни. – 1912. – № 45. – Стлб. 2579.

¹² Ковалевский М.М. Русская конституция. – Вып. 5. – СПб., 1906. – С. 10.

(клубы, союзы, масонские ложи и т.д.), идеологи либерального центризма фактически первыми обосновали необходимость и поставили эксперимент по созданию массовой партии нового типа как «сетевой» структуры – с гибкой системой членства, без строгой партийной дисциплины, жесткой иерархии.

Идеологов либерального центризма отличало обостренное нравственное чувство. Своим примером они стремились разрушить представление о несовместимости морали и политики. Нормой жизни для них было единство слова и дела, убежденность в том, что «либерализм истинный, непоколебимый, покупается дорогою ценою учения и трудов, а не за стаканом вина...»¹³. Подтверждением этих слов Стасюлевича была не только его жизнь, но и судьбы всех его соратников. Каждый из них на протяжении многих лет доказывал результатами своих трудов возможность «переделки» русской жизни, преодоления традиционной для России антитезы, выраженной в популярных строках Н.Ф. Щербины (1860): «У нас чужая голова, / А убежденья сердца хрупки... / Мы – европейские слова / И – азиатские поступки». Определение прогрессистов как «партии культуры» подразумевает не только единственно приемлемую для них тактику («мирного обновления»), но и провозглашенный ими приоритет культуры, науки и образования в жизни общества. Осознавая роль религии как ядра культуры, идеологи либерального центризма первыми среди партийных деятелей поставили вопрос о важности религии и церкви в общественном развитии. Знаменательная роль в этом принадлежала «Московскому еженедельнику», возглавляемому кн. Е.Н. Трубецким.

Центристское течение в русском либерализме, прослеживающееся вплоть до 1917, претерпело к этому времени определенную эволюцию. Это было связано, во-первых, с «поколенческими» различиями между «патриархами» течения, хранителями заветов Великих реформ Александра II, и лидерами нового поколения прогрессистов в лице т.н. «молодых» московских капиталистов (П.П. Рябушинский, А.И. Коновалов и др.), председателя одноименной думской фракции И.Н. Ефремова, редактора журнала «Русская мысль» П.Б. Струве, его ближайшего сподвижника, экономиста и публициста А.М. Рыкачева и др. Кроме того, роковую роль в судьбе либерального центризма сыграла Первая мировая война. Способствуя консолидации прогрессистов, она в то же время явилась катализатором размежевания в их среде. Особенно заметно это сказалось на тактических принципах: «молодое» поколение либералов-центристов значительно радикализировалось в годы войны. Противоположность во взглядах «старых» и «новых» прогрессистов проявилась тогда и в подходах к решению национальных проблем. Так, например, К.К. Арсеньев с тревогой наблюдал за попытками создания в России национал-либеральной партии, дискутируя с одним из авторов новой доктрины – П.Б. Струве, а также членами редакторского круга газеты

¹³ Письмо М.М. Стасюлевича к М.С. Куропре, апрель 1857. Цит. по: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. – СПб., 1911. – Т. 1. – С. 283.

«Утро России», у руля которой находились «молодые» московские промышленники, в т.ч. члены ЦК партии прогрессистов. Арсеньев и его многолетние соратники из «Вестника Европы» сохраняли убежденность в возможности сочетания на практике искреннего патриотизма с «всечеловечностью», последовательно противостояли националистическим настроениям, проникавшим в т.ч. и в либеральную среду. Арсеньев указывал на вероятные крайне негативные последствия «национализации русского либерализма», предвидя опасность поглощения либерализма национализмом. Как и прежде, прогрессисты старшего поколения считали необходимым не замыкаться в русле сложившихся на определенном этапе представлений о путях решения того или иного вопроса. «Вестник Европы» до конца продолжал сохранять роль площадки для неангажированной разработки актуальных проблем, куда приглашались специалисты, заинтересованные именно в таком обсуждении.

«Тени грядущего», так некоторые современники характеризовали нарождавшийся в России начала XX в. новый тип политика, – прогрессиста, условно названного нами «либерал-центрист». Такое определение вполне закономерно, поскольку партии, созданные в русле центристского течения в русском либерализме, не укладываются в рамки привычных классификаций. Их сила и значение вовсе не в формальной численности рядов этих организаций (которую трудно определить, учитывая особое устройство этих партий). Ценно то, что они являлись отражателями и ретрансляторами определенного («умеренно-прогрессивного») настроения в обществе, возникшего как реакция самосохранения в условиях революционной смуты. Надо отдать должное лидерам либералов-центристов и как генераторам идей. Они поставили эксперимент, намного обогнавший свое время, суть которого в «изобретении традиций» (Э. Хобсбаум) новой России (традиций самоуправления, свободного, идейного труда, доверия, толерантности), и сыграли роль своего рода закваски, необходимой для роста общественного организма.

На наш взгляд, актуальность «прогрессистской» альтернативы модернизации России очевидна и спустя более века. Опыт либералов-центристов важен и для реабилитации идеи либерализма в современной России.

Нина Цветаева

Память о социально значимых событиях советского прошлого в автобиографических нарративах

Нина Николаевна ЦВЕТАЕВА

*Социологический институт РАН
(СПб.)
научный сотрудник*

Автобиографические нарративы, рассказы людей о прожитой жизни – в современной социологии уже признанный источник не только социального знания, но и сохранения исторической и культурной памяти общества. Собираание и изучение такого рода свидетельств проводит Биографический фонд Социологического института РАН. Фонд был создан в 1989, и сегодня его коллекция насчитывает более 1000 единиц хранения, в числе которых автобиографические нарративы, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники и материалы нескольких тематических биографических конкурсов.

На фоне обострившейся в нашем обществе переоценки советского прошлого, и даже некоторого возврата к его идеологическим установкам, мне кажется важным и интересным рассказать о результатах интерпретации материалов одного из проведенных Фондом биографических конкурсов. Этот конкурс был тематическим и был посвящен воспоминаниям о такой значимой вехе в истории советского общества, как эпоха 1960-х, получившая название «оттепели».

tsvetni12@mail.ru

Девиз этого конкурса – «Гляжу в себя, как в зеркало эпохи» – возник в 1994 на фоне бурных обсуждений в российском обществе проблем его перестройки и сравнения этого времени с эпохой «оттепели» как временем некоторой либерализации жизни страны после смерти Сталина. Участникам конкурса предлагалось рассказать, чем им запомнилось это время, уже тогда, как мы считали, позволившее человеку критично взглянуть на советскую идеологию и освободиться от некоторых ее мифов и идеологем. И прежде всего свидетельств такого освобождения можно было ожидать от тех, кто самим фактом своего участия в конкурсе признавали значимость этого периода времени в своей жизни и в жизни страны.

На конкурс поступило около 100 автобиографических нарративов. Участниками конкурса оказались представители самых разных профессий и разного уровня образования (от медсестры и шофера до инженера, врача, начальника стройки). Это было важно, так как позволяло надеяться, что в нарративах представлен довольно широкий диапазон памяти об этом времени.

Зримые «следы» социальных и политических событий эпохи

Наиболее значимой характеристикой памяти участников конкурса об «оттепели» стало то, что это время представлено в их автобиографических нарративах как два совершенно разных символических пространства, точнее, два разных дискурса, в каждом из которых действуют свои символы и метафоры. Один дискурс – это литературный язык, которым пользуются образованные участники конкурса (так мы называли участников с высшим образованием), другой – язык менее образованных людей (участники без высшего образования).

Вот как выглядит эпоха «оттепели» в автобиографических нарративах образованных участников конкурса: *«на какое-то время мы поверили, что мы свободны и можем жить по совести, быть самим собой»; «все вздохнули свободно»; «много стали говорить о новой жизни, появилось много публикаций»; «60-е – самые интересные и насыщенные: слушали наших шестидесятников-поэтов, зачитывались (чаще скрытно) “Одним днем Ивана Денисовича”»; «60-е – это время, когда все шурились от солнца, как сказал Жванецкий»; «отношу себя к числу шестидесятников – тех, чье идейное формирование на базе коммунистической идеологии происходило после смерти Сталина, кто испытал очистительное влияние XX съезда»; «мы кожей чувствовали духовный рост общества, презирали обыденность, рвались к интересной работе»; «в это время происходило освоение космоса, целины»; «знаменательное событие – доклад Хрущева – началось осмысливание»; «моральный кодекс строителя коммунизма», «всенародная государственная власть», «поклонение науке»...*

В отличие от образованных участников конкурса, которые используют, как видно, почти все возможные публицистические символы и метафоры для характеристики «оттепели», менее образованные участники прямых оценок этого

времени в нарративах почти не употребляют. Можно даже сказать, что они не выделяют это время как особую эпоху и не объясняют с этой точки зрения свое участие в конкурсе. В тех же случаях, когда в их нарративах все же появляются характеристики этого времени, они конкретны и «материальны», а это время предстает прежде всего как цепь коллизий повседневной жизни, обусловленных происходившими тогда реформами: «перебои с хлебом», «вместо привычных культур на полях кукуруза», «хозяйки расставались со своими буренками»...

Итак, можно заключить: что то, что запомнилось первым и символизирует для них эпоху «оттепели», не входит «в круг внимания» вторых. Точнее, это время вообще не фиксируется ими как «оттепель», как смягчение советского режима и возможность некоторого освобождения страны и личности. Конечно, столь явное различие в предствлениях и памяти об этом времени прежде всего свидетельствует о разном образовательном уровне этих двух групп, их социальном структурном делении. Но не только. Важно и то, что это различие ставит вопрос о функциях интеллигенции (если так называть людей с высшим образованием) в обществе. Тот факт, что жизненные миры этих групп почти не соприкасаются, подтверждает их обособленность, а также точку зрения, что интеллигенция утратила свою сакральную функцию «хранителей идеалов», трансляторов универсальных культурных образцов и продолжает лишь «воображаемое, фантомное существование»¹.

Рассмотрим теперь другие характеристики автобиографических нарративов этих двух групп участников конкурса.

Умолчания и противоречия в нарративах «простых» людей

Итак, менее образованные участники конкурса, в отличие от образованных, не используют каких-либо известных по публицистике метафор и описаний времени «оттепели». Другими словами, это время вообще не фиксируется ими как значимая эпоха в жизни и истории советского общества.

Это нежелание людей из нижних страт общества обсуждать идеологические проблемы и их «практическое» отношение к жизни принято интерпретировать как результат их низкого положения в обществе, в котором они вынуждены приспосабливаться к своим обстоятельствам и считают себя исключенными из идеологической борьбы. Однако оборотной стороной этого адаптивного габитуса народных классов, их привычки жить, «выбирая необходимость», исследователи называют «скрытую ненависть и скрытое оскорбление хозяев»².

¹ Левада Ю.А. Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. (Международный симпозиум 17–19 декабря 1993). – М.: Интерпракс, 1994. – С. 210.

² Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. – 1993. – № 1/2. – С. 141.

И эта «оборотная сторона» отчетливо читается в нарративах этой группы участников конкурса. Она проявляется как презрительное (иногда даже циничное) отношение ко всему, что связано с идеологическими формулами, и прежде всего как презрительное отношение к власти. Например, к тому же Н.С. Хрущеву, которого часто уничижительно называют «Хрущом», осуждая его действия такой, например, фразой: *«Хрущ что-то там опять натворил...»*.

Представляет интерес и то обстоятельство, что на фоне этого цинизма и неуважительного отношения к власти в лице Н.С. Хрущева в нарративах этой группы участников конкурса, посвященного воспоминаниям об «оттепели», не упоминается – ни прямо, ни косвенно – такая значимая характеристика этого времени, как имя Сталина. Не говорится даже о смерти Сталина, что, как правило, присутствует в нарративах образованных участников этого конкурса. Никакой критики в отношении сталинского режима нет, хотя оснований для критики, судя по нарративам, довольно много. Например, в тех случаях, когда речь идет о тяжелом бремени налогов на крестьянское хозяйство во время правления Сталина, детстве *«без мяса и без жира»*, так как *«скот уходил на уплату налогов»*, несправедливости советских властей к семье, попавшей на оккупированную территорию во время войны, и т.п.

Очевидно, что сложность официальной точки зрения на роль Сталина даже в эпоху «оттепели» и долго не раскрываемая до конца правда о его режиме не могли не сказаться на таинственности этой фигуры для сознания «простого советского человека». (Причем, как свидетельствуют нарративы конкурса, – не только малообразованного.) Кроме того, по нарративам этой группы создается впечатление, что в целом их отношение к Сталину носит какой-то мистический характер и во многом является результатом многолетнего страха всего общества, проявлением его «коллективного бессознательного», если воспользоваться терминологией психоаналитиков. Тем более символично это «молчание о Сталине» выглядит на фоне неуважительного и критичного отношения к Н.С. Хрущеву, который первым снял запрет с критики Сталина.

Интерес представляет и еще одна характеристика памяти о советском прошлом этой группы участников конкурса. Их «практическое» отношение к жизни оказывается под сомнением, когда в их нарративах появляются противоречия, свидетельствующие о неспособности человека совместить реалии своей жизни и высказываемых им оценок этих реалий. Такие противоречия читаются в нарративах этой группы, когда они, с одной стороны, описывают свою трудную и полную лишений жизнь (*«жизнь-колотушку»*, как говорит один из них): бедность, отсутствие нормального жилья, несправедливость начальства и т.п., а с другой – оценивают советскую эпоху как время, в котором *«человек чувствовал себя членом одной большой семьи»*, *«все было доступно... не боялись за завтрашний день»*, *«твердо знали, что государство не оставит»*.

Рефлексия, наивность и противоречия в нарративах образованных участников конкурса

Как уже говорилось, в нарративах образованных участников конкурса производятся многие известные по публицистике символы и метафоры, характеризующие время «оттепели». Однако в целом их рефлексия, направленная на анализ этого времени, выглядит довольно поверхностной.

Так, говоря об этом времени, они, как правило, не идут дальше описания идеалов и надежд своей юности. На фоне этого описания редко кто из них говорит о конкретных политических событиях начала «оттепели» (таких, как разоблачение культа личности Сталина, доклад Хрущева и т.п.), то есть в какой-то мере анализирует сталинский режим. Репрессии и жестокость режима также почти не упоминаются, а если и упоминаются, то осторожными фразами: «*среди окружающих никто не пострадал при Сталине*», «*ужасный 1937 год не коснулся нашего семейства*». Интересно, однако, оценить эту риторичку на фоне социологических данных о том, что почти треть семей была впрямую затронута сталинскими репрессиями³.

Значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 года, Чехословакия 1968 года, преследование диссидентов и т.п.) тоже почти не анализируются представителями этой группы. Конечно, в условиях тотального государственного контроля над информацией в советском обществе об этих событиях люди узнавали в основном только из официальных источников, как правило, на партийных производственных собраниях и митингах, и вместе со всеми принимали те оценки, которые предлагала официальная идеология. Сожаление же о своей наивности («*Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...*») или какая-то критика своей слепоты в отношении этой идеологии высказывается образованными участниками конкурса довольно редко. Надо отметить также, что своеобразным рефреном в их нарративах оказывается фраза: «*мы работали честно*», которой человек как бы снимает с себя ответственность за все прегрешения советского времени и освобождает себя от анализа каких-либо сложных общественных проблем этого времени.

Можно согласиться, что такое уклонение образованных людей от рационального осмысления сталинского режима определяется изначальной ангажированностью интеллигенции в советскую идеологию, ее близостью к власти⁴. Хорошо известно, что получение диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости, тем более, когда оно подкреплялось успешной служебной карьерой и сопутствующим ей вступлением в партию. (Другой вопрос, что поступление

³ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. – М.: Мировой океан, 1993. – С. 258.

⁴ Левада Ю.А. Проблема интеллигенции в современной России... – С. 211.

в вузы тоже было идеологически «квотировано».) Эту ангажированность можно прочесть в нарративах образованных участников конкурса, когда человек, даже критикуя советское прошлое, сохраняет *«принципиальную верность идее»* или считает, что *«гнусности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени»* и что *«война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года»*. Из нарративов выясняются и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях *«все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда»*, и это не мешало относиться к Сталину как *«к вождю, без которого страна может пропасть»*. Общий пафос лояльности к советской системе в целом в нарративах образованных участников конкурса выражается в следующих суждениях: *«жизнь прожита не напрасно»*, *«нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее»*, *«исправить недостатки социализма»*.

Еще одной значимой характеристикой памяти о советском прошлом в автобиографических нарративах образованных участников конкурса оказывается наличие/отсутствие у них культурного капитала. Культурный капитал, учитывая цепь коллизий развития советского общества, понимается здесь как наличие у родителей респондентов образования, дававшего статус служащего в советском обществе. И если родители являются в этом смысле образованными людьми (здесь оказываются и люди дворянского происхождения, которых, естественно, очень мало, и *«скромные советские служащие»* пролетарского или крестьянского происхождения), то культурный капитал семьи, как свидетельствуют нарративы, обязательно сказывается на биографии детей и их мировосприятии.

Обобщенная картина биографического дискурса тех, кто принадлежит к образованным слоям общества в первом поколении, и тех, чьи родители уже обладали в той или иной степени культурным капиталом, выглядит следующим образом.

Первых характеризует бурная (студенческая) молодость с чтением стихов, театрами, дефицитными книгами и культурным энтузиазмом (т.е. с мифами их молодости), которая с началом семейной жизни в целом угасает и становится приятным воспоминанием. Их ангажированность в культурные коды советской идеологии, как правило, поддерживается активным участием в общественной работе, связанным с партийностью. И в тех случаях, когда они разочаровываются в прошлом, они определяют себя как *«наивных простаков»*, *«тружеников, доверчивых по натуре, работавших на совесть и в 60-х, и в 70-х, и в 80-х годах»*.

Биографический дискурс вторых выглядит сложнее. Можно сказать, что унаследованный ими культурный капитал делает их рефлексивными и их жизнь более активными. Это выражается не только в том, что они участвуют в официальном мифотворчестве (иными словами, умеют поддерживать и адаптировать официально выдвигаемые мифы), а и в том, что они обнаруживают умение создавать и обновлять мифы собственной (личной) жизни каждый раз, когда сталкиваются с тяжелыми и жесткими ее обстоятельствами. Их мифотворчество и рефлексивность можно структурировать по двум линиям: ангажированность в советскую

идеологию и попытки отстранения и критичного отношения к ней, которые трудно определить так однозначно, как для первых. Можно только отметить, что, в отличие от первых, они не называют себя «наивными простаками».

Наконец, надо сказать и о том, что в нарративах образованных людей встречаются такие же противоречия, как в нарративах менее образованных, – а именно противоречия между реальными их жизни и оценками советского прошлого. Эти противоречия читаются, когда о «верности идее социализма» говорят те из участников конкурса, кто имеет личный опыт столкновения со страшными реалиями сталинского режима и пишет о том, что «где-то кости дяди – 10 лет без права переписки», или о том, что в течение жизни его преследовали, увольняли, не давали поступить в институт «по идеологическим соображениям».

Эти противоречия в нарративах участников конкурса можно интерпретировать с позиции нескольких интерпретативных схем. Так, постмодернистская теория дискурса позволяет объяснить эти противоречия как норму советского дискурса, как результат «политики нормализации индивида»⁵. Адаптированный к советскому режиму человек не замечал (должен был не замечать) противоречий между реальными своей жизни и пропагандируемыми советской идеологией ценностями, демонстрируя тем самым свою приверженность власти и свою «нормальность» как члена общества.

Эти противоречия можно объяснить также с точки зрения защитных механизмов психики человека, который на протяжении десятилетий подвергался тотальному давлению идеологических стандартов. Отчасти с этих позиций объясняет деформации сознания в послевоенной Германии немецкий психиатр Бруно Беттельхейм, говоря о том, что «репрессивный режим способен разрушить личность взрослого человека до такой степени, когда он сможет не знать того, что ему страшно не хочется знать»⁶.

Еще одним объяснением может служить позиция П. Бурдые, который считает, что последовательные моменты практики защищены от логики хронологическим развитием⁷. Или М. Полани, который говорит, что человек рационален только в той мере, в какой истинны концепции, к которым он привязан⁸. Однако в любом случае эти противоречия в нарративах участников конкурса свидетельствуют об устойчивости идеологических формул советского прошлого.

⁵ Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5.

⁶ Беттельхейм Б. Просвещенное сердце // Человек. – 1992. – № 6.

⁷ Бурдые П. Начала. – М.: Socio-Logos, 1994.

⁸ Полани М. Личностное знание (На пути к посткритической философии). – М.: Прогресс, 1983.

Заключение

Итак, интерпретация автобиографических нарративов участников этого конкурса дает возможность увидеть следующие характеристики памяти о советском прошлом.

Прежде всего, это разное символическое пространство памяти людей с разным уровнем образования, можно сказать, обособленность картин мира – мира «простого» человека, которому свойственно практическое мировосприятие, и мира образованного человека, который во многом ориентируется на литературное и публицистическое знание.

Еще одна особенность памяти о советском прошлом – противоречия в нарративах между описываемыми реалиями жизни человека и высказываемыми им оценками советского прошлого. И эти противоречия свидетельствуют об устойчивости формул советской идеологии и их влиянии на память и оценочные суждения обеих групп участников конкурса – как образованных, так и менее образованных.

Можно также заключить, что в автобиографических нарративах участников этого конкурса не было последовательной критики в отношении советской идеологии и сталинского режима, несмотря на то, что время, когда проводился конкурс, было временем перестройки общества и бурных обсуждений и критики советского прошлого. Причем участники конкурса отвечали на заданное темой конкурса предложение вспомнить (а значит, и осмыслить) время «оттепели» в связи с происходящими в стране переменами.

Виктор Чебанов

Священнослужители и чиновники духовных ведомств из круга моей семьи

Виктор Дмитриевич ЧЕБАНОВ

*независимый исследователь,
Санкт-Петербург*

1. Виноградов Иоанн Афанасьевич

(1794–1842) – мой прапрапрадед со стороны бабушки Марии Ивановны Яцкевич (Лаппо). Сын священника села Старая Ладога. В 1819 окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию (будущую Академию) и был назначен учителем Ямбургского духовного училища, в котором служил по 1822 год. С 1823 служил дьяконом в Андреевском соборе на Васильевском острове и законоучителем в Горном институте и Горнозаводской школе. С декабря 1825 до 1826 служил священником церкви Сошествия Святого Духа при Императорской Академии художеств. С 1826 по 1836 был протоиереем, настоятелем дворцовой церкви Живоначальной Троицы в Гатчине и духовником членов императорской семьи. В 1827 за достойное служение ему были объявлены благодарности от вдовствующей императрицы Марии Феодоровны и митрополита¹. Похоронен на старом Гатчинском кладбище, уничтоженном в конце 1930-х.

¹ Воспоминания И.А. Виноградова были опубликованы: Записки протоиерея Иоанна Виноградова. 1800–1836 // Русская старина. – 1878. – Т. 22, № 8. – С. 574–576 (публ. М.И. Платоновой). Фрагмент этих записок, посвященный событиям 14 декабря 1825, опубликован в наши дни, см.: Из воспоминаний И.А. Виноградова // 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. – СПб.: Академический проект, 1999.

chebanov1926@yandex.ru

2. Платонов Константин Платонович (1807–1889) – мой прапрадед со стороны бабушки Марии Ивановны Яцкевич (Лаппо). Казначей и экзекутор Священного Синода, действительный статский советник, удостоенный почетного звания статс-секретаря императора Александра II.

3. Вирославский Николай Михайлович (1832–1909) – по сути, уже не родственник, а свойственник, муж старшей дочери К.П. Платонова Елены Константиновны (тети моей бабушки). Сын священника г. Короча Курской губернии. Окончил Курскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, протоиерей, магистр богословия. С 1860 по 1895 – священник и историк церкви Владимирской Иконы Божией Матери в Придворных слободах (в районе совр. Владимирского и Загородного проспектов). Был законоучителем малолетних придворных певчих, его приглашали читать проповеди на кафедре Исакиевского собора. Был духовником Ф.М. Достоевского в последние годы его жизни², исповедовал его перед кончиной, читал отходную и служил по нему панихиды. С 1895 по 1898 – настоятель церкви Владимирской Иконы Божией Матери, после этого служил в ней еще несколько лет на вакансии священника.

4. Яцкевич Виктор Иванович (1861–1924) – мой дед со стороны матери. Сын бедного многодетного священника Себежского уезда Витебской губернии. В начале своего ученического пути в Полоцком духовном училище они с товарищем зимой ходили на занятия по очереди, потому что у них было одно пальто на двоих. Но благодаря своим способностям, трудолюбию и добросовестности, он достиг высоких постов, став в 1910 тайным советником, директором канцелярии Обер-прокурора Св. Синода, а после ликвидации Синода и ведомства Обер-прокурора – директором департамента по делам Православной церкви в Министерстве вероисповеданий. Но чтобы хоть кратко рассказать о его плодотворной многосторонней деятельности, требуется отдельный доклад.

5. Чебанов Григорий Кириллович (? – 1915) – мой дед со стороны отца, протоиерей. Окончил Харьковскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1892 был настоятелем церкви Воскресения Христова при городской пересыльной тюрьме в Демидовом переулке, с 1895 – настоятелем церкви Сретения Господня на Выборгской стороне. Был членом Первого дамского комитета Красного Креста. С 1904 до своей кончины в 1915 служил в церкви Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Шпалерной улице. Похоронен предположительно на Старом Волковском кладбище.

² Тихомиров Б.Н. О. Николай Вирославский – духовник писателя (к биографии Достоевского) // Достоевский: Материалы и исследования. – Т. 11. – СПб.: Наука, 1994. – С. 267-270.

6. Лаппо Иван Иванович (1831–1898) – двоюродный брат и тесть В.И. Яцкевича. Сын протоиерея Иоанна Лаппо, служившего в 1865 в Иоанно-Богословской церкви Витебска. По воспоминаниям его младшей внучки Е.И. Журавской, первоначально он был униатом и неоднократно подвергался высылкам, но документального подтверждения этому найти не удалось. И.И. Лаппо по окончании Витебской гимназии был отправлен на казенный счет в Московский университет. В 1858 окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1859 – учитель Александро-Невского духовного училища, с 1861 служил в Св. Синоде, а с 1871 – в канцелярии Обер-прокурора Св. Синода, первоначально начальником 2-го отделения, а с 1893 вице-директором канцелярии в чине действительного статского советника.

7. Никонович Антоний Николаевич (1848–1930) – зять В.И. Яцкевича (муж его сестры Софии Ивановны), протоиерей. С 1900 по 1909 был настоятелем Николаевской церкви в имении (впоследствии – селе³) Свольна Дриссенского уезда Витебской губернии и благочинным второго округа, а с 1914 – настоятелем Витебской Рынково-Воскресенской церкви, членом Витебской духовной консистории и епархиального попечительства. В августе 1918 был избран заместителем благочинного церквей г. Витебска и членом благочиннического совета. В 1922 был арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. После освобождения в 1926 снова стал настоятелем Рынково-Воскресенской церкви, благочинным и членом городского епархиального управления. Последние годы жизни, отойдя от дел по причине дряхлости, прожил вместе с женой у дочери Марии Антониевны, скончались с женой они почти одновременно⁴.

8. Никонович Владимир Антониевич (1877–1958) – сын А.Н. и С.И. Никоновичей (племянник В.И. Яцкевича). В 1902 окончил Витебскую духовную семинарию. В 1902–1904 служил псаломщиком в Тюсьбюкской Военно-местной церкви Нюландской губернии Финляндии. В 1905 принял сан и был назначен священником 30-го пехотного Полтавского полка, потом был священником 31-го Алексопольского полка и закончил Великую войну священником 109-го пехотного Волжского полка. За отличие под огнем неприятеля был награжден золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. После Гражданской войны служил священником в местечке Пустошка. В апреле 1931 был арестован и приговорен Особым совещанием ОГПУ к трем годам ИТЛ. С 1940 служил священником в церкви Михаила Архангела в селе Зарубинки Касплянского района Смоленской области. В 1949, в возрасте 72 лет, был арестован УМГБ Смоленской

³ До революции это имение принадлежало семейству Черских – родне знаменитого российского географа И.Д. Черского, исследователя Восточной Сибири.

⁴ Судьбы православного духовенства и мирян Витебщины (1917–1990). По страницам архивных документов / Сост. свящ. Владимир Горидовец. [Электронный ресурс. CD-R]. – Витебск, 2012.

области и приговорен к 10 годам ИТЛ. В связи с очень плохим состоянием здоровья и одряхлением был освобожден досрочно. Долго и мучительно умирал на руках у жены. Скончался в апреле 1958. Похоронен на кладбище села Зарубинки. Окончательно реабилитирован в 1997.

9. Погодин Александр Иванович (1872–1937) – муж племянницы В.И. Яцкевича Софии Антониевны, дочери А.Н. и С.И. Никоновичей. Протоиерей, окончил Новгородскую духовную семинарию. С 1904 по 1913 был настоятелем церкви Св. Михаила Архангела при учебно-воспитательном заведении Великого князя Михаила Николаевича для детей артиллерийских офицеров. В 1906 вступил в «Братство ревнителей церковного обновления» в Санкт-Петербурге. В 1911 был членом Общества попечения о бедных флотского и военного духовенства, попечителем приюта для вдов и сирот военного духовенства («Покровский приют») и товарищем председателя похоронной кассы по Ведомству протопресвитера военного и морского духовенства. В 1913 был членом Главного совета Общества попечения и членом Комитета по управлению Покровским приютом. В 1914–1915 кратковременно был священником 145-го пехотного Новочеркасского полка на Юго-Западном фронте, но в связи с ранением был демобилизован. В 1917 был попечителем и делопроизводителем Общества попечения. С 1925 по 1932 был настоятелем обновленческой церкви Свв. Космы и Дамиана (бывшей церкви при Лейб-гвардии саперном батальоне) на Кирочной улице. В октябре 1932 был арестован и приговорен к 5 годам ИТЛ, но освобожден на 2 года раньше. С апреля 1936 был настоятелем обновленческой церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в Новой Деревне, а в октябре 1937 служил священником в обновленческом Андреевском соборе. 9 октября 1937 он был арестован, а его жена (в возрасте 62-х лет) выслана на 101-й км. 25 ноября Особой тройкой УНКВД ЛО он был приговорен по ст. 58-10 к ВМН и расстрелян 3 декабря 1937. Похоронен предположительно на Левашовской пустоши под Ленинградом. Реабилитирован 14.06.1994. (С А.И. Погодиным я был лично знаком в отроческом возрасте.)

10. Овсянкин Митрофан Дмитриевич (1871–1942) – муж племянницы В.И. Яцкевича Александры Николаевны (дочери его сестры Александры Ивановны Хруцкой), протоиерей. В 1900-х служил в соборе Преображения Господня в г. Лепель Витебской губернии и был лепельским уездным наблюдательным священником. В годы Гражданской войны служил в г. Белая Церковь (со слов его дочерей, документально не подтверждено). В 1922 служил в г. Себеж Витебской губернии, где был активным противником обновленцев и изъятия церковных ценностей, за что был прозван «апостолом староцерковников». С 1927 по 1929 служил в церкви погоста Георгиевские Любуты Великолукского уезда Псковской губернии. В 1929 был арестован и приговорен Особым совещанием при

Коллегии ОГПУ к трем годам ссылки в Северный край. По отбытии срока вернулся к родным и скончался в кругу семьи во время блокады Ленинграда. (С М.Д. Овсянкиным я был лично знаком в отроческом возрасте.)

Дальше следуют, собственно говоря, уже не родственники, а свойственники, но я решил рассказать и о них, поскольку у них были весьма интересные биографии.

11. Журавский Митрофан Петрович (1860–1933). Сын священника Лепельского уезда Витебской губернии. Окончил Витебское духовное училище, а в 1882 Витебскую духовную семинарию (одновременно с В.И. Яцкевичем). В 1886 окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1892 женился на Екатерине Ивановне Лаппо, дочери чиновника канцелярии Обер-прокурора Св. Синода И.И. Лаппо (став свояком В.И. Яцкевича, женатого на ее родной сестре). С 1892 служил чиновником в Ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства. Курировал строительство Морского собора в Кронштадте и церкви Иконы Казанской Божией матери в поселке Териоки (ныне г. Зеленогорск). С 1912 был правителем Канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского, закончил службу при ликвидации ведомства в 1918 в чине действительного статского советника. После революции с 1920 по 1922 служил в различных подразделениях при Управлении Петросовета. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге. (С М.П. Журавским я был лично знаком.)

12. Журавский Александр Петрович (? – ?) – старший брат М.П. Журавского, соученик В.И. Яцкевича по Витебской духовной семинарии. В 1900–1901 участвовал в походе в Китай и был священником охранной стражи Китайской восточной железной дороги. С 1900 по 1907 был настоятелем собора Святителя Николая Чудотворца в г. Харбине. В 1905 был главным полевым священником 2-й Маньчжурской армии в сане протоиерея. Награжден золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. С 1907 по 1917 был последним настоятелем церкви Свв. Космы и Дамиана при Лейб-гвардии саперном батальоне в Петербурге-Петрограде.

13. Журавский Корнилий Петрович (? – ?) – младший брат А.П. и М.П. Журавских, протоиерей. Окончил Витебское духовное училище и Витебскую духовную семинарию. В 1896–1902 – священник Петропавловской церкви Лейб-гвардии уланского Императрицы Александры Феодоровны полка в Петрогофе. С 1902 по 1917 – священник Преображенской церкви Лейб-гвардии гренадерского полка на Аптекарском острове. Участвовал в Русско-японской войне священником Забайкальской казачьей дивизии и 33-го Восточно-Сибирского

стрелкового полка в г. Мукдене. За участие в военных действиях награжден золотым наперсным крестом на георгиевской ленте. В 1915 был полковым священником на фронте, демобилизован по ранению.

14. Журавский Иван (Иосиф) Михайлович (род. 1976) – праправнук протоиерея К.П. Журавского, иеромонах. Окончил в 2003 Московскую духовную семинарию и принял постриг. Служит в Троицком храме села Новые Горки Ивановской области. В 2013 он был в Петербурге, и мы с ним сходили на Новодевичье кладбище, где он совершил литию на могиле М.П. Журавского, и на Красненькое кладбище к могилам его жены, сына и дочери .

* * *

С начала XIX века и практически до его окончания духовные лица нашего рода выдавали своих дочерей за священников или чиновников духовных ведомств. Так, И.А. Виноградов выдал дочь за чиновника Св. Синода К.П. Платонова, И.И. Яцкевич – за священника А.Н. Никоновича, К.П. Платонов – старшую дочь за священника Н.М. Вирославского, а младшую – за чиновника ведомства Обер-прокурора Синода И.И. Лаппо, а последний – старшую дочь за чиновника того же ведомства, а младшую – за чиновника Ведомства протопресвитера военного и морского духовенства. У лиц, родившихся в последней трети века, такой традиции уже не было.

Александр Чувьюров

История России XX века по биографиям моих родственников

**Александр Алексеевич
ЧУВЬЮРОВ**

*научный сотрудник
Российского этнографического
музея (СПб.),
кандидат исторических наук*

В фильме итальянского режиссера Этторе Скола «Бал», все действие которого происходит в одном небольшом парижском кафе, через судьбы нескольких сквозных персонажей посредством сменя антуража кинематографического действия – смены мод в музыке, одежде, стиле поведения – показана история Франции почти за пятьдесят лет, – от 1934 до 1983 года: победа Народного фронта, фашистская оккупация Франции и освобождение Парижа союзниками, колониальные войны, студенческие волнения и т.д.

Если биографии моих родственников трех поколений – моей бабушки, отца и брата выстроить в кинематографической последовательности, то через их судьбы можно увидеть многие исторические коллизии, которые испытала Россия в XX в., – Гражданскую войну, коллективизацию, хрущевскую кукурузную кампанию, историю ВИА и рок-музыки в СССР.

Моя бабушка Мария Афанасьевна Уляшова (в девичестве Пастухова) родилась в 1898. Прадед Афанасий Назарович Пастухов был торговцем-перекупщиком, – он оптом покупал у торгующих на Печоре

chuvjurov@yandex.ru

чердынских купцов хлеб, соль, сахар и другие товары, а потом эти товары выдавались в долг охотникам-промысловикам и рыбакам, которые рассчитывались товарами своей промысловой деятельности (пушшиной, боровой дичью, ценными породами рыбы – семгой, сигом, нельмой). По рассказам бабушки, у него было еще «торговое судно» – каюк, большая крытая дощатая парусная лодка, на которой он плавал по Печоре, развозил товар по деревням. Зимой он занимался извозом: по Сибиряковскому тракту перевозил с Оби хлеб, зерно, сахар, охотничьи припасы, одежду и обувь – более дешевые, чем у чердынских купцов.

Как рассказывала бабушка, свои торговые дела с чердынцами прадед вел через некоего Палехова, приказчика одного из чердынских купцов, торгующих по Печоре. Поэтому за моим прадедом в деревне закрепилось прозвище – Паляхов, фонетически слегка переделанная фамилия на более приемлемый для коми лад. На одном из сайтов генеалогических исследований я обнаружил репрессированного в 1934 жителя села Якша – Александра Васильевича Палехова, 1877 года рождения. Возможно, это и есть тот самый Палехов, о котором упоминалось в нашем семейном предании¹.

У прадеда было семь сыновей и одна дочь – моя бабушка Мария. Дела прадеда шли в гору, но наступил революционный семнадцатый год, и его торговым делам пришел конец. Окончательно прадед разорился во время Гражданской войны.

Рассказы моей бабушки о Гражданской войне весьма существенно отличались от канонических сюжетов в советских учебниках: «Пришли красные – все забрали: лошадей, коров, платки, сарафаны, – все забрали. Полностью нас разорили...». Сам прадед, по словам бабушки, до 1921 скрывался в лесной избушке на реке Большая Вяткина, опасаясь репрессий красных, так как двое из его сыновей – Савватий и Климентий – воевали на стороне белых. Спустя годы, когда в 1990-е стали публиковаться архивные материалы и воспоминания участников этих событий, рассказы моей бабушки получили документальное подтверждение.

Так, командующий Северной добровольческой армией генерал В.В. Марушевский следующим образом описал события 1919 года на Печоре: «В этих глухих местах революция потеряла <...> свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов. На почве одичалости и грубых нравов населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. <...> проруби на глубокой Печоре, заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды. Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый – было почти невозможно.

¹ Палехов Александр Васильевич (1877, Коми АССР, Троицко-Печорский р-н, с. Якша – 1934) коми; пекарь, житель: Коми АССР, Троицко-Печорский р-н, с. Якша. Арестован 03.12.1934, обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР, осужден Тройкой при ПП ОГПУ Северного края 06.07.1934. Приговор: 3 года лишения свободы. – Книга памяти Республики Коми. – <http://rosгенеa.ru/?alf=16&serchcatal=%CF%E0%EB%E5%F5%E2&r=4>

Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае»².

Анализируя ход Гражданской войны в Коми крае, Ю.В. Гагарин отметил следующую особенность: массовые антибольшевистские выступления и активная поддержка Белого движения были характерны для районов проживания старообрядческого населения – Нижней Печоры (Пижма, Цильма, Усть-Цильма), Верхней и Средней Печоры (Печорский край Усть-Сысольского уезда, Усть-Кожвинское сельское общество), Верхней Вычегды (Помоздино, Вочь, Керчемья), Удоре³. В ряде среднечорских сел и деревень в антибольшевистских мятежах участвовало до 70 процентов старообрядцев. Среди организаторов этих выступлений было немало старообрядческих наставников⁴.

Отношение к новой (советской) власти среди старообрядцев не изменилось и после Гражданской войны: старообрядцы считали эту власть антихристовой и игнорировали проводимые местными советскими органами реформы по структурной перестройке народного хозяйства и образования. Так, старообрядцы отказывались отдавать детей в открываемые на Печоре во второй половине 1920-х школы. Позднее точно так же старообрядцы бойкотировали начавшуюся коллективизацию, отказываясь вступать в колхозы. В отношении отказчиков применялись различные дискриминационные меры. Семья моей бабушки до последнего отказывалась вступать в колхоз. К 1937 в селе осталось только две семьи так называемых трудовых единоличников – семья моей бабушки (в то время уже Уляшовой) и семья старообрядческого наставника П.Г. Мамонтова. В Печорском архиве, в материалах заседаний Соколовского сельсовета, я обнаружил дело, которое касалось истории семьи моей бабушки на тот самый единоличный период. В 1937 на одном из закрытых заседаний Соколовского сельсовета обсуждался вопрос о единоличных хозяйствах. Как единоличнице ей предписывалось ежеквартально сдавать 400 литров молока, а так как корова еще не отелилась, то бабушка не смогла выполнить это предписание. В заседании было принято решение, что в следующий квартал она должна сдать причитающиеся за новый квартал 400 литров плюс задолженность по предыдущему кварталу. В отношении единоличных хозяйств существовали различные дискриминационные предписания: в местном сельпо единоличным хозяйствам не отпускали необходимый для ведения хозяйства товар (керосин и пр.). Нарушение этих предписаний достаточно сурово наказывалось. Так, в 1940 был осужден известный старообрядческий наставник Самуил Андреевич Мамонтов, занимавший в то время должность председателя Концеборского сельпо. Его обвинили в игнорировании местных органов власти и в антисоветской практике,

² Марушевский В.В. Белые в Архангельске (Гл. IX. Март 1919) // Гражданская война в России: Война на Севере. – М.; СПб., 2004; см. то же: http://militera.lib.ru/memo/russian/marushevsky_vv/09.html

³ Гагарин Ю.В. Старообрядцы. – Сыктывкар, 1973. – С. 49.

⁴ Там же.

которая заключалась в том, что он «стал на путь построения единоличных хозяйств»: отпускал керосин и давал лошадей Конецборского сельпо единоличным хозяйствам для сельскохозяйственных работ⁵.

Старообрядцы во многом сохранили дореволюционный уклад жизни: по-прежнему придерживались различных предписаний и запретов, ограничивающих контакты с иноверными (представителями других конфессий) и употребление отдельных продуктов (чай, кофе и др.). В магазинах покупалось только самое необходимое: мука, крупы, – считалось, что эти продукты в процессе приготовления проходят через огонь, очищаются. В основном жили за счет своего натурального хозяйства. Пенсию не получали – считали ее подачкой антихристовой власти. Не участвовали в выборах и в прочих мероприятиях советских органов. Отрицательно относились к советской символике и ее атрибутам. На этой почве в нашей семье происходили конфликты. Когда в начальных классах я был принят в октябрята, бабушка к этому отнеслась крайне негативно: значок «нельзя носить, на этом значке лик антихриста» (Ленина)⁶. Негативным было и отношение к советским праздникам: например, 8 марта «коммунисты специально придумали, потому что в этот день Адам и Ева согрешили», и т.д. Всякие технические новинки (радио, магнитофоны, телевизоры) воспринимала как бесовские изобретения для обольщения людей.

Мой отец, Алексей Андреевич Чувьюров (1929–2009), был человеком иного мировоззрения. Он родился в 1929 в Усть-Куломском районе. И как у многих детей довоенного поколения, у него было сложное детство. Во время войны его отец был мобилизован на трудфронт и отправлен в Свердловск. В 1943 семья получила извещение о его смерти.

В 1954, после службы в армии, по распределению Министерства сельского хозяйства отец был направлен агрономом на сортоучасток в Соколово (Печорский район Республики Коми), где проработал до 1960 года. В 1960 в Печорский райком партии поступила директива из обкома, в которой предписывалось начать посадки кукурузы в районе. После того, как отец написал обстоятельную докладную о невозможности выращивать кукурузу в этом регионе, с должности агронома его сняли. Узнав о решении уволить его, вышел из комсомола. Часто менял место работы (моторист электростанции, завскладом в сельпо, водитель автомашины в совхозе, радист в «Коминьфти»), что в те годы также порицалось

⁵ Печорский государственный архив. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4 (протокол №5 заседания Конецборского райисполкома от 08.04.1940).

⁶ Подобные апокалипсические воззрения были весьма популярны среди старообрядцев: так, среди сибирских старообрядцев часовенных в 1980-е встречались толкования, согласно которым семь голов апокалипсического «зверя» и десять его рогов означают вождей марксизма-ленинизма и руководителей Советского государства и правительства: семь голов – это Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Маленков, Булганин, Хрущев. Они же именуются рогами, и дополняются к ним еще трое – Брежнев, Андропов и Черненко, и всего этих рогов получается 10. Христианской Троице противопоставляется троица сатаны – Маркс, Энгельс и Ленин (см.: *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. – М., 2002. – С. 419).

(«летун»). Демонстративно накануне выборов уходил в лес на охоту. Он много читал (художественную и техническую литературу), собирал мемуары. Места, в которых давалась негативная оценка деятельности Хрущева, он особо выделял – обычно подчеркивал и ставил восклицательные знаки на полях (помню такие пометки в книге авиаконструктора А.С. Яковлева «Цель жизни»⁷).

На крыше дома он демонстративно установил антенну, чтобы слушать зарубежные радиостанции. Правда, в отличие от настоящих диссидентов, он не считал ущербными социалистические идеи. Для него эти идеи были верны, но хрущевская линия была не просто ошибочной, но и предательской. Хрущева он открыто называл ревизионистом, волюнтаристом и подкулачником, а его симпатии были на стороне вождей кубинской революции (Фидель Кастро, Че Гевара). Считал, что история СССР могла бы пойти совсем по-другому, если бы у власти остался Г.М. Маленков (которого он считал «последним ленинцем»).

В нашей деревенской среде он был чем-то вроде Глеба Капустина из рассказа В.М. Шукшина «Срезал»: всякий раз, когда в мире происходили какие-то резонансные политические события, люди приходили к моему отцу, пытались от него узнать какие-то подробности. Неформальным мужским политическим клубом была наша летняя кухня. Дощатый домик летней кухни отец построил уже позже, в начале семидесятых, а в шестидесятые это была половина 200-литровой бочки из-под бензина, к которой была приделана труба. Вот к этой печке приходили деревенские мужики поговорить с отцом, у которого была репутация человека, хорошо разбирающегося в политике.

Правдивость приводимым отцом фактам придавало обилие различных цифр и подробностей. Я помню некоторые из этих его «политинформаций»:

– шестидневная война: «Израиль нанес удар, когда все высшее египетское военное руководство находилось на дне рождения министра обороны. Египет потерял всю авиацию и 1 200 танков. Советский Союз передвинул флот к берегам Израиля, и израильтяне остановили наступление»;

– пограничный конфликт на острове Даманском: «Наши испытали новое оружие, лазером выжгли китайскую территорию на 15 км, наших погибло 56 человек, китайцев 4000».

Именно цифры и факты выглядели наиболее убедительными для собеседников моего отца. В то время, конечно, я был не в состоянии проверить достоверность приводимого отцом материала. Спустя годы у меня возникало желание спросить, откуда он брал эти сведения, но разговора на эту тему так и не получилось.

В школьные годы я по понятным причинам не мог выступить оппонентом отца, но в 1980-е, когда уже учился в университете, во время моих приездов на каникулы часто происходили яростные споры. Никакие факты и доводы

⁷ Яковлев А.С. Цель жизни. – М.: Политиздат, 1973.

не могли поколебать его убеждений. Не отрицая многочисленных жертв в годы сталинизма, находил оправдание: «время было такое, по-другому было нельзя»; «репрессии проводил не Сталин, а такие малообразованные карьеристы, как Хрущев, которые таким образом избавлялись от конкурентов»; «если бы к власти пришел Троцкий, то о газовых камерах мир бы узнал на 15 лет раньше»; «ты мелко плаваешь и ничего про Маленкова не знаешь, он пытался провести реформы, налоги при нем снижались, льготы обкомовским работникам он убрал, но карьерист Хрущев с помощью своих прихлебателей его сместил и отправил в ссылку в Усть-Каменогорск командовать электростанцией. А если бы удалось Маленкову сделать все, что он задумал, мы бы сейчас жили в другом мире».

Происходящие в СССР события (брежневский период) воспринимал как продолжение политики хрущевского ревизионизма. Точно таким же было отношение и к горбачевской перестройке («Горбачев – продолжатель дела Хрущева»), и к последующей эпохе Ельцина. На выборы не ходил. Единственный раз попытался принять участие в выборах в 1996. Он говорил: «из двух зол (Ельцин – Зюганов), нужно выбрать меньшее (Зюганов)». Но отца не оказалось в списках избирателей, и после небольшого скандала он ушел обратно в лес. В 1990-е он любил повторять фразу (про реформы Гайдара) из интервью какого-то российского экономиста: «Нужно страшно сильно ненавидеть свой народ, чтобы проводить такие реформы». Умер в отец 2009 году.

Мой брат, Николай Алексеевич Чувьюров (род. в 1955), принадлежит к поколению, из которого вышли многие отечественные рок-музыканты – Гребенщиков, Макаревич и др. Неформальным девизом многих представителей этого поколения, из-за их отношения к жизни, могли бы стать известные строки из песни группы The Who «My Generation»: «Надеюсь, я умру до того, как состарюсь» («I hope I die before I get old»).

После окончания восьмилетки он два года, 1970–1972, учился в средней школе в пос. Кожва (местное название – Саратовка). Там он увлекся музыкой The Beatles, ярым поклонником этой группы является и сейчас. В 1972 он поступил в Ухтинский лесотехнический техникум, и там судьба свела его с меломаном. Проучился полгода, затем вернулся в Соколово и создал что-то вроде коммуны хиппи, – с группой своих единомышленников жил в одном доме, официально нигде не работали, средства на жизнь добывали, подрабатывая у частных (заготовка дров и т.п.). Благодаря активным действиям местного сельского совета (угроза привлечь к уголовной ответственности за тунеядство – ст. 209 УК РСФСР), коммуна прекратила существование.

В армии брат служил в стройбате в Московской области (в Солнечногорске и в Чехове), месяц был в командировке в Челябинске, где побывал на концерте ВИА «Ариэль», который во время концерта исполнил несколько битловских песен. Там же, в армии, ему удалось посмотреть фильм «О, счастличик!» (O Lucky Man!), в съемках которого принимали участие Алан Прайс и группа

The Animals. Из армии приехал с двумя чемоданами: кассеты, чехословацкие джинсы, вырезки о рок-музыке из польских и чехословацких журналов, книга О. Феофанова «Музыка бунта»⁸. Он мечтал уехать обратно в Московскую область, но жена была против, в итоге остался в деревне, в Соколово. Попытался в клубе организовать тематические вечера, посвященные западной рок-культуре, но это не встретило одобрения у дирекции клуба, поэтому эти вечера стал проводить в своем доме. Он устроился работать фуражиром, работал только вечерами: развозил сено и силос по коровникам, поэтому вполне мог себе позволить пободрствовать ночью. У него собирались меломаны из окрестных поселков (Песчанка, Кожва) и городские, из Печоры, а то и просто любители выпить. Обычно до утра продолжались ночные посиделки, в обсуждении альбомов различных групп. Коньком его оставались The Beatles. Если случалось заглянуть на огонек неопитам, то он старался максимально загрузить их информацией о своей любимой группе. Многие из того, что он рассказывал, тоже было основано на слухах и популярны среди битломанов легендах. Например, комментарии к песне «Back in U.S.S.R» и концерту, организованному Джорджем Харрисоном в поддержку голодающих в Бангладеш:

– «Back in U.S.S.R»: «Битлз летели в Японию, у них в Москве была пересадка, во Внуково. Их не пустили в город, вот они прямо там, в аэропорту, и дали концерт. Там и была записана эта песня. Даже песня начинается со звуков самолетов...»;

– «Bangla Desh»: «Джордж Харрисон организовал концерт в поддержку народа Бангладеш, сбор средств от которого был передан правительству Бангладеш. В знак признательности в столице Бангладеш установили Харрисону памятник: “Джорджу Харрисону с благодарностью от народа республики Бангладеш”».

Брат мечтал организовать ВИА (придумывал даже названия, например: «Соколовские битлы» – «The Sokol Beatles»). На своих посиделках он частенько исполнял песни Beatles на русскоязычные тексты различных авторов (Онегина Гаджикасимова и др.):

«Girl»:

Я хочу вам рассказать, как я любил когда-то.

Правда, это было так давно...

«And I Love Her»:

Да раньше я не знал,

как жизнь чудесна.

Стихов не понимал,

не любил песен.

Теперь я верю...

⁸ Феофанов О. Музыка бунта. – М.: Детская литература, 1975.

«Can't Buy Me Love»:

В Ливерпуле на площади в длинных пиджаках,
стоят четыре битласа с гитарами в руках.

И чтоб Битлас не забыли вы,
я вам песенку спою. Can't Buy Me Love...

В отличие от многих тогдашних поклонников западной рок-музыки, брат был поклонником ранних ВИА («Веселые ребята», «Поющие гитары», «Голубые гитары», «Добры молодцы» и др.) и охотно исполнял песни из их репертуара.

Его рок-просветительская деятельность вызывала неодобрение со стороны администрации местного сельсовета, и его иногда штрафовали.

«Вольная жизнь» закончилась в 1979: за драку в местном клубе он был осужден на четыре с половиной года. Вернулся в 1985, но спустя полгода – новый срок по той же 206-й статье УК РФ. Вернулся в ноябре 1991, на последнем месяце существования СССР.

В молодости он был поклонником всего «западного», но либеральные российские политики его глубоко разочаровали, и уже в середине 1990-х брат во многом стал придерживать тех же взглядов на политическую историю России, как и отец: «цель ельцинского телевидения – создать безмозглую биомассу, которой легко управлять». Западные ценности его тоже в определенной мере разочаровали: в частности, его шокировали некоторые подробности из жизни известных западных музыкантов (нетрадиционная ориентация Фредди Меркьюри, Элтона Джона).

Эволюция его взглядов – от предпочтения либеральных западных ценностей к ностальгии по советскому прошлому – в определенной мере типична для многих представителей его поколения. Тяжелые социальные последствия реформ Гайдара оттолкнули многих из тех, кто в 1990-х выступал за демонтаж советской системы, стали причиной их разочарования в отстаиваемых ими до того либеральных ценностях.

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Базанов Жители поселка Териоки: репрессии 1939–1941 годов.	3
Игорь Баскаков, Наталия Крук ОКБ-5.	10
Олег Божков, Светлана Игнатова О «корнях» и глубине семейной памяти	22
Георгий Ефремов Валериан Домбровский: волна из-под камня	35
Ольга Заславская От Фиуме до «Красной речки»: по следам одного мифа	45
Александр Иванов Филантропия с риском для жизни: деятельность Якова Цегельницкого на посту главуполномоченного Всемирного союза ОПТ в СССР, 1920-е – 1930-е гг.	60
Марко Клементи Фонд карабинеров на Родосе и его значение в истории итальянского Холокоста	75
Януш Кобрынь Биография одного дома и судьбы его владельцев.	81
Каринэ Маранджян История Михаила Хвана (1904–1978), или Почему в отечественной японистике до сих пор нет словаря скорописи	87
Карина Овсепян Размышления о судьбе спортсмена в СССР и анализ интервью с советским футболистом	94
Сергей Фокин «Россия уже мало похожа на ту, которую я знал». Жизнь и смерть доктора Александра Филипченко.	103
Нина Хайлова Либералы-центристы в России начала XX в.: опыт коллективной биографии	124

Нина Цветаева Память о социально значимых событиях советского прошлого в автобиографических нарративах	131
Виктор Чебанов Священнослужители и чиновники духовных ведомств из круга моей семьи	139
Александр Чувьуров История России XX века по биографиям моих родственников	145

Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург
Польский институт в Санкт-Петербурге

ПРАВО НА ИМЯ Биографика 20 века:

Тринадцатые чтения памяти Вениамина Иофе
20–22 апреля 2015
Сборник докладов

Научный редактор: Т.Б.Притыкина
Обложка: А.Ходот

ISBN 978-5-87857-257-6

НИЦ «Мемориал»: Санкт-Петербург, 191002, ул.Рубинштейна 23, оф.103

ЗАО «Норма»: 192102, Санкт-Петербург, ул.Салова, д.37

Подписано в печать 1.04.2016

Формат 60 × 90 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ № 55631

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «АРСИ»
Санкт-Петербург, ул. Бела Куна, д. 32